

95/1

ИЗВѢСТІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

XX т. Извѣстія И. П. О. издаются подъ редакціей
Секретаря Общества А. В. Гиршмана

п. 26477.

ТОМЪ XX. 1884

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. С. Суворина, Эртелевъ пер., д. 11—2

1885

Строк.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
—	7	спизу	Чирей
428	16	сверху	түсөмөң
429	13	"	Бурнекага
—	17	спизу	Янг-Уагъць
430	1	"	пашни
431	19	"	золотомъ
432	7	"	Таръ
433	6	"	азербейджански
—	5	"	Ритциль-угъалъ
434	5	сверху	Кхалъба
—	6	"	между словами „завбада“ и „рагута“ должна стоять точка съ запятой (;)
—	19	"	Фибехудиць
—	22	"	чүяль
—	27	"	халиць
—	80	"	бетца-руць
435	15	"	тюрлю
—	17	"	хуходилиць
—	19	"	чааргуду
436	21	спизу	Кочера
—	18	"	Кочерь
—	13 и 10	"	Кочера
437	8	сверху	киррами
439	20	"	Сугатли
440	14	спизу	мангъ
—	5	"	урусъ-аманчи
441	6	"	връати
442	2	сверху	твача
—	11	"	Кюринли
443	4	"	Кудинскаго
—	"	"	Дибаръ
444	7	"	Зуберху
445	5	спизу	Дархлиць
446	2	сверху	Зано-Мееръ
—	10	спизу	Ишкарты
448	17	сверху	Джалганъ
—	23	"	Кастаръ-кала
691	въ заглавіи статьи напечатано „особенно метеорологической комиссией“ должно быть „особенно метеорологической комиссіи М. М. Поморцевъ и чл. Русскаго Физико-химическаго общества“.		

ЗАМѢТКИ

О ЗАКАСПІЙСКОМЪ КРАѢ

И

СОПРЕДѢЛЬНЫХЪ СТРАНАХЪ.

П. М. Лессафа.

ПУТИ ИЗЪ АСХАВАДА БЪ ГЕРАТУ.

Въ полбрѣ и декабрѣ 1881 года, сдѣлалъ я первое путешествіе по Атеку и Хорасану ¹⁾. Хотя съ того времени до второй моей поѣздки, въ апрѣлѣ 1882 года, прошло всего четыре мѣсяца, но весьма многое измѣнилось въ положеніи края, вслѣдствіе того, что отношенія русскихъ какъ въ ахальцамъ, такъ и въ сосѣднимъ неповоротливымъ туркменамъ разныхъ племенъ успѣли вылиться. Штурмъ Геоктене, 12-го января 1881 года, былъ послѣднимъ военнымъ дѣйствіемъ въ Закаспійскомъ краѣ: о дальнѣйшемъ сопротивленіи въ Ахалѣ не могло быть и рѣчи. Но значительная часть жителей, обжавшихъ во время войны и послѣ штурма въ Мервъ и на Тедженъ, несмотря на полное прощеніе, объявленное вернувшимся, не могла отрѣшиться отъ азіатскихъ понятій объ участи побѣжденных и все еще не увѣренная, что ее ждетъ, не рисковала явиться на прежніи свои мѣста.

Большое впечатлѣніе произвелъ на текинцевъ пріѣздъ въ Асха-

¹⁾ Сообщеніе о немъ читано въ Русскомъ Географическомъ Обществѣ, 26-го января 1882 года.

бадъ Тырма-серадара ¹⁾). Милостивый приемъ, оказанный ему въ Петербургѣ, высокая награда, полученная серадаромъ, успокоили самыхъ недобрычливыхъ, и когда онъ поѣхалъ въ Мервь, то рассказы его обо всемъ видѣнномъ, о силѣ и величии Россіи значительно охладили плъ той части меридовъ, которая думала о дальнѣйшей борьбѣ; жители же Ахаала, убѣжденные его увѣреніями, что все прошлое забито, что прошеніе полное, а будущее зависитъ отъ поведенія ихъ самихъ, рѣшили, что сборъ сдѣланныхъ ими въ Мервѣ и на Тедженѣ посольствъ, вернуться въ свои селенія. На это рѣшеніе, конечно, немало повліяло и то обстоятельство, что въ Мервѣ охотно принимаютъ чужихъ, такъ какъ сами мервцы начинаютъ терять отъ недостатка земли и воды и ищутъ новыхъ мѣстъ для поселенія. Обратное движеніе началось въ сентябрѣ и послужило сигналомъ полнаго умиротворенія края. Бывшіе до того времени рѣдкіе случаи грабежей, какъ на перидской границѣ, такъ и въ степи, по путямъ въ Хиву и Бухару, совершенно прекратились. Мервскіе текинцы, населившіе Атекъ, при моей поѣздкѣ въ ноябрѣ, до этого времени никогда не видѣли френги ²⁾ и потому принимали насъ хотя и дружелюбно, но все же со сдержанностью и боязливостью азіатцевъ, первый разъ видящихъ европейца; съ тѣхъ поръ они ознакомились съ русскими, являясь все чаще и чаще въ Асхабадъ, сначала изъ любопытства, а потомъ и для покупки. Изъ Мерва и съ Теджена еще ранѣе были депутации для выраженія чувствъ дружбы къ Россіи; въ доказательство своей дружбы текинцы освободили артиллерійскаго солдата Кидана, бывшаго у нихъ въ плѣну съ хивинскаго похода, и возвратили имущество, ограбленное, въ августѣ, въ ахалдовъ, шедшихъ съ караваномъ изъ Хивы. Въ февралѣ нынѣшняго года караванъ купца Коншина съ краснымъ товаромъ проникъ даже въ самый Мервь. Въ это время край уже былъ насельно умиротворенъ, что для поѣздки изъ Асхабада въ Серахсъ не требовалось никакого прикрытія; совершенно достаточно было двухъ-трехъ человекъ прислуги, необходимыхъ при путешествіи, вооружить ружьями противъ случайныхъ воровъ. Жители Атека не только принимали съ почестями русскихъ гостей, но постоянно являлись просить какой-нибудь службы. Этими я и воспользовался, когда мнѣ потребова-

¹⁾ Бывшій предводитель текинцевъ подъ Геоктепе. Онъ умеръ въ юніи прошлаго года въ Баши.

²⁾ Обобщающае вообще европейца.

лось прикрытіе для поѣздки по Гери-руду и землямъ сарыковъ. При настоящемъ положеніи край, и въ этихъ мѣстахъ большой опасности для русскаго путешественника быть не можетъ; во все же ѣздить по нимъ необходимо съ приличнымъ конвоемъ, такъ какъ во всякомъ племени всегда могутъ найтись мелкія шайки разбойниковъ, а при разнообразіи племенъ, населяющихъ эту мѣстность, и при отдаленности ея отъ русскихъ владѣній, мало вѣроятія даже узнать, кѣмъ было сдѣлано нападеніе, и потому разбойники могутъ гораздо болѣе расчитывать на безнаказанность, нежели въ близкомъ къ намъ Атекѣ.

Доставить мнѣ прикрытіе взялись старшины деревни Каха. Они обязались поставить 20 турмень-алеиди на хорошихъ лошадяхъ; жалованье имъ было положено по 40 рублей въ мѣсяцъ; люди должны были сами заботиться о прокормленіи себя и своихъ лошадей. Десяти человекамъ были даны бердани изъ Асхабада, а остальные десять были вооружены своими ружьями, заряжающимися съ дула; кромѣ ружей, вслѣдствіи алеидинцевъ имѣлъ еще на себѣ цѣлый арсеналъ: два или три старые пистоleta, пашку и ножъ.

I.

Атекъ.

16-го апрѣля, вечеромъ, выѣхалъ я изъ Асхабада и 21-го прибылъ въ Серахсъ, сдѣлавъ дневку въ Каха для снаряженія прикрытія, которое, несмотря на обѣщаніе старшинъ, къ моему прибытію не было готово.

Для сбереженія силъ лошадей, я разрѣшилъ алеидинцамъ двигаться до Серахсы по почтамъ и, вообще, какъ имъ удобнѣе; я ѣхалъ на простой, но весьма крѣпкой кабардинской лошади почти все время рысью; а текинскія лошади рыси вовсе не имѣютъ, идуть или шагомъ, или вскачь, и, слѣдя за мною, слишкомъ утомлялись. Дорога же вполнѣ безопасная; въ прошломъ году, мѣстные жители, при переѣздахъ изъ деревни въ деревню, пробирались горами и то партіями, но нѣсколько вооруженныхъ всадниковъ; теперь же, по дорогѣ встрѣчались очень часто отдѣльные, невооруженные люди на ипакдахъ ¹⁾ и даже плѣшомъ.

¹⁾ Осахъ.

Вся дорога от Асхабада до Серакса, длиною 280 верст, идет на некоторомъ разстояніи отъ горъ, параллельно имъ, по совершенно ровной мѣстности. Только подъ Анпау и близъ Гуарса въ двухъ мѣстахъ приходится пересѣкать невысокіе песчаные бугры.

Описание Атека, по даннымъ моей прошлогодней поѣздки, помещено въ „Извѣстіяхъ И. Р. Географическаго Общества“ ¹⁾; здѣсь, въ дополненіе, я сообщу тѣ новыя свѣдѣнія, которыя собраны мною въ нынѣшнемъ году.

Слово Атекъ (т. е. подножіе горъ) служило прежде для наименованія всей мѣстности отъ Казанджика до Серакса; впрочемъ, это было названіе, весьма мало употребительное. Часть оазиса до Гуарса, занятая текинцами, называлась Ахаломъ; полоса мѣстности далѣе на югостокъ извѣстна въ окрестныхъ странахъ подъ именемъ Аракаджъ. Слово Атекъ, ни въ Афганистанѣ, ни въ Персіи жителямъ неизвѣстно. Необходимость отдѣльныхъ названій для покоренной нами и для независимой части оазиса дала право гражданства названію Атекъ, причѣмъ оно получило вполне опредѣленное значеніе: такъ, въ настоящее время, называется подножіе горъ отъ нашей восточной границы до Серакса.

Гуарсъ есть послѣдній населенный пунктъ ахалтекинскаго оазиса. Баба-Дурмазъ, лежащій на границѣ нашихъ владѣній, въ 71-й верстѣ отъ Асхабада, нѣгѣмъ не занятъ. Въ Атекѣ только два пункта, Лютфабадъ и Шильганъ, населены персами шитами, подданными Насръ-Эдинъ шаха. Всѣ остальные пункты заняты туркменами: Кахка и частью Кюренъ племенемъ аліели, а остальные главнымъ образомъ текинцами изъ Мерва. Все это населеніе весьма недавнее. Въ половинѣ прошлаго столѣтія, часть Ахала до Дуруна была занята племенами эмрала и карадашлы, а далѣе на югостокъ, около Янги-кала, Хурманъ; близъ Геогтене, и Асхабада, кочевали аліелинцы. Въ это время туркмены-теке перекочевывали изъ Мангышлака къ Кизиль-Арвату и стали тѣснить жителей Ахала; борьба длилась около полустолѣтія и въ началѣ нынѣшняго вѣка текинцы взяли верхъ: карадашлы ушли въ Хиву, эмралы въ Меана и Чача, аліелинцы частью въ Персію и Чинаранъ, частью въ Кязиръ (около Нухура), остальные въ Кюренъ и Абвертъ.

Пятьдесятъ шесть лѣтъ назадъ, Алла-кули, ханъ хивинскій, разбивъ туркменъ, увелъ гоклановъ, аліелинцовъ и эмралы въ Хиву,

а съ текинцевъ взялъ данъ и заложниковъ. Послѣ смерти Медемей-хана, убитаго въ Серахсѣ въ 1855 году, какъ гокланы, такъ и аліелинцы ушли изъ Хивы на свои старія мѣста; но притѣсненія персовъ заставили аліелинцевъ еще разъ вернуться въ Хиву и только въ 1873 году, послѣ хивинскаго похода, они окончательно переселились въ Атекъ и построили новое укрѣпленіе Кахка. Переселеніе текинцевъ въ Атекъ началось въ послѣдніе годы: тѣснимые обдѣлѣніемъ почвы и недостаткомъ воды, мерцы уходятъ изъ своего оазиса и селятся на рѣчкахъ, вытекающихъ изъ хребтовъ Даманъ-и-ку; здѣсь дѣшевенная почва и достаточное количество воды—ручательство за хорошіе урожаи; бѣда одна—сосѣдство персидскихъ пограничныхъ владѣтелей (ильханы), Дерезега и Келата, которые, набравшись храбрости послѣ покоренія русскими Ахала, не пропускаютъ случая тѣснить своихъ прежнихъ притѣснителей текинцевъ.

Живетъ населеніе Атека и въ глиняныхъ постройкахъ, и въ кибиткахъ. Впрочемъ, кибитокъ довольно мало; въ селеніяхъ отъ Лютфабада до Кахка ихъ совсѣмъ нѣтъ, а въ Душанѣ, Меана и Чача число ихъ уменьшается съ умиротвореніемъ края. Только самыя осторожныя мерцы приходятъ теперь въ Атекъ для посѣвовъ и сбора жатвы и оставляютъ при этомъ свои семейства въ Мервѣ; большая же часть жителей перешла въ Атекъ окончательно. Прежде каждое поселеніе состояло изъ укрѣпленія (кала), внутри котораго были глиняныя постройки и снаружи располагались кибитки, которыя, въ случаѣ опасности, могли быть перенесены въ валу; теперь въ Чача всѣ новыя постройки изъ глины строятся внѣ стѣнъ укрѣпленія.

Относительно распредѣленія и обилія воды, этого существеннѣйшаго вопроса для каждой среднеазиатской страны, Атекъ находится въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и Ахаль, т. е. вода имѣется въ очень ограниченномъ количествѣ и ручьи расположены на большомъ разстояніи другъ отъ друга. Въ Атекѣ къ этому прибавляется еще то неудобство, что истоки и значительная часть протяженія рѣчекъ находится въ горахъ, принадлежащихъ персамъ, которые имѣютъ, вслѣдствіе этого, возможность обижать текинцевъ, отводя воду отъ ихъ полей. Это случается очень часто и тогда требуется весьма много хлопотъ и времени, чтобы добиться отъ ильхана правильнаго распредѣленія воды. Вопросъ этотъ чрезвычайно важенъ, такъ какъ неимѣніе во-время воды можетъ погубить всю жатву; если онъ не будетъ разрѣшенъ удовлетворительно въ скоромъ вре-

¹⁾ Т. XVIII, Отд. II, стр. 127.

мени, то легко может случиться, что жителям придется покинуть запятые ими мѣста и Атекъ обратится въ пустыню.

Распределеніе воды и населенныхъ пунктовъ отъ Асхабада слѣдующее:

Аннау (13 верста отъ Асхабада, 200 кибитокъ) получаетъ воду изъ рѣки Кельтечинаръ, вытекающей изъ хребта Зыры-ку. Аннау принадлежитъ Россіи, да и Асхабадъ очень близокъ, и потому двѣ недоразумѣній относительно воды не бываетъ.

Гауарс (20 верста отъ Аннау, 40 кибитокъ) и *Баба-Дурмазъ* (38 верста отъ Гауарса, жителей нѣтъ) имѣютъ отдѣльныя рѣчки также изъ хребта Зыры-ку, на всемъ протяженіи протекающія въ русскихъ владѣніяхъ. Вода въ первомъ пунктѣ прѣсная и въ достаточномъ количествѣ, во второмъ—слабосоленоватая, но вполне годная для питья.

Артыкъ (16 верста отъ Баба-Дурмаза, 20 кибитокъ) получаетъ воду изъ рѣки Дурангяра, снабжающей всю богатѣйшую Дерезекскую долину. За Артыкомъ Дурангяръ теряется въ небольшихъ разнвахъ.

Лютфабадъ и *Кюренъ* (пять верста отъ Артыка) и всѣ слѣдующія селенія, которыя здѣсь весьма часты, до Кахка, питаются водою изъ развѣтвленной рѣки Рудхана, или Рудбаръ, берущей начало въ хребтѣ Алла-Эвберъ. Это богатѣйшая изъ всѣхъ рѣкъ Атека; воды здѣсь изобиліе и мѣстность отъ Лютфабада до Кахка составляетъ собственно оазисъ. Здѣсь въ двѣнадцати пунктахъ, разбросанныхъ по обѣимъ сторонамъ дороги, до 500 кибитокъ; всѣ селенія окружены садами; посѣвы гораздо значительнѣе, нежели въ въ другихъ мѣстахъ.

Кахка (28 верста отъ Лютфабада, 650 кибитокъ), самое значительное поселеніе въ Атекѣ, получаетъ воду изъ рѣкъ Ланъ и Арчинъ-янъ, которыя, снабдивъ водою, при проходѣ своемъ въ ущельяхъ Келата, небольшія персидскія поселенія, соединяются на равнинѣ въ одну рѣчку, проведенную въ Кахка. Во времена существованія Абиверда, большая часть воды рѣкъ Рудхана и Ланъ шла на снабженіе этого города; Арчинъ-янъ тогда доходила до укрѣпленія Караханъ, нынѣ разрушеннаго. Въ ущельи, выше развалинъ *Ходжамедъ* (17 верста отъ Кахка), въ поселеніи *Наурекъ* (около 20-ти кибитокъ) текинцы занимаются хлѣбопашествомъ; вода ручья, которымъ они пользуются, только осенью доходитъ до дороги.

Душакъ или Чаардей (21 верста отъ Ходжамеда, 160 кибитокъ), на рѣкѣ Чаардей, проходящей черезъ весь Келатъ и снаб-

жающей всѣ его поселенія водою. Жители Душака менѣе всего зависятъ отъ персовъ, такъ какъ вся рѣка протекаетъ въ узкомъ ущельи, гдѣ увеличить посѣвы почти невозможно, да и отвести воду некуда.

Меана (44 версты отъ Душака, 130 домовъ) и *Чача* (16 верста, 70 домовъ) получаютъ воду изъ двухъ параллельныхъ рѣчекъ, вытекающихъ также изъ массива велатскихъ горъ. Оба поселенія терпятъ очень много отъ притѣсненій персовъ.

Затѣмъ, на 55 верстахъ отъ *Серакса* воды нѣтъ; посредникъ, около развалинъ Робата-Абдула-ханъ былъ когда-то хоузъ (система для сбора дождевой воды); во времена текинскаго владѣнства робатъ разрушенъ, хоузъ не чистился и не поддерживался и въ настоящее время ровень съ краями занесенъ землею.

Итакъ, на всемъ протяженіи отъ Баба-дурмаза до Серакса (не считая Лютфабада и Шалляна, населенныхъ персами), живетъ около 7000 туркменъ-алиели и текинцевъ (именно около 1400 кибитокъ, считая на кибитку въ среднемъ по пяти человекъ). Цифра эта измѣняется изо дня въ день, такъ какъ только въ Кюренѣ и Кахка можно считать поселеніе постояннымъ, а въ другихъ пунктахъ, съ умиротвореніемъ края, оно увеличивается. Впрочемъ, значительнаго возрастанія ожидать нельзя, такъ какъ Атекъ не можетъ пропитать большаго населенія; хотя почва вездѣ плодородная, но имѣющаеся въ распоряженіи весьма ограниченное количество воды скоро положитъ предѣлы дальнѣйшему переселенію мервцовъ и текинцевъ въ Атекъ.

Небольшое поселеніе Атека все запято земледѣіемъ и разведеніемъ бахчей (огородовъ). Воздѣлываются предметы первой необходимости: пшеница, ячмень, клеверъ, только въ Чача встрѣчается хлопокъ; на бахчахъ въ изобиліи арбузы и дыни—главная пища текинцевъ лѣтомъ. Фруктовыя деревья и сады существуютъ только между Лютфабадомъ и Кахка; отъ Кахка до Серакса нѣтъ вовсе деревьевъ. Вообще, бѣдность очень большая. Пожитно, изъ Мерва выселяются не богачи, и переселенцы сильно бѣдствовали, особенно первый годъ. Привезли они съ собою только сѣмена для посѣвовъ, надѣясь остальное купить въ Келатѣ; персы брали громадныя цѣны, да еще притѣсняли всѣми способами являвшихся за покупками текинцевъ. Весною въ Чача, Меана и Душакѣ нельзя было найти фуража для нѣсколькихъ лошадей. Прекрасный урожай 1882 года поправилъ положеніе края.

Понятно, что при подобныхъ обстоятельствахъ о торговлѣ въ

Атеки не могут быть и рѣчи. У туркменъ вообще потребностей весьма немного, да и, при бѣдности ихъ, имъ не на что покупать даже самое необходимое; базары въ Лютфабадѣ и Кахва болѣе чѣмъ достаточны для удовлетворенія нуждъ всего Атека.

II.

Дороги изъ Серакса и Мерва въ Герать.

Изъ Серакса предстоялъ путь въ пять или шесть переходовъ по мѣстамъ, совершенно ненаселеннымъ. Необходимо было снарядиться основательно, и въ Серахѣ я сдѣлалъ дневку. Немало измѣнился съ осени 1881 года видъ этого укрѣпленія: мервцы прекратили свои грабежи не только нашихъ владѣннй, но и въ сторону Хорасана; спокойствіе полное; персы стали ѣздить въ Мешхедъ по муздеранской дорогѣ, безъ всякаго прикрытія, партіями въ два-три человѣка. Даже семидесятилѣтній комендантъ Серакса, персидскій полковникъ (сертибъ) Абасъ-рей-ханъ, не съѣхавшій прежде показаться за стѣны своей крѣпости безъ полковъ въ 50 всадниковъ, теперь спокойно развѣзжаетъ всюду съ десяткомъ. Встрѣтилъ меня сертибъ уже какъ стараго знакомаго; пошелъ обхвѣтъ любезностей. Съ трудомъ уговорилъ я старика, чтобъ, по крайней мѣрѣ, алиелинцамъ было разрѣшено купить необходимые на дорогу припасы и фуражъ у жителей. Сертибъ неперемѣнно хотѣлъ дать все даромъ; онъ настоялъ, чтобъ я для своихъ лошадей взялъ фуражъ изъ его складовъ и угощалъ меня и алиелинцовъ во все время нашего пребыванія у него въ гостяхъ.

Пока люди заботились о снаряженіи, я занимался разспросами о дальнѣйшемъ пути. Хотя проводникъ мой, мервецъ Ана-Гельды-сердаръ, много грабившій въ сѣверномъ Афганистанѣ и Хорасанѣ, хорошо зналъ всѣ дороги, да и между алиелинцами было нѣсколько человѣкъ, не впервые ѣхавшихъ по Гери-рудъ, по на нихъ полагаться не слѣдовало. Одна мысль о путешествіи по странѣ между Гери-рудомъ и Мургабомъ приводила ихъ въ ужасъ: съ наглостью, съ которою глугъ текинцы всѣхъ племенъ, они старались меня увѣрить, что въ Серахѣ нѣтъ переправы черезъ Гери-рудъ даже вливавъ, что далѣе нѣтъ никакой дороги; напротивъ, всѣ въ одинъ голосъ хвалили дорогу, идущую по западному персидскому берегу; привлекательную сторону этой дороги для алиелинцовъ составляла ея безопасность.

По текинцы глугъ неумѣло и настолько наивно, что человѣка, немного привыпшаго къ ихъ хитростямъ, никогда не обманутъ. Свѣдѣннй, собранныя мною изъ другихъ источниковъ, заставляли предполагать, что лучшіе пути изъ Серакса на югъ идутъ между Мургабомъ и Гери-рудомъ, а никакъ не по Персін. О существованіи брода у Серакса я узналъ еще ранѣе отъ купцовъ, ѣхавшихъ изъ Мерва въ Ахвабадъ, и потому утромъ, 28-го апрѣля, выступивъ изъ Серакса, я приказалъ проводнику, дающему мнѣ сертибомъ для указанія брода, переправиться на восточный берегъ Гери-руда.

Окрестности Серакса замѣтно оживляются. По обоимъ берегамъ Гери-руда, вокругъ укрѣпленій, располагаются поселенія мервцовъ, получающихъ отъ персидскаго правительства разрѣшеніе занимать землю и отводить для обработки полей воду изъ Гери-руда, взамибъ уплатить серахскому коменданту подати въ размѣрѣ $\frac{1}{10}$ части жатвы. Уже у Даулетъ-абада рѣка раздѣляется на нѣсколько рукавовъ и разливается во многихъ мѣстахъ очень широко, вслѣдствіе чего во время низкой воды, начинала съ августа, а иногда и іюля, Гери-рудъ не доходить до Серакса. Въ 16-ти верстахъ выше его сдѣланы плотины, направляющія воду въ глубокіе каналы (арыки), которые проводятъ ее не только къ Сераксу, но и верстъ на 10—12 сѣвернѣе. У плотины берутъ начало три главные канала: одинъ на персидскомъ берегу, два другіе на восточномъ; всѣ три идутъ почти параллельно рѣкѣ. Каналъ западнаго берега поддерживался всегда для снабженія Серакса и Кале-и-Нау водою; остальные два возобновлены только въ этомъ году мервами, поселившимися около нихъ и у стараго Серакса. Каналы эти существовали еще въ тѣ времена, когда персидскаго укрѣпленія въ Серахѣ не было, а жили тутъ мервцы: одинъ принадлежалъ племенн стамышъ, другой тохтмышъ. Каналы эти нынѣ доходятъ до стараго Серакса, а прежде шли еще далѣе на сѣверовостокъ до Нязъ-абада.

До взятія Геоктепе, персы не смѣли заявлять претензіи на земли на восточномъ берегу Гери-руда; да и на западномъ берегу не было поселеній далѣе 50-ти верстъ отъ Мешхеда. Теперь обстоятельства измѣнились и персы начинаютъ хозяйничать около Стараго Серакса, пользуясь тѣмъ, что салтры, которымъ эти мѣста прежде принадлежали, не въ состояніи отстаивать свои права на нихъ. А мѣстность эта одна изъ лучшихъ по всему теченію Гери-руда отъ самаго Кустана, отъ котораго рѣка течетъ въ пологихъ и удобныхъ

для обработки берегах только до Пешь-робата. Далее Гери-рудъ входит въ ущелье между двумя кряжями высокихъ горъ; долины на которыя можно вывести оросительныя арки, очень рѣдки и весьма незначительнаго протяженія; только отъ Пуль-и-Хатупа на периседскомъ берегу и отъ Кассагъ-калы на восточномъ (16 верстъ на югъ отъ Серакса) возможны поселенія въ большихъ размѣрахъ.

Гери-рудъ отъ Кусана до Пуль-и-Хатупа течетъ, большую частью, однимъ рукавомъ, шириною отъ 15-ти до 20-ти сажень. Высота воды бываетъ отъ начала января до конца марта; въ это время броды рѣки вслѣдствіе быстроты течения очень опасны, но уже въ апрѣлѣ можно переправляться во многихъ мѣстахъ, при глубинѣ не болѣе четырехъ футовъ. Къ лѣту вода въ рѣкѣ быстро уменьшается и въ июлѣ и юлѣ переправы возможны вездѣ, гдѣ крутизна береговъ не составляетъ препятствія. Въ сентябрѣ же, на переправѣ изъ Кусана въ Кифиръ-каду, при глубинѣ воды около трехъ футовъ, Мак-Грегоръ не замѣтилъ почти никакого течения.

По всей долинкѣ рѣки склоны горъ поросли, большою частью, фиешапковыми деревьями; кой-гдѣ встрѣчались туговья; въ самомъ разливѣ почти исключительно ивякы, кустарникъ и камыши, настолько густые, что во многихъ мѣстахъ къ рѣкѣ настолько невозможно подъѣхать, но даже пробраться пѣшкомъ. Кормъ для лошадей вездѣ въ изобиліи и хорошаго качества. Вода въ Гери-рудѣ хотя мутная, но вкусная и здоровая.

Въ Сераксѣ утверждаютъ, что въ прежнее время воды въ Гери-рудѣ было болѣе; вѣрить этому нѣтъ оснований. Борись, проѣзжавшій черезъ Сераксъ въ сентябрѣ 1832 года, нашелъ русло Гери-руда совершенно сухимъ и настолько незначительнымъ, что принятию его за русло особой рѣчки Тедженъ, будто бы берущей начало въ соседнихъ холмахъ и отрицающъ связь ея съ гератскою рѣкою.

Продолженіе Гери-руда на сѣверѣ и сѣверо-западѣ отъ Серакса извѣстно подъ именемъ Теджена; теченіе въ этой части рѣки бываетъ только во время половодія: тогда вода здѣсь очень глубока и во многихъ мѣстахъ переправа вовсе невозможна. О'Доновалъ, въ февралѣ, переправился немного сѣвернѣе Кангала-Гузаръ въливъ. Праропщикъ Алихановъ и хорунжій Соколовъ, отправившіеся, въ въ началѣ 1882 года, съ караваномъ купца Кошкина въ Мервъ, переправлялись черезъ Тедженъ у плотинъ Кары-бента; въ среднѣй февралѣ Тедженъ здѣсь имѣлъ ширину около 12-ти сажень и глубину 3 1/2 футовъ. Часто вода бываетъ здѣсь гораздо

глубае, и тогда переправа въ теченіи одного или полудтора мѣсяцевъ для каравановъ возможна только у Аламанъ-Джунгуля, куда Тедженъ не доходитъ, а доходить отдѣльные, выведенные изъ него каналы. Разливы рѣки и затопленіе этой мѣстности бывають только въ случаѣ прорыва плотинъ, построенной нѣсколько выше Герата для орошенія афганской части долины Гери-руда.

Лѣтомъ теченіе въ Тедженѣ прекращается; мѣстами отъ вовсе пересыхаетъ, а большою частью состоитъ изъ длинныхъ озеръ, питаемыхъ, по мнѣнію мѣстныхъ жителей, ключами, а можетъ быть, и подземнымъ продолженіемъ рѣчекъ Чача, Меана и Душакъ, исчезающихъ въ болотахъ въ 15—20-ти верстахъ отъ Теджена. Такое мнѣніе основано на томъ, что вода въ этихъ озерахъ прохладная и пересыхаетъ въ теченіи самаго жаркаго лѣта, что едва ли могло бы быть, еслибъ эти озера были только скопленіемъ весенней воды въ глубокихъ впадинахъ русла Теджена.

Поселенія текинцевъ, кочуущихъ на Тедженѣ, сосредоточены сѣвернѣе Кары-бента, по направленію къ Аламанъ-Джунгулю; остальные названія, встрѣчаемыя на картахъ, обозначаютъ переправы; жителей же близъ нихъ нѣтъ.

Мѣстность между Мургабомъ и Гери-рудомъ, до нынѣшняго времени, была совершенно неизвѣстна. По Мургабу, южнѣе Мерва, идутъ поселенія сарыковъ: Юлатанъ, Пенде и Бала-Мургабъ; еще далѣе на югъ, на склонахъ Параламизъ живутъ джемшиды и теимуръ. На западѣ отъ Мургаба до Гери-руда нѣтъ ни одного населеннаго пункта; все укрѣпленія до Кушки въ развалинахъ, и брошены жителями. Дорога изъ Мерва въ Гератъ, идущая вдоль этой рѣки, описана проѣзжавшими по ней въ 1840 и 1841 годахъ английскими путешественниками Шекспиромъ и Абботомъ. Относительно же мѣстностей между Кушкой и Гери-рудомъ свѣдѣній не имѣлось: туда не заѣзжалъ ни одинъ европейскій путешественникъ, да и изъ жителей окрестныхъ странъ дороги въ ней извѣстны только сердарамъ, предводителямъ разбоевъ. Сарыки Юлатана пожелали не вели открытой борьбы съ слышномъ близкими своими соседями текинцами Мерва; напротивъ, сарыки-Пенде и Мургаба постоянно грабили мервцовъ. Мервцы имъ платили тѣмъ же; отношенія обоихъ племенъ къ джемшидамъ и теимурамъ ничѣмъ не отличались отъ отношеній ихъ между собою. Но главное и постоянное занятіе какъ мервцовъ, такъ и сарыковъ составляли грабежи селеній сѣвернаго Афганистана и Хорасана. Куда бы ни былъ направленъ разбой, путь шайки всегда пролегалъ до описываемой

мѣстности, и потому селиться здѣсь никто не смѣлъ и существовавшая прежде по Кундъ и Гери-руду укрѣпленія, такъ же какъ и роботы по дорогамъ, всѣ брошены; ни караваны, ни путешественники никогда не рискнули бы показаться сюда изъ страха встрѣтить или сарыковъ, или мервцовъ на пути въ Афганистанъ или Персію. Въ настоящее время грабежи мервцовъ—дѣло только отдѣльных воровскихъ шайкъ, и сарыки единственное племя, которое еще грабятъ открыто. Сопровождавшие меня аліелинцы чрезвычайно боялись встрѣчи какой-нибудь большой партіи: они имѣли счеты и съ сарыками, и съ сарыками. Ана-Гельди-сердаръ, проводникъ изъ Мерва, въ разное время получилъ три пашенныя раны отъ сарыковъ, и сознавался, что получить недаромъ; всѣ откровенно говорили, что вся надежда ихъ на то, что въ настоящее время русскаго никто не осмѣлится тронуть.

Какъ отнеслись бы къ намъ сарыки, не представилось случая выяснить—мы не встрѣтили ни одной партіи ихъ. Встрѣчи же съ мервцами и афганцами вполне подтвердили мнѣніе аліелинцевъ. Первый случай, въ 15-ти верстахъ отъ Серакса, едва не кончился перестрѣлкой только вслѣдствіе недоразумѣній. Я отбѣжалъ въ сторону; въ это время показались люди, какъ потомъ оказалось, мервцы изъ-подъ Серакса, вышедшіе на работу для починки канала; аліелинцы потерялись, начали скакать, отыскивая меня; мервцы приняли насъ за партію сарыковъ и притовились къ защитѣ; наконецъ проводникъ Ана-Гельди-сердаръ риснулъ въ хвѣхъ и объяснителся, и дѣло обошлось счастливо. Чтобы избѣгнуть подобныхъ случаевъ, я приказалъ при встрѣчѣхъ съ людьми вѣрнѣ останавливаться и выѣзжалъ съ переводчикомъ впередъ; мервцы, обыкновенно, завидѣвъ насъ, сейчасъ спрыгивали съ лошадей и прятались въ ближайшій оврагъ для защиты. Видѣ челоука въ неизвѣстномъ костюмѣ, подвѣзжавшаго къ засадѣ безъ прикрытія, успокоивался спрятавшихся, а когда они узнавали, что я русскій, то завязывался разговоръ и аліелинцамъ давался сигналъ подвѣхаться; проходили объѣздъ привѣтствій, курение кальяна и мы разъѣзжались самымъ дружельнымъ образомъ. Афганцевъ мы встрѣтили только вблизи Кусана; они гораздо храбрѣе мервцовъ; они не прятались при встрѣчѣхъ, а увидѣвъ выѣзжавшихъ къ нимъ двухъ челоуковъ, выслали двухъ-трехъ изъ своей среды для объясненій. Текинцы считаютъ, что афганцы очень храбры, и только при большомъ численномъ превосходствѣ рѣшаются нападать на нихъ, когда они вооружены. Набѣги на Афганистанъ дѣлаются всегда очень боль-

лыми партіями и, главнымъ образомъ, стараются нападать на отдѣльныхъ невооруженныхъ людей.

Дорога изъ Серакса въ Кусаль (218 верстъ) пройдена была въ пять переходовъ.

Изъ *Серакса* дорога сначала идетъ на юго-востокъ и, не доходя одной версты до укрѣпленія Старый Серахсъ, поворачиваетъ прямо на югъ. Въ полуверстѣ отъ персидскаго укрѣпленія мы переправились черезъ Гери-рудъ въ бродъ, который здѣсь очень удобенъ; рѣка протекаетъ четырьмя рукавами, только въ одномъ изъ нихъ глубина воды по брюхо лошади, въ остальныхъ менше; берега пологіе, грунтъ плотный гравелистый—нѣтъ ни ямъ, ни карчей ни камней. При нашемъ проѣздѣ вода уже немного спала; случается, что и у Серакса нѣтъ брода, но это никогда не длится болѣе нѣсколькихъ дней. Прямо противъ брода мервскіе текинцы, съ согласія персидскаго правительства, строятъ на восточномъ берегу укрѣпленіе¹⁾; на три версты отъ него дорога проходитъ черезъ арши и поля новыхъ поселенцевъ. До развалинъ Деу-кала дорога идетъ вдоль выведенныхъ изъ-подъ Даулетъ-абада большихъ каналовъ, о которыхъ было писано выше. Мѣстность все время совершенно ровная, грунтъ песчаноглинистый; песковъ, означенныхъ на картахъ, нѣтъ нигдѣ.

Деу-кала (14 верстъ отъ Серакса)—развалины небольшого укрѣпленія; здѣсь дорога оставляетъ каналъ вираво и, пройдши до Кассаль-кала около пяти верстъ равниню, далѣе идетъ по холмистой мѣстности до персидскаго укрѣпленія *Наурузъ-абадъ* (на западномъ берегу). На этомъ протяженіи Гери-рудъ подходитъ вплотную къ невысокимъ образамъ восточнаго берега и отбѣняетъ дорогу на возвышенности, впрочемъ, всюду незначительными, съ пологими спусками и подъемами; грунтъ глинистый; колесное движеніе здѣсь не потребовало бы никакой раздѣлки дороги. Противъ Наурузъ-абада персидскаго, дорога снова сходитъ къ рѣкѣ на низменность и въ четырехъ верстахъ опять проходитъ мимо развалинъ Наурузъ-абада текинскаго (21¹/₂ верста отъ Деу-кала). Оба эти пункта брошены жителями вслѣдствіе нападеній текинцевъ и сарыковъ. Еще около десяти верстъ на югъ, почти до бугра Шаръ-тепе, дорога идетъ вдоль Гери-рудъ, затѣмъ уклоняется на юго-востокъ, оставляя рѣку вираво, и болѣе не подходитъ къ ней до самаго Кусана. Отъ поворота до развалинъ ро-

¹⁾ По имени стариннаго укрѣпленія называется Попитъ-Пелуапъ-кала.

бата у входа на перевалъ черезъ горы Борхутъ (около 50-ти верствъ отъ Кусана) общій характеръ дороги почти одинаковъ: частью она идетъ по ровной мѣстности, частью по холмистой, причемъ возвышенности нигдѣ не достигаютъ значительныхъ размѣровъ; грунтъ, за рѣдкими исключеніями, песчаноглинистый. Круглые подъемы и спуски рѣдки, несмотря на то, что въ настоящее время существуетъ только вьючная дорога, которая часто, для избѣжанія самаго небольшого объѣзда, вѣдряется на холмы и спускается въ овраги. Колесное движеніе измѣнило бы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ направленіе дороги, а въ другихъ — потребовала бы раздѣлки ея, по вѣдрѣ въ мягкомъ грунтѣ и съ небольшими работами. На всемъ этомъ пространствѣ во многихъ мѣстахъ имѣется хорошій кормъ для лошадей. По склонамъ горъ довольно часто встрѣчаются отдѣльно стоящія фиستانшковые деревья.

Въ 29-ти верстахъ отъ Наурузъ-абада, на полуверствѣ дорога идетъ вдоль засореннаго кэриза ¹⁾; въ нѣкоторыхъ колодцахъ еще имѣется вода. По словамъ проводниковъ, горьковатый вкусъ она только отчасти зависитъ отъ того, что колодцы давно не чищены и вода въ нихъ застаивается; даже въ то время, когда кэризъ сохранился въ порядкѣ, вода была не вполне прѣсная, хотя годная для питья. Присутствіе солей въ породахъ окружающихъ горъ подтверждается еще тѣмъ, что на небольшомъ разстояніи отъ дороги (на западъ у подножія горъ, которые тянутся вдоль Гери-руды) видны два значительныхъ размѣровъ солончака, покрытыхъ налетомъ, по словамъ техинцевъ, горьковатой соли, очевидно, выносимой дождями изъ окружающихъ горъ.

Колодцы *Адамъ-Елънъ* (41 верста отъ Наурузъ-абада), числомъ два, лежатъ въ эллиптической впадинѣ между холмовъ; при напемѣ проходѣ вода была совершенно прѣсная, несмотря на то, что колодцы давно не чищены. Впрочемъ, и тутъ мерцы передавали, что въ очень жаркое время вода имѣетъ слабосоленоватый вкусъ; надо думать, что вѣрнѣе не солоноватый, а горьковатый отъ застоя воды. Колодцы — глубиною около 1 1/2 сажень до воды и двѣ сажени до дна; по словамъ проводниковъ, вода не выбирается вовсе. Прежде число колодцевъ было болѣе, но въ настоящее время, всѣ, кромѣ двухъ, засыпаны. Кругомъ кормъ для лошадей прекрасный.

¹⁾ Кэризъ — рядъ колодцевъ, которые дѣлаются на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга и соединяются между собою подземнымъ ходомъ; они служатъ для собранія воды и проведенія ея на поля для орошенія.

Агаръ-чимме (12 1/2 верствъ отъ Адамъ-Елъна) родникъ съ прекрасною прѣсною водою; въ полуверствѣ вверхъ по долину второй родникъ, въ настоящее время засоренный. Кругомъ по всѣмъ долинамъ въ большомъ изобиліи кормъ для лошадей.

Развалины робата *Кунгрюэли* (8 1/2 верствъ отъ Агаръ-чимме); колодцы здѣсь даютъ на глубинѣ 2 1/2 сажень много воды, но слабосоленоватой, впрочемъ, при хорошемъ содержаніи колодцевъ, очевидно, годной для питья, такъ какъ около нихъ былъ расположенъ большой родникъ, отъ котораго въ настоящее время остались только развалины. Изъ Кунгрюэли къ Афганистану ведутъ двѣ дороги: одна на Кизиль-булакъ и Хомбоу, по которой мы пошли, а другая на Акъ-робатъ, разспрошенная свѣдѣнія о которой будутъ помѣщены ниже. Дорога изъ Кунгрюэли до Кизиль-булака идетъ почти все время по ровному мѣсту.

Кизиль-булакъ (39 1/2 верствъ отъ Кунгрюэли) богатый родникъ съ прѣсною водою, лежитъ въ 200 сажняхъ въ сторонѣ отъ дороги, въ ущельи, ведущемъ къ Гери-руду; стороны ущелья изъ краснаго песчаника; вѣроятно, отъ него и получилъ свое названіе родникъ. На 20-й верствѣ дорога пересѣкаетъ ручей Шоръ-аба, съ водою насталою солоноватой, что не всѣ лошади ее пьютъ; берегомъ этого ручья дорога идетъ пять верствъ по ровному мѣсту до развалинъ робата, у котораго входитъ въ ущелье горы Борхутъ; здѣсь на самомъ берегу Шоръ-аба есть небольшой прѣсный родникъ.

Подъемъ на перевалъ черезъ Борхутъ не представляетъ затрудненій; даже по нынѣшнему направленію при небольшой раздѣлкѣ возможно колесное движеніе; конечно, для большой колесной дороги пришлось бы нѣкоторые подъемы развить по боковымъ оврагамъ, но это не потребовало бы значительныхъ работъ. Горы состоятъ изъ песчаника, дорога идетъ по ущелью рѣки Шоръ-аба, поросшему густымъ камшиномъ; начинается ручей почти у вершины перевала изъ болота, шириною мѣстами до 200 сажень. Высота перевала 3.100 футовъ надъ поверхностью моря и около 900 надъ окружающею мѣстностью. Спускъ въ сторону Кусана положе и удобнѣе подъема и годенъ даже въ настоящее время для движенія телегъ. Около середины спуска, гдѣ онъ переходитъ въ совсѣмъ пологую дорогу, лежитъ прѣсный родникъ *Хомбоу* (36 верствъ отъ Кизиль-Булака), а въ двухъ верстахъ далѣе въ концѣ ручья, вытекающаго изъ родника, находятся развалины робата Абдула-ханъ. Отъ Хомбоу пологій спускъ продолжается еще шесть верствъ, потомъ дорога раздѣляется: одна идетъ въ Пешъ-

робать на западном берегу Гери-руда, другая в Кусань; обѣ по совершенно ровной мѣстности.

Кусань (45¹/₂ верстъ отъ Хомбоу) первое афганское поселеніе на берегу Гери-руда по пути изъ Мешхеда въ Афганистанъ. Далѣе отъ Кусана къ Герату дорога описана многими путешественниками, какъ русскими, такъ и англійскими; она идетъ сѣвернымъ берегомъ Гери-руда и по совершенно ровной мѣстности.

Изъ сравненія съ другими пройденными мною дорогами и по вѣзмъ собраннымъ свѣдѣніямъ, пути в мѣстности между Мургабомъ и Гери-рудомъ лучше между Серахсомъ и Кусаномъ, а слѣдовательно, между Асхабадомъ и Гератомъ. Дороги къ Герату отъ Каспійскаго моря черезъ Мешхедъ, проходи, болѣею частью, по населеннымъ, хорошо воздѣланнымъ и богатымъ водою мѣстамъ, представляють значительныя удобства для большого движенія. Недостатокъ этихъ дорогъ — необходимость пересѣчь нѣсколько горныхъ хребтовъ; устройство удобнаго колеснаго пути черезъ нихъ, а тѣмъ болѣе положеніе желѣзной дороги потребуетъ весьма значительныхъ работъ. Еще въ худшихъ условіяхъ въ этомъ отношеніи находятся дороги изъ Асхабада въ Гератъ черезъ Мешхедъ: чтобы попасть изъ Ахаля и Атека въ Хорасанъ, надобно перейти хребты Даманъ-и-Ку, Гермабскій перевалъ въ Геоктеле въ Буджнурдъ считается самымъ удобнымъ, но и онъ для устройства желѣзной дороги представилъ бы громадныя затрудненія, которыя едва ли окупились бы преимуществами движенія по Хорасану, вмѣсто Атека. Еслибъ потребовалась скорая постройка желѣзной дороги, то о другихъ направленіяхъ, какъ черезъ Серахсъ, не могло бы быть и рѣчи.

Дороги изъ Серахса въ Гератъ по персидскому берегу будутъ описаны ниже; онѣ богаты водою, но перевалы черезъ пересѣкаемыя здѣсь горы потребовали бы несравненно болѣе работъ, чѣмъ по дорогѣ черезъ Хомбоу. Вся длина этого послѣдняго пути отъ Асхабада до Герата 585 верстъ. Устройство желѣзной дороги на этомъ протяженіи не требовало бы никакихъ работъ на первыхъ 300 верстахъ и на послѣднихъ 135-ти; участокъ около 150-ти верстъ посреднѣй почти весь находился бы въ тѣхъ же условіяхъ, какъ болѣею частью нашихъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ, проходящихъ частью по ровной, частью по холмистой мѣстности. Перевалъ принадлежитъ къ числу легкихъ; работъ, конечно, будутъ; еслибъ потребовалась быстрая постройка, то, при допущеніи крутыхъ уклоновъ, принятыхъ въ этихъ случаяхъ, перевалъ не за-

держалъ бы остальной части линіи, что безусловно невозможно по вѣзмъ остальнымъ направленіямъ.

Дорога черезъ Хомбоу вполнѣ удобна для колеснаго движенія; но, кромѣ нея, есть еще нѣсколько дорогъ, также идущихъ по мѣстности между Гери-рудомъ и Мургабомъ съ сѣвера на югъ и соединенныхъ между собою поперечными путями. О нихъ при проѣздѣ собраны разспросныя свѣдѣнія. Наиболѣе интереса, какъ колесный путь изъ Мерва въ Гератъ, представляетъ дорога, отдѣляющаяся отъ пройденной мною у развалинъ робата Кунгрюли; отсюда она идетъ въ Акъ-робать, мѣстности, чрезвычайно обильную прѣсною водою, получаемую на глубинѣ не болѣе одной сажени изъ колодезевъ, которые могутъ быть выкопаны въ любомъ мѣстѣ на очень значительной площади. Затѣмъ дорога проходитъ черезъ Гюрленъ и Чипме-и-себъ — два обильные прѣсные ручья; перевалъ Каруанъ-ашанъ черезъ Борхутъ вблизи Чипме-и-себъ, суди по описаніямъ, не хуже, какъ у Хомбоу. За переваломъ одна дорога идетъ въ Кусанъ по совершенно ровной мѣстности, а другая въ Шекиваль черезъ невысокія линіи холмовъ. Дорога изъ Мерва въ Акъ-робать идетъ сначала вдоль рѣки Мургаба, затѣмъ рѣки Кушка до Джебеневейда ⁴⁾, гдѣ сворачиваетъ и проходитъ мимо родника Исламъ-чипме въ Акъ-робать. Этимъ путемъ совершенно избѣгаются Паронамизскія горы у истоковъ Кушка, перевалъ черезъ которыя заставилъ признавать дорогу изъ Мерва въ Гератъ недоступною для большого колеснаго движенія. Вся длина дороги изъ Мерва въ Гератъ по этому направленію около 380 верстъ.

III.

Четыре дня въ Афганистанѣ.

При составленіи плана путешествія, я не предполагалъ попасть въ Афганистанъ, но судьба рѣшила иначе. Изъ Хомбоу прямая дорога въ Персю идетъ на развалины Пешъ-робата; вблизи этого мѣста есть два или три брода, которые въ концѣ апрѣля не представили-бы никакого затрудненія для переправы, еслибъ нашелся

⁴⁾ Эта часть дороги описана Шекспиромъ и Аббазомъ, какъ удобная для движенія; она обильна водою, проходитъ все время вдоль рѣки, и богата кормомъ для лошадей.

проводникъ; по нѣкто изъ нашихъ людей не зналъ этого пути, и потому оставалось только идти въ Кусанъ, взять тамъ проводниковъ и пробѣхать въ Персію по большой дорогѣ изъ Герата въ Мешхедъ.

Къ Кусану мы подъѣхали въ девять часовъ утра. Оставивъ алиелинцовъ, ѣхавшихъ шагомъ, верстахъ въ четырехъ отъ укрѣпленія, я съ двумя переводчиками ¹⁾ пробѣхалъ впередъ.

Много еще развалинъ въ Кусанѣ, по послѣдствіямъ умиротворенія Средней Азии послѣ паденія Ахала видны и здѣсь: разрушенныя зданія возобновляются; много полей обрабатывается не только у самой крѣпости, но и на значительномъ разстояніи отъ нея. Когда мы приблизились, караулъ у воротъ встрѣтилъ насъ безъ неприязни, но съ величайшимъ недоумѣніемъ; особенно удивляла дорога, по которой мы прѣхали — для афганцевъ она и въ настоящее время недоступна.

Послали предупредить начальника крѣпости Ата-Мамедъ-хала. Я остался разговаривать съ солдатами. Одинъ изъ нихъ подполковъ поздоровался по-русски: онъ былъ проданъ тейнцами въ Хиву и освобожденъ въ 1873 году, нѣкоторое время находился въ услуженіи у русскихъ и потомъ вернулся къ себѣ на родину.

Ханъ вышелъ къ воротамъ крѣпости и просилъ въ свое пожеланіе. Пройди нѣсколько узкихъ улицъ между полей и садовъ, мы вошли въ двухъэтажное зданіе среди прекраснаго сада съ бассейномъ. Воды, проведенной армяками изъ Гери-руда, вездѣ изобиліе и потому растительность богатѣйшая. Ханъ очень любезно пригласилъ закутить и началъ хвастать передъ своею свитою, что въ Кабулѣ онъ видѣлъ много френги и знаетъ ихъ привычки; по этому случаю онъ отдалъ приказаніе, когда будутъ жарить курицу, не крошить ее на малые куски, какъ это дѣлается въ Афганистанѣ, а разрѣзать только на половинцы, какъ всегда дѣлаютъ френги. Когда подали чай, въ комнату набралось человѣкъ двадцать, которые, вмѣстѣ съ ханомъ, стали обсуждать, что можетъ обозначать мой прѣздъ: европеецъ, и особенно русскій, понадеетъ въ Кусанъ

¹⁾ Въ Хорасанѣ и Афганистанѣ всѣ говорятъ по персидски и почти никто не понимаетъ татарскихъ нарѣчій, на которыхъ можно объясняться въ Закавказьи и въ Туркестанѣ. Переводчикъ же съ русскаго языка на персидскій въ Аксабадѣ — большая рѣдкость; поэтому, приходится разговаривать при помощи двухъ человѣкъ: одинъ переводитъ съ русскаго на туркскій языкъ, другой — съ туркскяго на персидскій. Нечего и говорить, что этотъ способъ крайне затруднителенъ и въ вѣншей степени затрудняетъ разговоры.

разъ въ нѣсколько дѣтъ; а тутъ еще дорога, по которой я прѣхалъ, казалась такою необычайною. Люди осторожные говорили, что правитель Герата, Кундузъ-ханъ, можетъ быть недовольнымъ, если его не извѣстятъ о моемъ прѣздѣ; другіе, напротивъ, утверждали, что, задержавъ русскаго, ханъ навлечетъ на себя неприязни. Ханъ долго колебался, не зная, какъ поступить; наконецъ, первое мнѣніе взяло верхъ, и Ата-Мамедъ сталъ меня упрощивать погостить у него день или два, пока онъ напишетъ письмо и получитъ отвѣтъ изъ Герата. Я былъ вовсе не прочь посвятить день или два Гератской долины, но, конечно, не съ тѣмъ, чтобъ сидѣть все время въ Кусанѣ; поэтому, я объявилъ хану, что если для переправы изъ Кусана въ Кафиръ-калу необходимо разрѣшеніе изъ Герата, то ждать его я побѣду въ Горіанъ. Ата-Мамедъ очень обрадовался сбить меня своему начальнику, горіанскому хану, и, такимъ образомъ, отклонить отъ себя неудовольствіе Кундузъ-хана, еслибъ онъ не одобрилъ затрудненій, которая мнѣ дѣлались. Проводить меня въ Горіанъ были назначены помощникъ хана (наибъ) и три всадника.

Когда я вышелъ съ Ата-Мамедъ-ханомъ изъ воротъ, то нашелъ алиелинцевъ, все время остававшихся внѣ укрѣпленія, чрезвычайно смущенными и растерянными: я провѣлъ въ укрѣпленіи болѣе двухъ часовъ, и алиелинцы страшно боялись, чтобъ со мною что-нибудь не случилось, такъ какъ участь ихъ послѣ этого не подлежала бы сомнѣнію. Страхъ ихъ еще увеличился, когда я приказалъ садиться на коней и ѣхать въ Горіанъ. То, что насъ сопровождало только четыре человѣка, писемко во неуспокойно алиелинцовъ, а лишь внушило имъ чисто текинскую мысль: они стали черезъ переводчика просить разрѣшенія убить въ удобный моментъ афганцевъ и ѣхать. „Лучше попробовать счастье, чѣмъ отдаваться живыми въ руки, говорили они: — граница недалеко, нагнать не успѣютъ, а преслѣдовать далеко за свою границу не посмѣютъ“. Я запретилъ переводчику передавать мнѣ такіа глупости. Всѣ старанія мои убѣдить алиелинцевъ, что мы находимся въ организованной странѣ, а не между ворами, какъ шли до сихъ поръ, и что бояться нечего, — были напрасны: совершенно заслуженными чувства ненависти и отвращенія, которыя разбойничьи туркменскія племена внушаютъ всѣмъ своимъ сосѣдямъ, были хорошо извѣстны алиелинцамъ; въ Афганистанѣ и Персіи пощады они могутъ ждать гораздо менѣе, нежели отъ сарыковъ. Даже вѣра въ мою неприкосновенность, какъ русскаго, колебалась; но все-же это

была послѣдняя надежда на спасеніе и аліединцы гнали своихъ измученныхъ лошадей, стараясь какъ можно менѣе отъ меня отставать.

Дорога изъ Кусана въ Горіанъ отдѣляется отъ дороги въ Гератъ вблизи укрѣпленія, идетъ вдоль оросительныхъ каналовъ, выведенныхъ изъ Гери-руда, и на 12-й верстѣ проходитъ черезъ мостъ въ Тирпулъ. Мостъ этотъ, построенный Яр-Мамедъ-ханомъ, вмѣстѣ съ выездами, длиною 40 сажень (120 шаговъ). Рѣка у Тирпула течетъ однимъ рукавомъ по довольно широкой долинѣ; въ самыя высокія воды не бывало случая, чтобъ вода обходила мостъ. Кладка устоевъ и арокъ кирпичная; только ледорѣзы облицованы твердымъ камнемъ, такъ какъ въ суровыя зимы ледъ настолько толстъ, что можетъ выдерживать всадника и ледоходы бывають весьма значительныя. Въ высокую воду дорога изъ Герата въ Мешхедъ также идетъ не черезъ Кусанъ, а черезъ Тирпулъ и далѣе вдоль берега въ Кяфиръ-калу. Изъ Тирпула есть дорога въ Хафъ; надобно перевалить горы у самаго моста. Гери-рудъ подходитъ весьма близко къ возвышенностямъ южнаго берега и дорога какъ въ Кяфиръ-калу, такъ и къ Горіану лѣнится въ видѣ узкихъ тропинокъ, иногда по довольно крупнымъ косяграмъ. Вълѣдствіе этого, въ низкую воду черезъ мостъ обыкновенно не ѣздятъ, а предпочитаютъ переходить рѣку въ бродъ и двигаются по ровнымъ дорогамъ. Въ десяти верстахъ отъ Тирпула, долина Гери-руда расширяется, по берегу тянутся богатѣйшіе луга, на которыхъ пасутся большіе табуны лошадей, по увѣренію афганцовъ, болѣе 40.000 головъ. Это одинъ изъ главныхъ предметовъ вывоза изъ Гератской провинціи въ Персію; лошади малорослыя, простыхъ породъ (лбу), но крѣпкія и выносливыя. Сверхъ того, у жителей имѣется въ значительномъ количествѣ и другой скотъ.

Отъ Горіана до Герата одинъ переходъ (45 верстъ). Долина еще расширяется и все также плодородна. Нѣсколько выше Герата, на Гери-рудѣ усроена плотина, которая направляетъ воду въ каналы, разводящіе ее по этой долинѣ, безпорно богатѣйшей во всей Средней Азіи на югѣ отъ Амударьи. Въ настоящее время главные продукты: асафетиды, шафранъ, фишанцовый орѣхъ, всякіе фрукты, виноградъ прекрасныхъ сортовъ, хлѣбъ, ячмень и клеверъ. Шелковичный червь разводится въ довольно значительномъ количествѣ. Но лѣса и даже кустарникъ существуютъ лишь мѣстами въ разнѣ Гери-руда; склоны горъ совершенно обнажены; всякое селеніе имѣетъ богатые фруктовые сады, топливомъ же служитъ только колючка, привозимая изъ весьма отдаленныхъ мѣстъ.

По дорогѣ встрѣчались лишь кочевья пастуховъ; селенія всѣ въ развалинахъ и брошены жителями, вълѣдствіе набѣговъ туркменъ. Намъ показывали деревни, ограбленныя въ ноябрѣ прошлаго года мервцами. Я въ то время производилъ изысканія линіи желѣзной дороги между Асхабадомъ и Серахсомъ; слухъ, что 3.000 всадниковъ вышли изъ Мерва и направились неизвѣстно куда, произвелъ панику во всемъ Атегѣ; мервцы же разными дорогами кинулись на югъ, ограбили всѣ деревни между поселеніями Шебешъ и Шекиванъ. Нападеніе было произведено такъ быстро, что разбойниковъ не успѣли преслѣдовать и они ушли, угнавъ много скота и захвативъ плѣнныхъ. Это былъ послѣдній алмазъ мервцовъ. Съ тѣхъ поръ изрѣдка являються сарни, но и то небольшими парціями.

Въ Горіанѣ я провелъ два дня. Ханъ горіанскій всѣми силами старался мнѣ угодить; я же все время выражалъ неудовольствіе на то, что меня задерживаютъ изъ-за формальностей, изъ-за какого-то разрѣшенія даже не существовавшее по Афганстану, а переправиться черезъ рѣку, недалеко отъ афганскаго укрѣпленія. Я подсмѣивался, спрашивая, какъ въ Самаркандѣ поступаютъ съ афганскими купцами: посылають-ли также изъ-за каждаго человѣка спрашивать разрѣшенія Иримъ-падишаха ¹⁾? Рассказы, какъ русскіе путешествуютъ безпрепятственно всюду по Персіи и персы по Россіи, особенно не нравились афганцамъ. Ханъ старался объяснить необходимость существующихъ у нихъ порядковъ. „Россія—государство большое, говорилъ онъ; боится ей некого, а намъ и одинъ человекъ можетъ сдѣлать вредъ; оттого и законъ у насъ такой, что высшія власти должны знать, когда кто прѣзжаетъ. А тутъ еще судьба привела на нашу землю человека изъ такого большаго государства, какъ Россія; мы должны его принять, угостить и проводить, какъ подобаетъ. Развѣ мы не люди, — прибавляетъ обиженнымъ тономъ ханъ, — что у насъ нельзя попустить; чтѣ же мы вамъ сдѣлали, что вы хотите пробѣжать мимо нашего дома, не останавливаясь отдохнуть. Вы не плѣнный у насъ, а гость; вся земля ваша, требуйте, чего хотите“. Ханъ запретилъ намъ продавать что-нибудь, велѣлъ вернуть деньги, которыя я далъ по дорогѣ одному афганцу за хлѣбъ для людей и все время нашего пребыванія присылать все необходимое для меня и для

¹⁾ Иримъ-падишахъ значитъ полугуаръ; подъ этимъ именемъ извѣстенъ во всей средней Азіи генералъ-губернаторъ Туркестана.

амелинцевъ. Для меня поставили огромную палатку и поминутно являлся кто-нибудь, спрашивая, не нужно ли мнѣ чего-нибудь.

Еще вечеру этого дня прибылъ изъ Герата съ большою свитой Низаметдинъ-ханъ, помощникъ и главный совѣтникъ гератскаго правителя Сердаръ-Кудудуъ-хана. Низаметдинъ-ханъ, болѣе извѣстный подъ именемъ Ахундъ-Заде (сынъ какого-то афганскаго ученаго), считается въ Гератѣ очень умнымъ и хитрымъ человекомъ и былъ посланъ вычитать у меня, съ какимъ порученіемъ я ѣду. Онъ привезъ подарки: конфеты, чай и сахаръ. Разговоръ начался, какъ всегда, о здоровьяхъ, о благополучіи дома и имущества; всё-ли я доволенъ въ Афганистанѣ? Я поблагодарилъ за гостепримство и выразилъ сожалѣніе, что беспокоилъ такого человека, у котораго должно быть и безъ того много дѣла по управленію страной. „Что за беспокойство — говорилъ Ахундъ-Заде — гость изъ такого великаго государства есть дорогой гость; вся страна ваша; прикажете, всё готово вамъ служить“.

Наконецъ, обмѣвъ любезностей кончился; ханъ сказалъ, что имѣетъ переговорить со мною наединѣ. Онъ удалилъ свою свиту, я своихъ людей и тутъ началась дипломатическая часть порученія Ахундъ-Заде: правитель Герата прислалъ его узнать, не желаю-ли я чего? можетъ быть, мнѣ дано какое нибудь порученіе въ Афганистанъ; всё такъ рады будутъ мнѣ служить; много людей изъ Афганистана ѣздитъ въ Самаркандъ и имъ всегда оказываютъ хорошій приемъ, а афганцамъ такъ рѣдко случается принять русскаго. Мнѣ жалъ было, что вся хитрость и мудрость Ахундъ-Заде пропадаютъ даромъ и я поспѣшилъ ему отвѣтить: „Выѣзжая изъ Асхабада, я и не думалъ быть въ Афганистанѣ; необходимости взять проводниковъ для переправы въ Персію привела меня въ Кусанъ, а исполненіе формальностей, требуемыхъ афганскимъ закономъ отъ иностранцевъ—въ Гератъ; я былъ-бы очень счастливъ быть гостемъ хана въ Гератѣ, но обстоятельства мнѣ этого не позволяють—мнѣ необходимо ѣхать въ Хафъ, куда и прошу Ахундъ-Заде дать мнѣ проводниковъ“. — „Вся страна ваша, куда прикажете, туда и проведутъ“, отвѣтилъ Ахундъ-Заде и предложилъ конвой для сопровожденія до персидской границы. Отъ этого я отказался и мы порѣшили, что на слѣдующій день на разсвѣтѣ два проводника будутъ къ моимъ услугамъ.

Наконецъ, когда стемнѣло, ханъ извѣдился дальностью пути и уѣхалъ, наговоривъ на прощаніе массу любезностей и отдавъ приказаніе, чтобы всё мои желанія были исполнены въ точности. Те-

перь для мѣстныхъ властей уже было ясно, какъ къ моему прѣезду отнеслись въ Гератѣ, ханы не знали удержу и странно надѣждали: не нужно-ли мнѣ чего нибудь, они посидятъ со мною, чтобы мнѣ не было скучно и т. д. Напрасно я наводилъ разговоръ на необходимость очень рано встать на слѣдующій день; ханы намековъ не понимали и уѣхали только въ девять часовъ вечера; на прощаніе они взяли, для представленія въ Гератѣ, съ меня росписку въ томъ, что я вполне доволенъ оказаннымъ мнѣ приемомъ. Интересно-бы знать, кто ее будетъ читать, такъ какъ я отклонилъ просьбу приложить печать къ роспискѣ, написанной на персидски, и написалъ самъ всею по-русски.

IV.

Горіанъ. Турбетъ-и-Гайдари. Мешхедъ.

30-го апрѣля на разсвѣтѣ мы выступили изъ Горіана. Дорога сначала проходить по богатымъ пастбищамъ, на которыхъ паслись большія стада барановъ и табуны лошадей; но направленіе ея NW 80° и потому она быстро уходитъ отъ Гери-руда. Скоро мы стали подниматься, чтобы перелезть черезъ невысокій отрогъ горъ; его легко избѣгнуть для колесной дороги небольшимъ обходомъ. Высшая точка перевала надъ окружающею мѣстностью около 45 сажень. Въ широкой долині, лежащей за нимъ, мы проходили мимо нѣсколькихъ хузовъ и разваливъ робатовъ; въ бассейнахъ хузовъ есть вода, но самыя злѣныя ихъ, также какъ и робаты, разрушены меридами и сарыкали; здѣсь каждый шагъ дороги носилъ на себѣ слѣды подготовъ этихъ негодяевъ и вся долина до самаго Герата брошена жителями.

Мѣстность вообще небогата водою. Около середины дороги, изъ сѣверныхъ отроговъ вытекаетъ небольшой ручей, называемый Шору; теченіе въ немъ бываетъ только послѣ дождей; при нашемъ прохождѣ, въ руселѣ мѣстами стояли лужи со слабо солоноватою водою. Кюризмы, снабжавшіе прежде робаты и населенія по этой дорогѣ, теперь засорены и не даютъ воды. Въ одной верстѣ отъ Шору проводникъ мнѣ указалъ персидско-афганскую границу, которая, впрочемъ, на картѣхъ показана гораздо восточнѣе, но афганецъ утверждалъ, что въ былыя времена, когда жители еще не бросили край, Шору-кала было афганское поселеніе. На сѣверъ

отъ дороги, по которой мы шли, тапетелъ долина Бахаръзъ. Нѣсколько далѣе Керата вытекаетъ изъ горъ ручей Тейбадъ-су, разбираемый на орошеніе у селенія Тейбадъ; только послѣ сильныхъ дождей этотъ ручей, также какъ и остальные овраги Бахаръза, обыкновенно сухи, и несетъ свои воды къ Гери-руду.

Вправо и влѣво отъ дороги встрѣчаются искусственные бугры такого-же вида, какъ въ Атекѣ: они насыпаны, какъ объясняютъ афганцы, по приказанію Надиръ-шаха для устройства укрѣпленій и караульных или сигнальных башенъ.

При приближеніи къ Керату, издали видѣется большой столбъ, построенный во времена Надиръ-шаха балхскими жителями, тогда державшими здѣсь караулъ. Столбъ служилъ сторожевою башнею, вершина его обвалилась, оставшаяся кругомъ верхняя часть наклонилась и, вѣроятно, скоро упадетъ. Внутри столбъ пустой и въ немъ помѣщается витая лѣстница, ведущая на вершину.

Кератъ имѣетъ теперь большое значеніе, какъ опорный пунктъ для охраненія персидской границы отъ набѣговъ сарызовъ и мердочъ: онъ расположенъ при выходѣ изъ горъ большой дороги изъ Хафа въ Горіанъ; изъ Керата же высылаются караулы въ остальные горные проходы. Такимъ образомъ, большая дорога изъ Хафа въ Мешхедъ совершенно обезпечивается отъ нападенія разбойничьихъ шаекъ.

Изъ Керата дорога идетъ шесть верстъ по оврагу ручья Сербъ-и-чипме и потомъ пересѣкается ручей Дердвей, оба незначительные, такъ что Кератъ получаетъ воду изъ источниковъ; далѣе дорога переваливаетъ на западную сторону кератскихъ горъ и спускается къ роднику Шишоу, у котораго есть небольшой лужокъ съ хорошо травою. За нѣсколько дней до нашего проѣзда, въ этихъ горахъ захвачены были сарынами шесть жителей Хафа, шедшихъ съ верблюдами въ Кератъ. Вслѣдствіе этого паиза была общанъ. Завидя аліеліанцовъ, проходившихъ съ навьюченными ослиами персы пробрали животныхъ и вьюки, а сами побѣжали въ горы. Напрасно бывшій съ нами персидскій проводникъ вѣзжалъ на высоты, выискивалъ и успокаивалъ бѣглецовъ; они спрятались гдѣ-то далеко и не рѣшались показаться.

Изъ Шишоу дорога спускается въ долину, съ поперечнымъ скатомъ къ Хафу, который виденъ пертъ за 15; не доходя этого города, пересѣкаются два ручейка, текущіе на югъ. Топлива по всей дорогѣ, начиная отъ Горіана, почти нѣтъ; съ трудомъ можно было набрать его для приготовленія обѣда или чаю! Корма для лоша-

дей, когда кончается богатая лугами долина Гери-руда, также немного.

Хафъ состоитъ изъ нѣсколькихъ укрѣпленій, построенныхъ другъ около друга; чтобы проникнуть на базаръ, приходится проѣхать черезъ трое воротъ. Снаружи укрѣпленія, у первыхъ воротъ, расположены большой, прекрасно построенный хуузъ. На базарѣ карававъ-сарай почти всё пусто и ничего нельзя найти; лавки же разбросаны по укрѣпленіямъ среди прекрасныхъ садовъ, посѣвовъ тириака (опіуму) и богатѣйшихъ тутовыхъ и фруктовыхъ плантацій. Предметы торговли почти всё мѣстные персидскіе; красный товаръ частью русскихъ, частью англійскихъ фабрикъ, что видно по ярлыкамъ, которыми, по мѣрѣ продажи тканей, вунды оклеиваютъ свои лавки.

Хафъ—мѣстопребываніе полковника Стюарта, англійскаго агента въ Кератѣ. Послѣ печальной участи, постигшей Кавальери, англійскіе агенты въ Афганистанѣ предпочитаютъ жить не во вѣренихъ ихъ наблюденію провинціяхъ, гдѣ, при ненависти афганцевъ къ англичанамъ, жизнь ихъ всегда въ опасности, а гдѣ-нибудь неподалеку. Стюартъ, во время тѣхнскій экспедицій въ 1880 и 1881 годахъ, пересѣдѣвшись армяниномъ, подъ предлогомъ покупки лошадей, проѣхалъ въ Дерегезъ и оттуда слѣдилъ за дѣйствіями русскихъ войскъ. Въ настоящее время, Хафъ составляетъ, такъ сказать, главную квартиру полковника; большую же часть времени онъ разъѣзжаетъ и занятъ съѣзками по границѣ Персіи и Афганистана. Весною этого года онъ былъ въ Кератѣ, Кяфиръ-каль, доходилъ до Мосынъ-абада и Пешъ-робата; затѣмъ, сларидивъ нѣсколько неудавшихся экспедицій, желавшихъ проникнуть въ Мервъ, отправился на югъ Персіи.

Дорога изъ Хафа идетъ до Турбетъ-и-Гайдари на сѣверозападъ по широкой долинѣ; съ восточной стороны все время видѣются горы; съ западной онѣ переходятъ въ невысокіе холмы и часто на горизонтѣ ничего не видно. На равнинѣ дорога идетъ по удобному гравелистому грунту. Черезъ всѣ овраги съ крутыми берегами сдѣланы мостики, по которымъ можетъ проѣхать несильно нагруженная телега.

Какъ на русскихъ, такъ и на англійскихъ картахъ по дорогѣ къ Мешхеду показаны не всѣ поселенія, которые существуютъ въ дѣйствительности; вѣроятно, съ умиротвореніемъ края (теперь уже сюда не слѣдуетъ являться сарыки) явились новыя деревни. Растительность вездѣ очень богата, но дальнѣйшаго большого разви-

тия жизни здѣсь ждать нельзя: предѣль ему положить недостаток воды. Всѣ деревни, лежащія по дорогѣ, представляют собою темное поле пашно садовъ среди свѣтлозеленаго цвѣта окружающих ихъ полей въ ячменя, пшеницы, клевера, тирака и т. п. Эти небольшие пашни рѣзко отличаются отъ мрачнаго, печальнаго, пыльнаго цвѣта остальной долины: вся вода изъ нея впитана кѣрами и проведена къ деревнямъ, и затѣмъ остальная, бесплодная часть земли не производит даже травы и кустарника. Корма для скота нѣтъ нигдѣ до самаго Мешхеда; лошадей держатъ только ханы; иногда въ цѣлой деревнѣ нѣтъ ни одной лошади. Всѣ передвиженія дѣлаются на ослахъ; это относится какъ къ товарамъ, такъ и къ путешественникамъ, вѣдушимъ, большую часть, на богомолье въ Мешхедъ; какъ мужчины, такъ и женщины вѣдутъ на ослахъ, причемъ женщины, обыкновенно, поверхъ цѣлой кучи одѣяты и выюка. Верблюды встрѣчаются рѣдко, только при большихъ караванахъ, идущихъ издалека; при гористой мѣстности, изъ Турбета къ Мешхеду перевозка на верблюдахъ невозможна. Фруктовыя деревья есть въ каждомъ селеніи, въ садахъ; лѣсовъ же нѣтъ нигдѣ. Отъ отсутствія дерева зависитъ типъ персидскихъ построекъ, какъ отдѣльно стоящихъ, такъ и составляющихъ цѣлыя роботы и караванъ-сарай. Помѣщеніе нѣсколько значительныхъ размѣровъ подраздѣляется столбами на небольшіе квадраты, покрываемые купольными сводами. Деревя не куска. Роботы для остановки путешественниковъ очень часты; они расположены по дорогѣ около родниковъ, а въ случаѣ отсутствія ихъ, около коузловъ. Иногда зданія стоятъ вдали отъ поселеній, иногда около нихъ, но всегда видъ укрѣпленія. Внутри робота состоитъ изъ нѣсколькихъ возвышенной части около стѣнъ, въ видѣ глиняныхъ, иногда вымощенныхъ, наръ для людей и части ровней съ землею—для скота и лошадей. Въ стѣнахъ около наръ очаги для варки пищи; въ углу вѣтанъ лѣстница на крышу, гдѣ всѣ купола окружены стѣною съ бойницами для обороны; теперь эта часть постройки обыкновенно не поддерживается. Роботы часто изъ обожженнаго кирпича, иногда сырцовые. Какъ всѣ азіатскія постройки, они недолговѣчны; много встрѣчается развалинъ. Въ роботахъ ничего не платится за помѣщеніе; построены они, обыкновенно, благочестивыми людьми на общее пользованіе.

Недостатокъ дерева—одно изъ важныхъ неудобствъ этой дороги при путешествіяхъ: купить дровъ не вездѣ можно; кустарника же нѣтъ вовсе, черѣдъ даже нельзя набрать и колочки, которая здѣсь

почти исключительно служить топливомъ и подвозится къ поселеніямъ часто изъ-за очень большихъ растояній.

У небольшой карауль-калы, у Гиндабада, дорога изъ долины входитъ на невысокіе холмы. Послѣ переправы черезъ нихъ виденъ Турбетъ-и-Гайдари. Сады, окружающіе укрѣпленіе, разбросаны на много верстъ; мы около нихъ проходили болѣе часа; вода изъ родниковъ и кѣризовъ. Турбетъ-и-Гайдари—одинъ изъ большихъ городовъ этой части Персіи; въ калѣ находится базаръ, прекрасное кирпичное зданіе въ видѣ буквы Т, крытое сводами; средняя часть его оставляетъ весьма широкій проѣздъ; мы вѣхали верхомъ трою рядомъ, не стѣсняя проходившихъ по сторонамъ; лавки весьма вмѣстительныя, съ жильемъ сады для продавцовъ. Главные предметы торговли тѣ же, что и въ Мешхедѣ: ткани, принадлежности верховой вѣды (войлоки, сѣдла, уздечки, хурджимы ¹⁾, чай, французскій сахаръ, лампы, желѣзныя издѣлія, стеклянныя и ювелирныя произведенія; потомъ лавки съ мясомъ, зеленью, крупю, ячменемъ, хлѣбомъ и т. п.

За Турбетомъ начинается горная часть дороги и продолжается до самаго Мешхеда. Приходится перейти три перевала, болѣе 6¹/₂ тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря. Дорога часто идетъ по камню, по которому скользятъ и падаютъ даже ослы; спуски и подъемы очень крутые, дорога совершенно не раздѣлана и вообще весьма трудная; самая плохая часть—ближайшая къ Мешхеду, отъ Кафиръ-калы почти до Тирока. Воды вездѣ много; корма же для лошадей нѣтъ, лѣса и топлива также. Чѣмъ ближе къ Мешхеду, тѣмъ чаще и чаще приходится обгонять караваны съ товарами и особенно много богомольцевъ, направляющихся въ святой городъ. За 15 верстъ съ горъ уже видно мерпаніе золоченаго купола надъ гробницей имама Риза.

Въ Мешхедѣ я предпологалъ провести два дня въ приготовленіяхъ къ дальнѣйшему путешествію. Благодаря гостепримству и любезности русскаго коммерческаго агента въ этомъ городѣ, г. Пасырбекова, снаряженіе не представило никакихъ затрудненій и пребываніе въ Мешхедѣ обратилось въ весьма пріятный отдыхъ. Оказалось, что слухи о моей поѣздѣ въ Горіанъ уже достигли Мешхеда, но въ весьма извращенномъ видѣ; говорили, что я былъ захваченъ въ плѣнъ горанскимъ ханомъ и потомъ освобожденъ по приказанію гератскихъ властей. Въ такомъ видѣ и даже съ при-

¹⁾ Переметныя сумки.

бавленіемъ, что мѣ было запрещено возвращаться въ Гератъ, слухи были переданы въ Тегеранъ и оттуда черезъ телеграфныя агентства попали въ наши и англійскія газеты.

Наканунъ моего отъѣзда, выступилъ изъ Мешхеда хорасанскій генераль-губернаторъ (вали), принцъ Рухнудъ-Дауле, братъ шаха, для отъѣзда восточной персидской границы и для постройки укрѣпленій въ Каушутъ-каль, Старомъ Серахсѣ и на ливіи Теджена. Этими путемъ хорасанскія власти захватываютъ никогда непринадлежавшій имъ, весьма удобный для асесенія и обработки восточный берегъ Гери-руда и надѣются утвердить свое вліаніе между мервацами, какъ здѣсь поселяющимися, такъ и живущими въ Мервѣ. Мервцы, стѣсненные въ своихъ грабежахъ сосѣдствомъ Россіи, уже перестали быть прежнимъ страшилцемъ для персовъ и, напротивъ, стараются снискать ихъ расположение: фиктивное покровительство слабой державы, какъ Персія, было-бы чрезвычайно выгодно мервацамъ, такъ какъ позволяло-бы имъ дѣлать все, что они хотѣли.

Весьма упорно держался слухъ, что сношенія обѣихъ сторонъ происходятъ при участіи англійскихъ агентовъ, одинъ изъ которыхъ, будто-бы, долженъ былъ сопровождать принца Рухнудъ-Дауле при его путешествіи. Для сопровожденія принца шелъ отрядъ изъ 1.000 человекъ пѣхоты, 1.200 всадниковъ и четырехъ орудій, со свитою и прислугою по 3.000 человекъ, а вмѣстѣ съ транспортомъ всего до 5.000 человекъ. Маршрутъ вали былъ по Кара-су (Хешэфъ-рудъ) въ Пуль-и-Хатунъ и оттуда въ Серахсѣ. Путешествіе это произвело въ Мешхедѣ большое волненіе, такъ какъ подъ транспортъ требовалось множество верблюдовъ и ословъ, которые собирались реквизиціей; караваны, предупрежденные во время, предпочитали по десяти и болѣе дѣлать отъѣзда принца гдѣ-нибудь въ двухъ-трехъ переходахъ отъ Мешхеда, чѣмъ рисковать своими верблюдами. Полученіе денегъ за работу взятыхъ реквизиціей верблюдовъ и ословъ болѣе чѣмъ гадательно, а неполученіе обратно самихъ животныхъ, напротивъ, весьма вѣроятно.

V.

Мешхедъ. Турбетъ-и-Шейхъ-и-Джамъ. Догару. Серахсѣ.

Изъ Мешхеда мы выступили, 9-го мая, на Турбетъ-и-Шейхъ-и-Джамъ, чтобы пройти до Гери-руда и оттуда берегомъ рѣки въ

Серахсѣ. Дорогъ изъ Мешхеда къ Турбетъ-и-Шейхъ-и-Джаму нѣсколько: на англійскихъ картахъ показана самая близкая къ горамъ; она послѣдовалась въ тѣ времена, когда большая дорога изъ Мешхеда въ Гератъ подвергалась постояннымъ нападеніямъ мервцевъ и сарыковъ. На русской картѣ означена вторая дорога гораздо ниже, но и она частью проходитъ по кособокамъ и пересѣкается весьма неудобные овраги. Теперь, при полной безопасности пути, эта часть дороги оставлена, и движеніе происходитъ прямо по долині изъ Феримуна, на Батты-Шимширъ, развалины Хейрабада и Ленкара, причемъ, не говоря объ улучшеніи пути, длина его сокращается почти на десять верстъ.

Сравнительно съ дорогою изъ Хафа, описываемой теперь путь безлюденъ и пусты. Здѣсь вездѣ видны еще слѣды подвиговъ турменовъ, хотя послѣднее время и тутъ почти прекратились разбои, но край только-что начинаетъ оживать и еще не успѣлъ оправиться отъ переселенныхъ бѣдъ.

Дорога, болѣею частью, ровная, только мѣстами, особенно между Гусылъ-абадомъ и Феримуномъ, на шести верстахъ есть овраги и холмы при пересѣченіи водораздѣла между Кара-су и Джамомъ; для желѣзной дороги здѣсь трудностей не представилось бы никакихъ. За Феримуномъ же мѣстность совершенно ровная. Вода по дорогѣ въ изобиліи, населеніе есть во всѣхъ пунктахъ, кромѣ Гусылъ-абада, Хейрабада (развалины), Хоузъ-Сефиды и Абасъ-абада, причемъ, въ Хейрабадѣ и Абасъ-абадѣ водоснабженіе было изъ кѣрзювъ, и когда эти укрѣпленія были брошены жителями, изъ страха текинцевъ, то водоснабженіе погибло. Въ Хоузъ-Сефидѣ зданіе хоуза разрушено, но систерна съ водою существуетъ и теперь. Населеніе—персы, кромѣ Ленкара, гдѣ много салпыръ, поселившихся здѣсь дѣтъ тридцать назадъ; говорятъ они какой-то смѣсью тюркского и персидскаго языкомъ.

Въ Турбетъ-и-Шейхъ-и-Джамъ бѣжалъ Эйюбъ-ханъ по взятіи Герата наѣвшимъ его правителемъ Сердаръ-Кундузъ-хашомъ. По настоянію англійской мисси, Эйюбъ-хану было предложено переселиться въ Тегеранъ, что онъ и сдѣлалъ; но семейство его и большая часть бѣжавшихъ съ нимъ приверженцевъ все еще живетъ въ Турбетѣ. Я встрѣчалъ многихъ изъ нихъ; они чрезвычайно настойчиво просили какой-нибудь работы и всегда стоило большого труда отъ нихъ отдѣлаться. По дорогѣ, какъ только узавали, что я русскій, сейчасъ же начинались разговоры о русскомъ, который былъ въ плѣну въ Гератѣ. Наиболѣе догадливые спрашивали, не

обо мнѣ ли идетъ рѣчь; я не отрекался и этою откровенностью совершенно сбивать съ толка своихъ собесѣдниковъ, привезшихъ къ тому, что на Востоѣ никто въ дѣлахъ не говоритъ правды. Многие приходили къ убѣжденію, что я нарочно стараюсь ихъ ввести въ заблужденіе, а въ дѣйствительности ѣду хлопотать объ освобожденіи гератскаго плѣнника.

Для преслѣдованія разбойничьихъ шайекъ и защиты дороги, на востоѣ отъ нея выдвинуты два пункта: Вуджугунъ и Мосниъ-абадъ; въ Вуджугунѣ стоятъ 400 всадниковъ милиціи, въ Мосниъ-абадѣ 100. Мосниабадъ въ пяти верстахъ отъ большой дороги; въ немъ до 300 домовъ; водоснабженіе весьма обильное изъ кѣризовъ. Показанный на картахъ, подъ названіемъ Мосниъ-абадъ-су, притокъ Гери-руда, извѣстенъ у жителей подъ именемъ Равасъ; въ дѣйствительности это не рѣка, а оврагъ: вода въ немъ бываетъ только послѣ сильныхъ дождей и теченіе ея бываетъ непродолжительно. Вообще, при пользованіи картами этой мѣстности, весьма легко впасть въ ошибку и придти къ убѣжденію, что весь бассейнъ Гери-руда чрезвычайно обилѣнъ: на картахъ показано множество рѣкъ и ихъ притоковъ, на самомъ же дѣлѣ это все овраги, дренаирующие бассейнъ отъ дождей. Рѣкъ только двѣ: Кара-су и Джамъ. Постоянное теченіе Джамы начинается лишь у развалинъ Хейрабада; притоковъ же рѣки не имѣютъ. Тейбадъ-су не доходить до Гери-руда и разбивается вся у Тейбада. Вообще эта мѣстность, такъ же какъ и весь Хорасанъ, скорѣе бѣдна, нежели богата водою.

Изъ Мосниъ-абада я проѣхалъ въ Кѣризъ. Дорога совершенно ровная, большая часть селенія въ развалинахъ, робатъ разрушенъ; жители только недавно начали возвращаться. Не въ лучшемъ состояніи и находящійся на афганской границѣ робатъ Догару — груда развалинъ; бившее здѣсь водоснабженіе не существуетъ. Изъ Догару ясно видно укрѣпленіе и робатъ Кифиръ-кала; въ зтогъ послѣдній пунктъ ежедневно высылаются изъ Кусана пять человекъ для наблюденія за переправою; на ночь они возвращаются въ Кусанъ. Изъ Догару мы повернули на сѣверо-сѣверо-востокъ и шли въ зтомъ направленіи до Гери-руда у Пешъ-робата, построеннаго, по словамъ мосниабадскаго хана, дочерью Тимура. Какъ объявлялъ ханъ, это и гласитъ надпись на фасадѣ, высѣченная въ полосу сѣраго камня, вдѣланнаго въ кладку. Зданіе изъ прочной кирпичной кладки сохранилось, сравнительно, хорошо, только одинъ уголъ уналь; своды, покрывающіе отдѣльныя части робата, безъ трещинъ; размѣры грандіозны; всюду внутри можно проѣхать вер-

холь. У Пешъ-робата дорога подходитъ къ Гери-руду; оба берега перосли густымъ камышомъ, кустарникомъ и деревьями; во многихъ мѣстахъ къ рѣкѣ нельзя не только подъѣхать, но даже подойти пѣшкомъ.

Изъ Догару въ Зурабадъ три дороги. Одна переходитъ рѣку, удаляется внутрь страны для обхода горъ, составившихъ ущелье Гери-руда и недалеко отъ Зурабада возвращается на персидскій берегъ. Главное неудобство этого пути — двѣ переправы черезъ рѣку, доступныя не во всякое время года, да и проходить онѣ по ущельямъ, гдѣ двигаться, суди по разсиросамъ, нелегко. Второе, кратчайшее направленіе, по которому я шелъ, черезъ горы, не можетъ быть собственно названо дорогою — тутъ мѣстами нѣтъ даже вьючной тропы. Наконецъ, третья дорога, длиннѣйшая, но лучшая — черезъ Турбетъ-и-Шейхъ-и-Джамъ и Ленкаръ въ Зурабадъ; по ней только одинъ переходъ въ горахъ.

Вторая изъ этихъ дорогъ отъ Пешъ-робата идетъ по берегу Гери-руда до Кассанъ-калы, потомъ удаляется на западъ и пересѣкаетъ Джамъ въ трехъ верстахъ отъ впаденія его въ Гери-рудъ. Отъ этого пункта мѣстность холмистая; дорога проходитъ мимо развалинъ Кале-и-Мелу у прѣснаго ручья и восемь верстъ далѣе входитъ въ горы; отсюда почти все время приходится двигаться узкими тропинками въ ущельяхъ, большею частью по голому камню, то поднимаясь на высокіе перевалы, то спускаясь въ глубокия долины; дороги нѣтъ вовсе, часто нѣтъ и слѣда пути, даже вьючное движеніе здѣсь крайне затруднительно; устройство же колесной дороги потребовало бы громаднхъ работъ. Воды много; почти въ каждомъ ущельи течетъ ручей; кормъ для лошадей прекраснй. Склоны горъ покрыты деревьями, около ручья Голетбъ есть даже довольно густой дѣсь.

Изъ горъ мы вышли верстахъ въ 12-ти отъ поселенія салпронъ и прошли мимо нѣсколькихъ линій брошенныхъ кѣризовъ и потомъ вдоль обильнаго ручья, проведеннаго на поля въ Зурабада.

Зурабадъ, въ настоящее время, пріобрѣтаетъ весьма важное значеніе. Сюда, съ разрѣшенія персидскаго правительства, переселилось до 2000 кибитовъ салгуръ. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, они жили у Староа Серакса. Мервцы напали на нихъ, угнали весь скотъ и принудили большую часть племени переселиться въ Мерв; тамъ имъ не было дано ни земли, ни воды и они или занимались скотоводствомъ, или постуали на работы къ текицамъ. Во время экспедиціи 1880—1881 года, въ Мервѣ было до 4000

кибитовъ саларь; остальные распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: между сарынами по Мургабу кочевало 1000 кибитокъ, у Чарджуа 400, близъ Маймене 200, близъ Герата въ Пуль-и-Саларь было около 100 домовъ.

По совѣту Тикма-серадара, лѣтомъ прошлаго года, мервы рѣшили болѣе не задерживать саларь, а отпустить ихъ на старья мѣста. Они, въ числѣ 2000 кибитокъ, явились къ Серахсу; но здѣсь очень ужъ хорошія мѣста, на которыя всегда найдутся охотники; наконецъ, персы на нихъ имѣли другіе виды, и потому саларья назначили мѣста для поселенія у Зурабада для того, чтобы образовать вдоль Гери-руда кордонъ отъ набѣговъ сарыковъ и мерцевъ. Саларь — самое слабое изъ туркменскихъ племенъ; не пользуясь ничьимъ покровительствомъ, они не могли сопротивляться и отстаивать свои права на Старый Серахс, который имъ еще такъ недавно принадлежалъ, тѣмъ болѣе, что явились они совершенно разоренные, нуждаясь въ сѣменахъ для посѣвовъ. Отказъ въ этомъ со стороны персовъ поставилъ бы персехенцевъ въ безвыходное положеніе и они должны были поселиться гдѣ имъ указали, хотя Зурабадъ имъ очень не нравится; въ горахъ вода въ изобиліи, но ручьи текутъ въ узкихъ ущельяхъ и нѣтъ мѣстъ для посѣвовъ; у самаго же Зурабада равнина, годная для обработки, невелика и воды весьма немного, такъ какъ приходится пользоваться арыками изъ каризовъ, а выведеніе каналовъ изъ Гери-руда представило бы слишкомъ большія затрудненія. Саларь заняли отъ Пуль-и-Хатуна до Зурабада и далѣе на югъ по берегу рѣки всѣ мѣста, годныя для посѣвовъ: земли едва хлѣбаютъ, а между тѣмъ, оставшіяся въ Мервѣ 2000 кибитокъ желаютъ поселиться вмѣстѣ со своими единоплеменниками, зурабадскіе же старшины идуть еще далѣе и толкуютъ о необходимости собраться всѣмъ саларямъ въ одно мѣсто.

Главное поселеніе саларь — на бугрѣ около стараго укрѣпленія Зурабадъ. Тутъ же недалеко персы предполагаютъ построить новое укрѣпленіе.

Приняли меня саларь въ высшей степени гостеприимно, съ выраженіями глубочайшей преданности и благодарности Россіи: свое освобожденіе изъ Мерва, гдѣ имъ такъ плохо жилось, они приписываютъ исключительно покровенію русскими Акала и совѣтамъ Тикма-серадара. Конечно, это не помѣшало имъ взять съ меня за все въ-три-дорога.

Изъ Зурабада къ Пуль-и-Хатуну ведутъ двѣ дороги: первая,

кратчайшая, идетъ черезъ горы; вторая же переходитъ на восточную сторону рѣки и черезъ Гермау-Дербентъ возвращается на персидскій берегъ, гдѣ соединяется съ первой. Горная дорога до Деана-Дербентъ неудобная и трудная; она почти такого же характера, какъ дорога изъ Кале-и-Мелу въ Зурабадъ. Близъ Деана-Дербентъ дорога спускается въ Гери-рудъ и его берегомъ идетъ до самаго Серахса; здѣсь съ восточной стороны рѣки горы продолжаютъ почти до Пуль-и-Хатуна; на персидскомъ же берегу онѣ отходятъ отъ рѣки и дорога лишь мѣстами пересѣкаетъ невысокіе выступы ихъ, а отъ Пуль-и-Хатуна къ Серахсу идетъ по чрезвычайно пологому и совершенно ровному косягору. Прежде дорога изъ Серахса въ Пуль-и-Хатунъ проходила черезъ Даулетъ-абадъ и Шурдже, въ сторонѣ отъ рѣки, по холмистой и довольно трудной мѣстности. Это направленіе предпочиталось вслѣдствіе его сравнительной безопасности; въ настоящее же время, по умиротворенію края, оно почти оставлено.

Пуль-и-Хатунъ значитъ въ переводѣ мостъ женщины. Здѣсь черезъ Гери-рудъ былъ построенъ очень давно женщиной (текиницей не знаютъ подробностей) мостъ; четыре арки его существуютъ и по настоящее время; средняя же, пятая, разрушена Медѣмъ-ханомъ во время похода его противъ Мерва. Вся длина моста 28 сажень. Близъ моста въ Гери-рудъ впадаетъ Кара-су (Кешефъ-рудъ). Ширина его здѣсь около шести сажень; глубина весьма незначительна, но болѣе, калъ по колѣна лошади, но бродъ чрезвычайно неудобный, вслѣдствіе громадныхъ булыжъ, составляющихъ дно рѣки.

Въ Пуль-и-Хатунѣ мы остановились на ночлегъ около лагеря принца Рухнудъ-Дауле. Пока и болшими переходами прошелъ на Догару и Пуль-и-Хатунъ, принцъ успѣлъ пройти по Кара-су 120 верстъ. Онъ и состоящіе при немъ начальники военной и гражданской части ѣхали въ каретахъ, свита верхомъ; обстановка всего лагеря весьма роскошная. При движеніи, всѣ части, кромѣ артиллеріи, шли чрезвычайно нестройно и въ разбродъ; обозъ растянулся болѣе тѣмъ на десять верстъ. Чисто одѣты только лица, ближайшія къ принцу; другіе въ оборванные. Насколько можно судить по войскамъ, сопровождающимъ вали, сапоги въ пѣхотѣ не обязательны, да и вообще форма соблюдается весьма мало. Вооруженіе все старинъ системъ; скорострѣльные ружья встрѣчаются только у офицеровъ, и то весьма рѣдко.

На слѣдующій день, 18-го мая, обогнавъ персидскій отрядъ у Наурузъ-абада, я приѣхалъ въ Серахсъ, гдѣ дѣлались большія
 известія и. р. г. о. — т. хх.

приготовления для встречи вали и были собраны люди для предполагавшихся работ.

Во все время по дорогѣ въ Асхабадъ пришлось выслушивать жалобы жителей Атека на бѣдственное положеніе: персы систематически отнимаютъ у нихъ воду въ моменты, когда она необходима для посѣвовъ; текинцы не сѣютъ силою поддерживать свое право и видятъ для себя только два исхода: или сдѣлаться передскими подданными и платить пограничнымъ ильханамъ подать, или бросить свои поселенія и отбечь въ Мервѣ или Тедженѣ, не смотря на сопряженное съ этимъ полное разореніе.

ПОВѢДКА ВЪ ПЕРСІЮ, ЮЖНУЮ ТУРЕМЕНІЮ, МЕРВЪ И ЧАРДЖУЙ.

Въ 1882 году я проѣхалъ по разнымъ частямъ Средней Азіи болѣе 5000 верстъ; разработана собранная при этомъ свѣдѣніи, конечно, потребуетъ не мало времени, и потому не ожидая вычисленій и окончательной разработки собранныхъ матеріаловъ, я предварительно сообщу нѣсколько замѣтокъ о своихъ путешествіяхъ во второй половинѣ того года. Главное мѣсто при этомъ отведено описанію пройденныхъ дорогъ и нѣкоторыхъ менѣе извѣстныхъ мѣстностей; я вездѣ по возможности избѣгалъ повторенія свѣдѣній ранѣе сообщенныхъ путешественниками, не имѣя въ виду представить что-либо полное и законченное о посѣщенныхъ странахъ, а лишь изложить отдѣльные интересные факты.

Также отрывочны свѣдѣнія о характерѣ и жизни текинцевъ: я упоминаю лишь о тѣхъ сторонахъ, въ которыхъ истина наиболее расходится съ господствовавшими у насъ до сихъ поръ понятіями. Вообще представленія о текинцахъ и Мервѣ у насъ самыя несоответствующія дѣйствительности: въ англійскихъ источникахъ, въ виду политическихъ соображеній, факты часто извращены, выводы же почти всегда пристрастны. Мы, русскіе, только въ послѣднее время стали въ условія благоприятныя для изученія этого народа; до войны, сношенія съ текинцами были весьма рѣдки, свѣдѣнія о нихъ болѣею частью собирались у ихъ сосѣдей и конечно не могли имѣть большой цѣны; по взятіи Геокъ-тепе сближеніе происходило медленно, люди, возвращающіеся изъ Закаспійскаго края, незнакомые съ дѣйствительностью и великодушные, надѣялись текинцевъ всевозможными добродѣтелями. Отсюда и пошли рассказы

о храбрости, честности и рыцарствѣ текинцевъ, о совершенствѣ ихъ государственнаго устройства; нѣволью являлся страхъ, что покоривъ текинцевъ, мы разрушили что-то столь совершенное, что не суждемъ ничѣмъ лучшимъ замѣнить. Тѣ, которымъ пришлось остаться въ Закаспійскомъ краѣ и имѣть частыя сношенія съ текинцами, быстро разочаровались: недостатки и пороки ихъ такъ рѣзки и грубы, что никакія иллюзіи невозможны.

Приступая къ описанію путешествія, мнѣ необходимо сдѣлать двѣ оговорки.

Во первыхъ, ниже часто встрѣчаются соображенія о пригодности того или другаго направленія къ проложенію желѣзной дороги, хотя таковую, насколько извѣстно, вовсе не предполагается строить; въ Россіи едва-ли отъ кого можно услышать предложеніе о проведеніи въ настоящее время желѣзной дороги на юго-востокъ отъ Асхабада; даже вопросъ о продолженіи Закаспійской желѣзной дороги къ Гами и Асхабаду обсуждается главнымъ образомъ въ Англии. Важно было произвести изслѣдованіе теперь-же, пользуясь спокойнымъ состояніемъ степи, такъ какъ остановка въ ней мѣняется иногда совершенно неожиданно; изслѣдствія, изслѣдованія могутъ быть сопряжены съ большими трудностями, а между тѣмъ, если когда нибудь возникнетъ вопросъ о продолженіи Закаспійской дороги, то весьма важно будетъ знать впередъ лежащую мѣстность; всѣ соображенія о дорогѣ записаны отъ того, можетъ ли она быть введена въ связь съ другими линіями, или же останется навсегда отдѣльною вѣтвью.

Во вторыхъ, необходимо высказать степень достовѣрности сообщенныхъ мною свѣдѣній. Замѣчу при этомъ, что я передаю или то, что вижу и наблюдаю самъ, или же то, что узнаю изъ распросовъ; въ послѣднемъ случаѣ, всегда оговариваю это, такъ какъ при живости туркменъ и персовъ трудно ругаться за собранныя среди нихъ распросы свѣдѣнія, даже проверенныя изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ. Ошибки и неточности, замѣченныя мною въ описаніи прежнихъ путешествій, я исправляю въ моемъ трудѣ. Но нигдѣ, при изложеніи фактовъ, я не руководствуюсь политическими соображеніями. Обыченіе это взводитъ на меня Лондонское географическое общество. Читалъ переводы русскихъ статей о Средней Азіи на англійскій языкъ, нельзя было не обращать вниманія на то, что многіе факты переведены не вѣрно; конечно, это можно было приписать недостаточному знанію русскаго языка у лицъ переводившихъ статьи; труднее объяснить неточную передачу словъ

английских авторов, которая допущена в отчетъ о моемъ путешествіи (засѣданіе Лондонскаго географ. общества 15 (27) ноября 1882 г.). Хотя полковникъ Стюартъ въ запискахъ этого же общества рѣшительно заявляетъ: „Ханъ Дерезеза, находи невозможнымъ существованіе курдскаго или тюркскаго населенія въ этихъ пограничныхъ деревняхъ, убѣдилъ текинцевъ и другихъ туркменъ занять ихъ“ ¹⁾, что воплнѣ согласно съ моими словами о составѣ населенія; но желая доказать присутствіе въ Атекѣ персовъ, составитель отчета говоритъ: „полковникъ Стюартъ передаетъ, что населеніе Атека состоитъ изъ курдовъ, персовъ и туркменъ“ ²⁾. Въ дѣйствительности же факты таковы, какъ я ихъ передалъ ³⁾. Точно также неосновательно, что аліелинцы въ Кахва пришли изъ Афганистана; близъ Андкоя есть аліелинцы; но тѣ, которые населяютъ Кахва, пришли изъ Хивы, гдѣ и теперь еще есть туркмены этого племени. Фактъ этотъ извѣстенъ всѣмъ не только въ Атекѣ, но и въ Келатѣ и Дерезезѣ и его не могутъ не знать английскіе путешественники ⁴⁾, посѣщавшіе эти страны.

Эта вторая оговорка необходима, такъ какъ при отсутствіи разъясненій съ моей стороны, эти искаженія могли бы быть приняты за истину, а при изложеніи фактовъ подобныхъ недоразумѣній слѣдуетъ избѣгать.

По возвращеніи въ Асхабадъ, въ маѣ 1882 года, выяснилась необходимость продолжать изслѣдованіе мѣстности между Герирудомъ и Муръгъ-абомъ; о ней имѣлось слишкомъ мало свѣдѣній: была пройдена только одна дорога черезъ Хомбоу. Сопровождавшие меня аліелинцы и теке увѣрили, что это дорога лучшая изъ Серакса въ Кусанъ, напротивъ персы говорили, что болѣе восточный путь черезъ Акъ-робатъ, Гюржанъ и Каруанъ-Ашанъ несравненно лучше пройденнаго, но что, будучи близокъ къ поселеніямъ сарыковъ, оны очень опасены и что по этой причинѣ мои спутники скрываютъ его преимущества, боясь какъ бы я не заинтересовался имъ и не пожелалъ его осмотрѣть.

Продолжать путешествіе въ маѣ было совершенно невозможно;

¹⁾ Proceedings R. G. Society. 1881. № 9.

²⁾ Тамъ же. 1883. № 1.

³⁾ Тамъ же, см. стр. 41 и слѣд., помѣщены подробныя свѣдѣнія о населеніи Атека.

⁴⁾ Extracts from a diary of a tour in Khorassan, by Cap. Napier. Journal of the R. G. S. V. of. XLVI p. 91.

въ 35 дней мы прошли 1600 верстъ; люди жаловались на утомленіе; конечно, это препятствіе можно было устранить общаніемъ хорошей награды, но лошади дѣйствительно были не въ состояніи идти далѣе; по дорогѣ изъ Догару въ Зуръ-бадъ нѣкоторые изъ нихъ захромали и вообще всѣ были совершенно истощены: туркмены, вслѣдствіе своей жадности, даже при самыхъ трудныхъ переходахъ не кормятъ достаточно лошадей и потому оны ни въ какомъ случаѣ неспособны на путешествіе болѣе 20—30 дней. Пришлось отложить на время дальнѣйшія изслѣдованія.

Липн 3-го августа могъ я вновь выступить въ путь. Прикрытіе, состоявшее въ прежнюю поѣздку изъ 20 человекъ, я уменьшилъ до десяти. Теперь я уже зналъ страну, которую требовалось проѣхать, и для снаряженія не нуждался въ указаніяхъ мѣстныхъ жителей. Къ указаніямъ этимъ слѣдуетъ прибѣгать только въ крайности: туркмены никогда не говорятъ правды и всегда стараются обмануть человѣка, съ которымъ имѣють дѣло. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ старшина селенія Кахва, желая, чтобы я поболѣе нанялъ людей, старался меня убѣдить, что проѣхать даже по персидскому берегу изъ Серакса въ Кусанъ невозможно безъ прикрытія по крайней мѣрѣ во сто всадниковъ; впрочемъ, когда я заявилъ, что болѣе 20 ни въ какомъ случаѣ не возьму, то старшина согласился и на это. Въ дѣйствительности 10 человекъ совершенно достаточно прикрытіе; на разбои туркмены выходятъ партіями въ пять, десять человекъ; партія въ тридцать, сорокъ человекъ очень рѣдки; встрѣтить же болѣе 50 разбойниковъ вѣрнѣе — совершенно исключительный случай; при этомъ они вооружены очень плохо; если бы текинцамъ и началось нѣсколько берданокъ во время войны съ Россією, то у сарыковъ скорострѣльнаго оружія вовсе нѣтъ; въ виду этого 10 хорошо вооруженныхъ всадниковъ воплнѣ обезпечиваютъ безопасность движенія. Говорить нечего, что двигаться надобно весьма осторожно: если прикрытіе будетъ даже и въ 20 или въ 30 человекъ, а по ночамъ около лагеря не будетъ часовыхъ, то самая небольшая партія весьма легко можетъ перерѣзать снащихъ или по крайней мѣрѣ угнать лошадей.

Взятые мною 10 человекъ были всѣ текинцы. Кромѣ нихъ меня сопровождалъ переводчикъ и одинъ афганецъ Маммедъ-Аламъ въ качествѣ повара и конюха. Этотъ послѣдній уже нѣсколько лѣтъ служилъ при русскихъ и научился немного говорить по русски. Онъ былъ человекъ ловкій и расторопный, но слугѣ; уже въ Асхабадѣ оны не пропускалъ случая чѣмъ-либо воспользоваться при покуп-

кахъ. Какъ всякій афганецъ, онъ выдавалъ ржавчину на своей шапкѣ за кровь англичанъ и увбръзалъ, что отецъ его былъ приверженецъ Эюбъ-хана, и что поэтому онъ, Маммедъ-Адамъ, не можетъ вернуться въ Афганистанъ. Неизвѣстно почему, въ этой странѣ сложилось весьма странное мнѣніе. Хотя Эюбъ-ханъ никогда не имѣлъ никакихъ сношеній съ Россією и былъ врагомъ бывшаго русскаго гостя Абдурахманъ-хана, всякій афганецъ, желающій поступить на службу къ русскому или получить отъ него что-либо, считалъ вѣрнѣйшимъ способомъ для достижения своихъ цѣлей завязать, что онъ изъ приверженцевъ Эюбъ-хана и слѣдовательно (?) пострадалъ за Россію. Въ началѣ путешествія Маммедъ-Адамъ былъ очень полезенъ. Своимъ знаніемъ персидскаго и тюркскаго языковъ онъ много помогалъ при всѣхъ покупкахъ и, что было особенно важно, выучилъ ничего незнающихъ текинцевъ вѣзти лошадей такъ, чтобы вещи не падали во время дороги и не били бы спящихъ животнымъ.

Хотя главную цѣль путешествія и составляло дальнѣйшее изслѣдованіе мѣстности между Муръгъ-абомъ и Гери-рудомъ, но я не направился по прямой дорогѣ къ Сераксу черезъ Атекъ. Путь этотъ уже былъ вполнѣ извѣстенъ, не представлялъ для меня никакого интереса и потому я предпочелъ болѣе длинный путь черезъ Дерезезъ, Келатъ и Мешхедъ.

Дороги Дерезеза и Келата уже столько разъ описаны, что я не стану о нихъ распространяться. Гораздо интереснѣе водная система ханства въ связи съ орошеніемъ Атека. Сообщаемыя здѣсь подробности ¹⁾ послужатъ дополненіемъ къ свѣдѣніямъ объ этомъ краѣ, сообщеннымъ мною выше.

I.

Келатъ, Дерезезъ и Атекъ.

Всѣ рѣчки, орошающія поля атекскихъ поселеній, берутъ свое начало и частью протекаютъ по Дерезезскому и Келатскому ханствамъ. Вслѣдствіе этого туркмены разныхъ племенъ, населяющіе Атекъ, относительно своихъ посѣвовъ всегда были въ зависимости отъ персидскихъ пограничныхъ правителей. До покоренія Ахала рус-

¹⁾ Тутъ соединены данныя, собранныя какъ въ описываемую поѣздку, такъ и позже, въ ноябрѣ и декабрѣ того же 1882 года, во время втораго пребыванія моего въ Келатъ и Дерезезъ.

скими зависимость эта была весьма мало чувствительна: персамъ было выгодно образовать вдоль своей границы отъ текинскихъ нападѣній кордонъ, который не только не требовалъ никакихъ расходовъ, но еще вносилъ ханамъ $\frac{1}{10}$ часть сбора со всѣхъ своихъ посѣвовъ. Въ тѣ времена персы не осмѣливались, конечно, выходить изъ горныхъ проходовъ для какихъ либо работъ въ Атекѣ; но даже и въ горахъ они могли обрабатывать земли только вблизи своихъ укрѣпленныхъ поселеній. Мнѣніе о неприступности Келата вѣрно лишь относительно долины р. Чаръ между горными проходами (дербентами) Аргуанъ-шахъ и Нефтѣ; горы же остальной части ханства, такъ же какъ и Дерезеза, имѣютъ множество проходовъ и дорогъ вполнѣ удобныхъ для разбойничьихъ набѣговъ, которые и случались довольно часто.

Жители этихъ мѣстъ не рисковали разбрасываться и только подъ самыми стѣнами укрѣпленій обрабатывали небольшія поля, достаточныя для личной потребности ихъ и для уплаты податей ханамъ. Во всѣхъ рѣчкахъ оставалась неразобранная вода, въ количествѣ даже превышавшемъ потребности Атека. Если къ этому прибавить, что ханы нуждались въ союзѣ съ жителями, для борьбы съ ихъ же единоплеменниками Ахала и Мерва, то понятно, что атекамъ не приходилось часто жаловаться на недостатокъ воды. Когда же это случалось, то у властей Хорасана они находили весьма энергичную защиту отъ притѣсненій.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ между пограничными ханами и атеками господствовало полное согласіе: ханы совершенно не вмешивались въ дѣла поселеній по ривнибъ; жители же предупреждали персовъ о готовившихся на нихъ набѣгахъ и давали ханамъ $\frac{1}{10}$ часть жатвы. (Съ персидскихъ подданныхъ, кромѣ всѣхъ остальныхъ налоговъ, берется $\frac{1}{2}$ часть сбора). За пастбу своихъ небольшихъ стадъ постоянные жители ничего не платили; за стада же, пригоняемыя въ Атекъ изъ Мерва (въ годъ неурожая тамъ на травѣ) ханы взымали весьма значительную подать, доходившую до $\frac{1}{2}$ крапа (20 гол.) въ мѣсяцъ съ барана; уплата этихъ податей впрочемъ вовсе не означала, что Атекъ признается персидскою территорією, а деньги платились за то, чтобы ханы не нападали на текинскія поселенія и не угоняли бы ихъ стада.

Со взятіемъ Геокъ-тене все измѣнилось: нападенія текинцевъ на персовъ и обратно стали дѣломъ прошлаго, персы болѣе не нуждаются въ текинскомъ кордонѣ, а текинцамъ нѣтъ причинъ уплачивать подати ханамъ; по мусульманскимъ обычаямъ подать

за воду совершенно незаконна; вода есть достояніе всѣхъ; кто первый займетъ берега, она тому и принадлежитъ, при чемъ владѣлецъ верховенъ вовсе не есть владѣлецъ всей воды и не имѣетъ права увеличивать свои посѣвы, если отъ этого произойдетъ ущербъ жителямъ, раѣе занявшимъ низшія части рѣки. Брать деньги за воду можно было только при прежнихъ разбойничьихъ порядкахъ въ краѣ, постоянно угрожая поселенцамъ разграбленіемъ, въ случаѣ сопротивленія ихъ. Ханамъ Келата и Дерегеза это положеніе дѣлъ было очень выгодно и они всѣми силами стараются его подерживать.

Граница между обоими ханствами довольно неопредѣленная; принято, что поселенія по Рудбару подчинены Бегларь-беги ¹⁾ дерегезскому, а по Лану—хакиму ²⁾ велатекому. „Шамханы—Аллаяръ-хана, говорятъ жители, а Хеба-абадъ—Вехбудъ-хана“. Между этими двумя пунктами лежитъ не населенная полоса земли шириною около 20 верстъ; по ней гдѣ-то проходитъ граница двухъ ханствъ. Что касается до Атека, то съ той части его, которая орошалась водами Дурангара и Рудбара, бралъ десятину Аллаяръ-ханъ, а со всѣхъ поселеній далѣе на юго-востокъ (отъ Какка до Чача)—Вехбудъ-ханъ.

Рѣка Дурангаръ, оросивъ дерегезскую долину, выходитъ изъ персидскихъ владѣній у Кале-и-миръ. Здѣсь остатки ея круто поворачиваютъ на сѣверъ и снабжаютъ водою поселенія Гѣблакъ и Артакъ, въ вѣдѣніи изъ которыхъ въ настоящее время не болѣе десяти семействъ теке. Когда-то воды Дурангара шли еще далѣе на сѣверъ и, снабдивъ нѣсколько кале на равнинѣ, обводняли дорогу изъ Гауарса къ Теджуно (часть дороги изъ Мерва въ Ахаль, извѣстной подъ названіемъ Мамуръ-юль). По мѣрѣ большого развитія обработки Дерегеза, количественно воды, попадавшее на равнину, все уменьшалось и въ 1883 году даже Артыкъ терпѣлъ недостатокъ въ водѣ.

Изъ р. Козгонъ-су или Рудбаръ берется вода для орошенія всѣхъ остальныхъ селеній Атека Дерегезскаго отъ Лютфъ-абада и Кюрена на западъ до Ходжа-кала на востокъ. Рѣка эта выходитъ изъ предѣловъ Персіи нѣсколько выше туркменскаго поселенія Козгонъ и прежде разливалась по степи въ сѣверо-восточномъ направленіи; для орошенія вся рѣка повернута сначала на сѣверъ и потомъ на сѣверо-западъ по подножію холмовъ, окаймляющихъ Атекъ;

¹⁾ Титулъ хана Дерегезскаго.

²⁾ Хакимъ значитъ начальникъ или правитель.

только селеніе Махдумъ получаетъ воду изъ рѣки выше Козгона; остальные всѣ изъ новаго русла отдѣльными каналами, за исключеніемъ Кюрена, который пользуется третью воды Лютфъ-абадской канавы. Безполезной работы потрачено весьма много: селенія, лежащія рядомъ, ведутъ каждое свой каналъ на протяженіи семи, осьми верстъ, не смотря на сопряженный съ этимъ лишний трудъ и большую потерю воды на просачиваніе и испареніе въ двухъ, трехъ малыхъ каналахъ, нежели въ одномъ большомъ. Но другой порядокъ здѣсь былъ бы невозможенъ; даже среди жителей одного и того же племени у туркменъ идутъ постоянные споры и драки за воду и конечно нельзя ожидать правильнаго распредѣленія ея при смѣшанномъ населеніи Дерегезскаго Атека ¹⁾.

Козгонъ-су обыкновенно снабжалъ съ излішкомъ всѣ поселенія; въ этомъ году было особенно много воды и отнималась она у жителей Кюрена и Чукуръ-ақыда только чтобы мстить имъ за то, что они перестали платить подати. Бывають исключительные годы, когда въ юль и августъ не хватаетъ на всѣхъ воды, но и это легко устранить присмотромъ за каналами: какъ главный каналъ, такъ и разводная канавы всѣ содержатся очень небрежно и масса воды пропадаетъ въ разливахъ; не смотря на это весною и осенью ея всегда довольно, когда же въ лѣтние мѣсяцы ея не хватало, то при безпорядкѣ, царившемъ въ Атекѣ, жители не думали объ исправленіи каналовъ, а старались перехватить воду одно селеніе у другаго, разорали чужія плотины и портили чужіе арыки; драки изъ-за этого на главномъ каналѣ были весьма часты. Исправное содержаніе ирригациі становится особенно важнымъ въ настоящее время: въ нѣкоторыхъ кале населеніе возрастаетъ,—послѣ умиротворенія края вездѣ посѣвы увеличены, а между тѣмъ къ Козгону воды будетъ приходиться все менѣе, такъ какъ Аллаяръ-ханъ съ своей стороны увеличиваетъ посѣвы на части рѣчки, протекающей въ его владѣніяхъ. Выше сел. Зепгиналы (10 дв.) имѣтъ удоб-

¹⁾ Населеніе это слѣдующее: Лютфъ-абадъ (400 дворовъ) и Шивъ-лиъ (30 дворовъ) населены почти исключительно персами шивтами; по нѣскольку домовъ ихъ есть также въ Хасаръ (всего 45 дв.) и Мерсанъ (всего 30 дв.). Въ остальныхъ деревняхъ какъ Дерегезскаго, такъ и Келатскаго Атека персовъ нѣтъ; курдовъ нѣтъ ни въ одномъ поселеніи. Въ Чукуръ-ақыдъ до 50 дв. анузидовъ; въ Кюренѣ преимущественно афганцы, но есть нѣсколько домовъ теке. Хосрѣтъ, Маммедъ-оразъ, Кошукъ, Даргана и Ходжа-кала имѣютъ смѣшанное текинское населеніе. Племя Махдумъ занимаетъ 4 урбленія: именно Махдумъ (20 дв.) Кесаули (30 дв.) Козгонъ (60 дв.) и Риза-абадъ (10 дв.)

ных для обработки весьма мало; ниже этого пункта они встречаются; прежде здѣсь почти никто не занимался земледѣліем; теперь же около Зенгиналы и особенно Шамсхана расчищены большія поля под посѣвы риса. Воздѣлываніе его, требующее большого количества воды, обыкновенно встрѣчается тамъ, гдѣ она въ изобиліи, а никакъ не въ край, гдѣ ее хватаетъ на пропитаніе весьма ограниченного населенія. На сколько этотъ родъ культуры своеобразенъ мѣстности, видно изъ того, что кромѣ хановъ никто имъ не занимается; во всемъ Атекѣ нѣтъ ни одного рисоваго поля у жителей.

Теперешніе жители Келатскаго Атека начали селиться здѣсь лѣтъ десять, двѣнадцать тому назадъ, по соглашенію съ Бехбудь-ханомъ. Какъ было сказано племенемъ алеліи; въ Душакѣ и Ходжамедѣ поселились теке-тохтамышъ, въ Меана и Чача—отамышъ. Этотъ народъ существуетъ и по настоящее время; приходящіе изъ Мерва теке селятся каждый при своемъ племеніи и весьма рѣдкимъ исключеніемъ является тохтамышъ въ Меана или Чача и наоборотъ отамышъ въ Душакѣ или Ходжамедѣ. По существующему обычаю, текинцы не имѣютъ права отказать пришельцу въ водѣ, пока ей довольно; при увеличеніи поселенія участки каждаго уменьшаются, пока обработанное поле хватаетъ на семью; затѣмъ самъ собою копчатся наплывъ новыхъ поселенцевъ. На участки всѣ имѣютъ одинаковыя права и раздача ихъ производится по жребію. На каждый участокъ кладется палочка съ мѣткою; палочки съ такими же мѣтками разыгрываются и всякій получаетъ мѣсто, которое ему укажетъ судьба.

Интересна бывшія отношенія поселенцевъ къ текинцамъ Мерва и Ахала. Эти послѣдніе грабили всѣ поселенія по Атеку, кромѣ занимаемыхъ священными племенами махдумъ и ходжа; текинцевъ въ плѣнь не брали, у нихъ угоняли лишь скотъ и лошадей, и то скрытно. На алелінцевъ и другихъ туркменъ нападали открыто; но взавши въ плѣнь кого-либо изъ нихъ, не продавали въ Хиву или Бухару, какъ дѣлали съ персами-шитами, а держали у себя работниками, пока родственники не выкупятъ плѣннаго.

Алелінцы, живущіе въ Какха, явились въ Атекъ изъ Хивы по вѣзтіи ея русскими войсками; первоначально они поселились въ Коунушъ и Абивердѣ и платили подати Алдляръ-хану. Въслѣдствіи они переселились въ Какха и для поливки своихъ полей провели сюда р. Лантъ, прежде орошавшую ихъ же поля у Абиверда, и рѣку Арчинганъ.

Рѣка Лантъ въ верхнихъ частяхъ своихъ протекаетъ между горъ, гдѣ мало мѣсть удобныхъ для обработки и она производится безъ поливки, какъ это вообще дѣлается въ высокихъ частяхъ Келата¹⁾; только верста за 20 ниже Хеба-абада земледѣіе возможно въ значительныхъ размѣрахъ; прежде приходили сюда для этого лишь курды, живущіе въ верховьяхъ наибольшими поселеніями, по три—четыре семейства, по ихъ было немного, посѣвы невелики и требовали самаго незначительнаго количества воды, которая почти вся шла къ Какха. Теперь-же правитель Келата нагналъ жителей изъ поселеній по Арчингану, которые повернувъ отъ дербента того же имени къ Науреку, по новому руслу сдѣлали большіе посѣвы и въ Какха изъ Арчингана въ настоящее время ничего не приходитъ.

На востокъ отъ Арчингана находятся два небольшіе ручья: 1) Наурекъ, дающій воду для посѣвовъ лишь на нѣсколько семействъ, родникъ въ Атекѣ, вѣт персидскихъ предѣловъ и 2) Дехче-су, когда-то снабжавшій брошенныя нынѣ поселенія Ходжамедъ и Сермечитъ; родникъ заброшенъ и большую часть года въ его руслѣ нѣтъ воды.

Тохтамышское поселеніе Душакъ снабжается водою изъ р. Душакъ или Чарда, одной изъ самыхъ большихъ на северномъ склонѣ горъ Хазаръ-меджидъ. Рѣчка беретъ начало на южномъ склонѣ Келатскихъ горъ и орошаетъ посѣвы еще до входа въ Аргуванъ-шахъ-дербентъ; тутъ выходятъ изъ горъ родники, доставляющіе наибольшее количество воды рѣчкѣ, которая течетъ затѣмъ до Нафте-дербента въ весьма узкой долинѣ. Всѣ годныя здѣсь къ обработкѣ мѣста, вслѣдствіе полной безопасности этой части Келата, всегда были воздѣланы подъ рисъ, пшеницу, клеверъ и пр. Въ Ходжа-дербентѣ, при выходѣ въ Атекъ, Чарда еще дополняется весьма богатыми сѣрными родниками. По преданію, эти послѣдніе явились лишь около 150 лѣтъ тому назадъ; здѣсь въ горахъ, и теперь называемыхъ Дивана-кю, жилъ дивана (юродивый) Ходжа-джиганъ; въ Душакѣ тогда пили воду изъ колодезевъ; дивана, довольный благочестіемъ и доброю жителей, повелъ ихъ съ собою въ горы и, удаливъ посохою по камню, приказалъ водѣ течь въ Душаку; при этомъ, принявъ во вниманіе нечистоплотность жителей и ихъ стады, отъ которой тѣ и другія сильно страдаютъ честкою, дивана придалъ водѣ свойство излечивать эту болѣзнь (источники сѣрные). Святой этотъ не умеръ, а исчезъ въ обширной пещерѣ, изъ которой

¹⁾ Способъ земледѣія безъ орошенія називается *дамъ*.

вытекает главный родник; остальные меньшие текут из щелей въ скалахъ.

Въ прежшее время персы не осмѣливались выходить на равнину и потому ниже воротъ Нефте посѣвовъ было весьма мало и лишь въ части ближайшей въ казармѣ, защищающей ворота. Въ прошломъ году персы расчистили и воздѣлали почти всё удобныя мѣста между дербентами Нефте и Ходжа (расстояние около 6 верстѣ) и даже сдѣлали посѣвы по косогорамъ окаймляющимъ Атекъ¹⁾.

До настоящаго времени по рѣкѣ Меана въ периодскихъ предѣлахъ было три поселенія: небольшое поселеніе въ горахъ Серь-и-рудъ, ниже Инги-кала и Кара-тыянь, при выходѣ рѣки въ Атекъ. У укрѣпленія Инги-кала долина расширяется и тутъ жители ея и Серь-и-руда занимаются обработкою земли; почти на всемъ протяжении отсюда до Кара-тыяна (около 100 домовъ) рѣчка идетъ среди высокихъ скалъ и только у послѣдняго пункта долина снова расширяется. И здѣсь въ этомъ году персы вышли изъ дербента и заняли мѣста по косогорамъ Атека. Текиское поселеніе Меана имѣло въ 1882 году около 130 домовъ постоянныхъ жителей и 300 саллахъ-дехановъ. Рѣчка Хевръ или Чача-су беретъ свое начало въ самомъ массивѣ горъ Хазаръ-мезджидъ. Первое поселеніе Хевръ (около 300 дворовъ) въ горахъ; земель здѣсь мало, воды жители не брали и небольшіе участки свои обрабатывали безъ орошенія. Ниже—Эмиръ-абадъ (20—30 дв.), жители котораго и прежде занимались земледѣіемъ, но немного, такъ какъ вся мѣстность сильно подвержена разбоямъ. Всѣ родники, питающіе Хевръ, выше поселенія Эмиръ-абадъ. Долина рѣки почти на всемъ протяжении довольно широкая и если воздѣлать всё удобныя мѣста, то въ лѣтніе мѣсяцы воды можетъ не хватить даже для самой долины, не говоря объ Атекѣ. Еще и теперь большая часть долины не расчищена и рѣчка проходитъ по густымъ камышамъ; климатъ всей мѣстности очень плохой; вода, пройдя черезъ камыши и рисовыя поля, вредна для здоровья, жители Эмиръ-абада и Чача почти всё страдаютъ отъ весьма злокачественныхъ лихорадокъ, и потому жители Хевра, имѣющіе въ горахъ родники хорошей воды для питья, не хотятъ спускаться ниже; земли тутъ однако вообще мало плодородныя и желающихъ сесть здѣсь немного. Въ 1882 году

¹⁾ Въ 1882 г. въ Дуракъ было, кромѣ постоянныхъ жителей, до 200 человекъ пришедшихъ изъ Мерва безъ семействъ лишь на время посѣвовъ и уборки хлѣба. Такихъ земледѣльцевъ называютъ *саллахъ-деханами*.

правитель Келата Бехбудъ-ханъ силой согналъ жителей Хевра для посѣвовъ внизъ и они расчистили большія пространства главнымъ образомъ подъ рисъ. Жители Чача персидскаго (около 60 дв.) также увеличили свои посѣвы и даже воздѣлали земли ниже дербента на равнинѣ. Жители Чача текискаго (70 дв. постоянныхъ и столько же саллахъ-дехановъ) болѣе всѣхъ терпѣли въ 1882 году отъ недостатка воды.

Вообще положеніе атекцевъ очень тяжело; какъ бы справедливо къ нимъ и относились центральныя власти Персіи, полунезависимые пограничные владѣтели ничего не хотятъ знать и дѣлаютъ по своему. Пока туремени кое-какъ все переносятъ, но уже теперь приходятъ къ убѣжденію, что вѣроятно скоро имъ придется бросить свои поселенія и грозятъ жестоко отомстить за притѣсненія.

Изъ Асхабада я проѣхалъ въ Мешхедъ черезъ Кельте-чинаръ, Маммедъ-абадъ, Козгонъ, Кабудъ-Гювбетъ и черезъ горы Хазаръ-мезджидъ между деревнями Кардъ и Вардъ. Это лучшая дорога изъ Асхабада въ Мешхедъ; по ней происходитъ почти все торговое движеніе между названными пунктами. Хотя путь изъ Маммедъ-абада черезъ Атекъ и Гунарсъ ровнѣе и удобнѣе для колеснаго движенія, но для вьючнаго всё преимущественно на сторонѣ дороги по долинамъ рѣчекъ Кельте-чинаръ и Дурангаръ; оны кромоча очень обилень водою, поселеніями, а главное безопаснѣе; купцы же и теперь, гдѣ есть возможность, предпочитаютъ не довѣряться спокойному состоянію степи: всегда можетъ встрѣтиться шаика въ 2—3 человекъ, совершенно достаточная, чтобы отбить у перса всё его товары.

Перейдя изъ долины р. Кельте-чинаръ въ долину Дурангаръ черезъ невысокій (около 25 саж.) и легкой перевалъ, дорога у деревни Дурангаръ раздѣляется на двѣ: одна идетъ въ Кучанъ, другая въ Маммедъ-абадъ; эта послѣдняя весьма порядочно раздѣлана для вьючнаго движенія: вездѣ есть мостики, крутые косогоры срызаны; грунтъ весьма удобный для движенія и дорога эта одна изъ лучшихъ въ краѣ. Дорога изъ Маммедъ-абада переходитъ въ Мешхедъ черезъ перевалъ Алла-зюберъ; склонъ его, обращенный къ Дерезезу, уже теперь весьма порядочно раздѣланъ, хотя, впрочемъ, съ очень крутыми уклонами. Южный же склонъ гораздо хуже и составляетъ трудную часть пути. На немъ находится одинъ изъ

интереснѣйшихъ историческихъ памятниковъ въ этой мѣстности: это лѣстница (нурбанъ) Надиръ-шаха. Находась въ сторонѣ отъ дороги, лѣстница эта мало извѣстна и ни у одного изъ путешественниковъ мнѣ не случилось встрѣтить ея описанія. Я натолкнулся на нее случайно. Не далеко отъ вершины горы спускъ къ Мешхеду раздѣляется на два: направо идетъ болѣе удобная для вьюковъ и кратчайшая дорога къ деревнѣ Дербенди; но тропинка настолько узка, что колесное движеніе здѣсь невозможно. Поэтому, когда я, въ ноябрѣ 1881 г., проѣзжалъ изъ Мешхеда въ Маммедъ-абадъ, имѣя съ собою двѣ повозки съ вещами, то пришлось разсѣивать какой либо обходъ вьючной тропинки. Жители деревни Дербенди указали на Нурбанъ. Сначала изъ деревни мы шли нѣсколько времени на сѣверо-востокъ вдоль рѣки Рудбаръ, потомъ, повернувъ на сѣверъ, подошли къ подножію горъ, гдѣ и увидѣли въ скалѣ лѣстницу въ 1000 ступеней, вырубленныхъ по приказанію Надиръ-шаха, какъ гласила надпись на камнѣ около 400-ой ступени. Работа громадная; хотя скала выбрана довольно ровная, но все же пришлось сгладить не мало препятствій, кромѣ труда высѣчь ступени въ скалѣ; длина ихъ 5 аршинъ, ширина 1 арш. и высота около $\frac{1}{4}$ арш. Лѣстница, конечно, строилась какъ памятникъ величія Надиръ-шаха; о раздѣлѣхъ дороги никто не думалъ: отъ конца лѣстницы до вершины горъ остается около версты отвратительной дороги, заваленной камнями, улучшеніе которой и до сихъ поръ не сдѣлано, хотя оно не потребовало бы почти никакихъ работъ сравнительно съ трудомъ, потраченнымъ на сооруженіе нурбана.

Отъ деревни Теберникъ дорога проходитъ до Мешхеда по долинѣ Кара-су (Кешефъ-рудъ) по мѣстности совершенно ровной, съ удобнѣмъ для движенія грунтомъ.

Во время пребыванія моего въ Маммедъ-абадѣ я ѣздилъ по Дерезезу и разспрашивалъ весьма многихъ, не сохранились ли здѣсь какія нибудь преданія о бившемъ въ этихъ мѣстахъ христіанствѣ: никто ничего не могъ сообщить. Вообще историческія воспоминанія между жителями этой части Азіи не восходятъ далѣе Надиръ-шаха и то весьма смутны и сбивчивы. Мнѣніе полковника Стюарта о сохранившихся здѣсь слѣдахъ христіанства есть результатъ грамматической ошибки: полковникъ принялъ особую форму родительнаго падежа турецкаго языка *каласи* (кала—крѣпость) за слово *келаса*, означющее церковь и на этомъ основаніи считалъ развалины персидскихъ укрѣпленій за остатки христіан-

скихъ церквей; также и названія текинскихъ крѣпостей Ходжа-каласи, Кара-ханъ-каласи объясняются какъ происшедшія отъ бывшихъ здѣсь христіанскихъ церквей. Само собою понятно, что правильный переводъ будетъ не церковь Ходжи или Кара-хана, а укрѣпленіе Ходжи или Кара-хана ¹⁾.

Нельзя не упомянуть здѣсь объ искусственомъ холмѣ Яримъ-тепе, находящемся въ 2 верстахъ отъ Маммедъ-абада. По преданію онъ насыпанъ по приказанію Надиръ-шаха; каждый изъ солдатъ оттуда по шапкѣ земли; но большинство сплутало: кто не принесъ вовсе, кто принесъ половину и вышелъ холмъ вдвоеменьшихъ размѣровъ, чѣмъ предполагали. Отсюда и произошло названіе Яримъ-тепе (Яримъ—половина). Матеріалъ, изъ котораго сдѣланъ холмъ, заключаетъ много селитры; она тѣперъ и добывается изъ него для приготовленія пороха.

Дорога изъ Маммедъ-абада въ Келатъ черезъ Козгонъ и Хебаабадъ проходить по холмистой мѣстности; тропа вьючная, но трудностей при движеніи не встрѣчается. Вообще, какъ Дерезезъ, такъ и Келатъ состоятъ изъ нѣсколькихъ почти параллельныхъ хребтовъ, идущихъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Поперечныя возвышенности, соединяющія хребты между собою, не высоки и потому дороги какъ по Келату, такъ и по Дерезезу вообще довольно удобны при перевѣздахъ изъ пункта въ пунктъ параллельно горамъ, но становятся крайне трудными, если ѣхать поперекъ страны, тѣмъ болѣе, что онѣ нигдѣ не раздѣланы и въ горахъ лѣзятся узкими тропинками на краю пропастей и никто не позаботится расчистить дорогу даже въ самыхъ труднѣйшихъ мѣстахъ. Переналъ изъ Келата въ Мешхедъ черезъ Хэзаръ-месджидъ между селеніями Кардъ и Вардо, хуже Алла-экберскаго и движеніе по этой дорогѣ весьма незначительное.

Въ Мешхедѣ все болѣе и болѣе привыкаютъ къ русскимъ; чаще встрѣчаются по улицамъ наши кавказскіе купцы, на базарѣ наши товары; пройдетъ два, три года и святой городъ потеряетъ, вѣроятно, большую часть своей замкнутости.

¹⁾ Объ этой ошибкѣ говоритъ Роулинсонъ: Proceedings of the R. Geogr. Soc. 1888. № 1.

II.

Мешхедь.—Зурь-абадъ.—Южная Туркменія.

Изъ Мешхеда я направился на восток по р. Кара-су до деревни Бахбаги. Здѣсь я былъ въ ноябрѣ 1881 года; самли поселенія, конечно, мало измѣнились; одно было ново: близъ каждаго изъ нихъ были расположены персидскіе солдаты. Мои текинцы, смѣясь, объяснили, что въ Персіи всегда такъ: войска располагаются тамъ, гдѣ безопасно; теперь край умиротворенъ и хорасанскій вали (намѣстникъ) размѣстилъ солдатъ вдоль рѣки для сбора съ жителей усиленныхъ податей.

Обитатели Бахбаги съ осени 1881 года почти не поправились: деревня такъ же бѣдна какъ и прежде; съ трудомъ удалось достать курицу и немного корма для лошадей. Въ деревнѣ оказался одинъ плѣнный, который воспользовался нашимъ пробѣгомъ, чтобы освободиться. Утромъ, выступивши изъ Бахбаги, въ полуверстѣ отъ укрѣпленія я увидѣлъ всадника, который прикладомъ ружья билъ какого-то человѣка; несчастный бросился подъ ноги моей лошади и сталъ просить защиты. Это былъ сарыкъ, попавшій въ плѣнъ 8 лѣтъ тому назадъ; сначала онъ работалъ въ Мервѣ, потомъ перешелъ вмѣстѣ со своимъ хозяиномъ въ Бахбаги; «теперь пришли русскіе, говорили сарыкъ, и я свободенъ; русскіе всездъ освободили рабовъ». Мое положеніе было крайне трудное: до настоящаго времени въ Мервѣ много рабовъ персовъ, а въ Персіи туркменей; обѣихъ не происходитъ и уже, конечно, я не имѣлъ никакого права освободить кого бы то ни было. Но съ другой стороны нельзя было не помочь плѣнному; попытка бѣжать могла ему стоить жизни или, по крайней мѣрѣ, истязаній; приходилось его взять съ собою; надо было только обдумать, какъ оформить дѣло. Помогъ самъ хозяинъ: для него также было аксіомою, что если русскіе пришли, то рабы свободны, и онъ сталъ утѣрять, что сарыкъ вовсе не рабъ, а рабочій и заслужилъ побой лишь тѣмъ, что хотѣлъ уйти безъ спроса. Конечно, за это бить человѣка нечего и, послѣ нѣсколькихъ минутъ переговоровъ, сарыкъ получилъ разрѣшеніе отъ своего хозяина идти за нами. Радость освобожденнаго не знала предѣловъ: снявъ башмаки, онъ весело бѣжалъ, не чувствуя усталости и не отставая отъ лошадей, все время разговаривалъ, смѣялся и старался быть чѣмъ нибудь полезнымъ. Вирочемъ, при приближеніи къ Зурь-абаду онъ сталъ тревожнѣе; тутъ

были расположены персидскія войска и сарыкъ боялся, какъ бы мои текинцы, при враждѣ, существующей между обоими племенами, не выдали бы его персамъ; верстахъ въ 10 отъ Зурь-абада онъ исчезъ и болѣе я его не видѣлъ.

Дорога изъ Бахбаги шла прямо на юго-востокъ; она обходитъ съ юга горный хребтъ Пескемеръ, находящійся въ углу между Герирудомъ и Кара-су; на всемъ протяженіи отъ Мешхеда до самаго Зурь-абада дорога колесная даже въ теперешнемъ состояніи; есть лишь два или три мѣста, гдѣ потребуются небольшія исправленія и то въ мягкомъ грунтѣ. На 12 верстѣ отъ Бахбаги отдѣляется дорога черезъ горы Пескемеръ въ Пуль-и-хатунъ. Между Бахбаги и Зурь-абадомъ одинъ переходъ; вода есть въ двухъ мѣстахъ: 1) въ 4 часахъ ѣзды отъ перваго пункта — ручеекъ, въ весеннее время выдающій въ Кара-су между Акъ-дербентомъ и Бахбаги и 2) въ 3 часахъ ѣзды отъ Зурь-абада ручеекъ, теряющійся въ оврагѣ. Оба совершенно прѣсны. Зурь-абадъ названъ персидское; туркмены его зовутъ Зереве. Послѣ умиротворенія края и поселенія здѣсь салтровъ, персы возобновили часть старой крѣпости, построили въ ней казармы, базаръ и поставили 200 солдатъ и одну пушку. Командантъ укрѣпленія, одинъ изъ многочисленныхъ въ Персіи шахъ-заде (принцы крови, родственники шаха), человѣкъ любезный, но очень безтолковый. Онъ хотѣлъ меня задержать на нѣсколько дней и послать спросить въ Мешхедъ, можно ли мнѣ ѣхать далѣе. Дѣйствовалъ онъ на основаніи бумаги отъ властей Хорасана; но въ бумагѣ было ясно сказано задерживать людей, желающихъ проникнуть съ восточнаго берега Герируда въ Персію и не желающихъ выѣхать изъ ея предѣловъ. Съ трудомъ вынесли я это шахъ-заде; но все же онъ согласился меня отпустить только съ условіемъ, что я съ его провожатымъ пройду въ Серахъ и пусть уже тамъ командантъ поступитъ какъ хочетъ. Эти задержки были крайне нехотаны, Зурь-абадъ не представлялъ ничего привлекательнаго: салтры утѣрали въ своей преданности, жаловались на персовъ, просили о заступничествѣ и принятіи въ русское подданство; я, конечно, не считалъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ мѣстныя дѣла и желалъ только поскорѣе уѣхать. Съ другой стороны существенное условіе для безопаснаго движенія по степи — это держать въ тайнѣ свой маршрутъ; при этомъ встрѣча съ разбойниками можетъ быть только случайная и неопасная; на разбой туркмены собираются не въ одинъ день, для приготовленій нужно время. Если бы я остался въ Зереве 3—4 дня, вѣсти о моемъ

движеніи дошли бы до сарыковъ и сварженіе шайки намъ на встрѣчу было весьма возможно. Надо было принять рѣшительныя мѣры. Затѣмъ, что шахъ-заде самъ сомнѣвается въ справедливости своихъ требованій, я согласился на предложеніе принять отъ него провожатата до Серакса, но заявилъ, что пойду по восточному берегу Гери-руда; затѣмъ принялъ обиженный видъ, откасался отъ угощенія и, садясь на лошади, объявилъ окружающимъ мени салырамъ, выразившимъ свое неудовольствіе на образъ дѣйствій хана, что подобныя дѣла разбираются не въ Зуръ-абадѣ, а въ Тегеранѣ. Ханъ это слышалъ и угроза подѣйствовала.

Выйдя изъ крѣпости, мы перешли въ поселеніе салыровъ, расположенное въ полуверстѣ влѣвѣ. Здѣсь я объявилъ своимъ спутникамъ мои намѣренія: кунить все необходимое для людей и лошадей на 7 дней и немедленно перейти на туркменскій берегъ въ сопровожденіи халскаго человѣка, которому и объяснить, что для поѣздки въ Серахсъ я выбираю путь черезъ земли сарыковъ; если переезду угодно будетъ меня сопровождать, я очень радъ и даже готовъ назначить ему жалованье за указаніе дороги; если нѣтъ, ему предоставляется вернуться въ Зуръ-абадъ. Я не сомнѣвался въ рѣшеніи перса: страхъ сарыковъ навѣрно превесилъ бы желаніе получить деньги. Черезъ два часа сварженіе было окончено; хлѣбъ и ячмень у всѣхъ въ мѣшкахъ. Салыры всѣми силами старались услужить: при неподвижности туремени можно считать за подвижъ и за лучшее доказательство расположенія то, что хлѣбъ намъ приготовили въ теченіи двухъ часовъ. Послѣ этого я послалъ просить шахъ-заде поскорѣе прислать назначеннаго человѣка и получить отвѣтъ, что онъ нагонитъ меня по дорогѣ. Мы выступили, направляясь къ Гери-руду и никто насъ не напалъ. Только впоследствии у салыровъ близъ Пуль-и-Хатуна я узналъ, что произошло далѣе: не желая меня раздражать, шахъ-заде пустилъ насъ ѣхать куда хотимъ; съ другой стороны, не смотря на всѣ разъясненія, онъ все еще боялся ответственности передъ хорасанскими властями и черезъ два часа послѣ моего отъѣзда собралъ конныхъ салыровъ и приказалъ имъ меня нагнать и вернуть, зная хорошо, что это не будетъ сдѣлано. Салыры не сбились и когда собрались, то, зная куда я поѣхалъ, сами отъправились по другой дорогѣ и донесли, что меня не могли найти.

Зереве находится въ 12 верстахъ отъ р. Гери-руда; дорога ровная, посредию ручей и далѣе рукавъ рѣки. Въ самомъ руслѣ Гери-руда теченія не было, только кое-гдѣ сохранились плесы воды,

мѣстами почти рѣшеной, мѣстами настолько солоноватой, что лошади неохотно пили ее. Ложе водъ состоитъ изъ крупнаго булыжника и, по увѣренію жителей, когда проходятъ высокія воды, то теченіе продолжается, но лишь подземное, и обнаруживается только въ глубокихъ мѣстахъ русла; во всякомъ случаѣ подземный притокъ существуетъ, иначе нельзя объяснить мелкіе плесы, не пересыхающіе всю осень; вода такой глубины даже на глинистой почвѣ высохла бы въ два, три дня. Теченіе прекращается къ концу іюля или въ началѣ августа нѣсколько сѣвернѣе Кифиръ-кале и затѣмъ возобновляется только отъ Пуль-и-хатуна, гдѣ въ Гери-рудъ впадаетъ рѣка Кара-су, и особенно усиливается около Наурузъ-абада отъ выходящихъ изъ дна богатыхъ родниковъ; здѣсь воды такъ много, что она всегда проводилась каналами къ поселеніямъ салыровъ у Старога Серакса и снабженіе ихъ было непрерывное въ теченіи цѣлаго года. Вода снова появляется во всей рѣкѣ въ полурѣ или въ декабрѣ; далѣе же на сѣверъ къ Кари-бенду она проходить иногда также въ декабрѣ, а иногда въ январѣ и даже въ февралѣ. На югъ отъ Пуль-и-хатуна по берегамъ русла водъ есть родники; плесы, въ которыхъ льдомъ сохраняется вода, настолько часты, что путь вдоль Гери-руда во всякое время года можетъ считаться очень богатымъ водою; но кое-гдѣ препятствуютъ двигаться вдоль рѣки горы, близко подходящія къ самой водѣ. Осенью водъ можно пройти самымъ русломъ; въ высокую же воду не то: отъ Серакса до Пуль-и-хатуна дорога хорошая по обимъ берегамъ, отъ этого послѣдняго пункта на югъ надобно идти по западному берегу черезъ горы Пескемеръ до Зуръ-абада по очень трудной дорогѣ, а по туркменскому можно обойти по ровному мѣсту съ востока горы Келегъ-кол, тянущейся обрывами по самому берегу рѣки отъ Гирмъ-абъ-дербента до Зюлфагарскаго ущелья. Затѣмъ снова оба берега удобны для движенія. Во второй разъ горы подходятъ къ рѣкѣ въ 20 верстахъ къ сѣверу отъ впаденія р. Джамъ и тутъ движеніе вдоль рѣки совершенно невозможно.

Дорога изъ Зуръ-абада на югъ выходитъ по ровной мѣстности къ Гери-руду противъ Зюлфагарскаго ущелья, тутъ переходить на тектинскій берегъ и въ 10 верстахъ далѣе оставляетъ рѣку вправо; затѣмъ по оврагу соленого ручья углубляется внутрь страны и черезъ 2½ часа пути доходитъ до вытекающаго изъ кѣрза ручья Къризь-Илиасъ; по дорогѣ есть нѣсколько вѣрныхъ родниковъ, впадающихъ въ соленый ручей главнаго оврага, а въ сторонѣ отъ дороги есть колодцы; вообще чѣмъ ближе къ Гери-руду тѣмъ чаще вода.

У Керизь-Илиаса видны слѣды бывшихъ здѣсь когда-то полей, развалины башни и небольшого укрѣпленія; здѣсь пересѣкается одна изъ дорогъ изъ Кусана и Мосанъ-абада въ Серахъ съ дорогою изъ Зерева въ Кизиль-булакъ и Гурланъ; по обѣимъ въ прежнее время должно было происходить оживленное движеніе: вездѣ видны развалины башенъ и укрѣпленій. Въ 5 верстахъ отъ Керизь-Илиаса на востокъ недалеко отъ дороги два прѣсные колодца и небольшой родникъ Дынгли-чишме. Въ 10 верстахъ отъ Керизь-Илиаса мы вышли на пройденную въ апрѣлѣ дорожку къ роднику Кизиль-булакъ.

Не смотря на осеннее время, родникъ былъ довольно обилень, но вода застаивалась въ камышахъ и пришлось долго расчищать болото, чтобы спустить загнившую воду. Родники и колодца здѣсь никто не чиститъ и потому послѣ жаркаго лѣта вода въ нихъ имѣетъ затхлый и горьковатый вкусъ; проводники говорятъ—вода соленая; дѣйствительно соленыхъ родниковъ и колодцевъ немного; остальные требуютъ только расчистки.

Главное зло загнившихъ родниковъ—масса пивовъ (въ рѣчкахъ на равнинѣ и въ колодцахъ ихъ не бываетъ); онѣ при водолюбъ забиваются въ ротъ лошадакъ и присасываются очень глубоко въ горло и только послѣ длинныхъ безводныхъ переходовъ, когда горло пересохнетъ, спускаются поближе къ железамъ, откуда ихъ можно вынимать. У нѣкоторыхъ лошадей только на десятый день по выходѣ изъ горъ были вынуты послѣднія пивовы.

Въ путешествіи это большое зло: лошади становятся скучными, неохотно ѣдятъ и топаютъ. Случается, что отъ пивовъ страдаютъ и люди. При всемъ этомъ текинцы никогда не чистятъ родниковъ и не заботятся о предохраненіи себя отъ бѣды. Когда я сталъ рассказывать своимъ спутникамъ сколько труда при походѣ по Атреку стоило избавить неосторожныхъ солдатъ отъ забравшихся къ нимъ въ горло пивовъ, отвѣтъ былъ: „да отъ этого умерло не мало текинцевъ“, и затѣмъ только одинъ послѣдовалъ моему примѣру и пропустилъ воду для питья черезъ платокъ; остальные становились на колѣна и прямо тянули ее ртомъ изъ болота.

По остаткамъ костровъ и слѣдамъ, текинцы опредѣляли, что у родника прошлую ночь были вездники, мѣсто лагеря которыхъ означали дучи скорлупы фисташковыхъ орѣховъ. Одно изъ удобствъ этой мѣстности для разбоевъ, это возможность осенью вездѣ найти хотя какую нибудь пищу, отъ голода человекъ не умретъ; разбойники не могутъ взять съ собою въ дорогу много хлѣба и дополняютъ

недостатокъ его фисташками, собранными съ деревьевъ, которыя здѣсь по холмамъ въ изобиліи.

Изъ Кизиль-булака въ Хомбоу (36 верстѣ) дорога уже описана⁴⁾. Выше робота на берегу Шоръ-лаба, по слѣдамъ животныхъ къ водоюймъ, мы нашли еще нѣсколько прѣсныхъ родниковъ; теперь они всѣ впадаютъ въ соленый ручей; очевидно, прежде ихъ отдѣляли и они-то служили для слабѣяшаго робота.

На сколько можно судить по времени, проведенному мною здѣсь (одна недѣля въ апрѣлѣ и одна недѣля въ августѣ), мнѣше текинцевъ, что въ этой мѣстности не бываетъ хорошей погоды, вѣрно; хотя на равнинѣ было вполнѣ спокойно, здѣсь на югъ отъ Пульи-хатуна насъ преслѣдовали сильнѣйшіе сѣверные вѣтры, дувшіе на склонахъ горъ Борхутъ съ силою шторма. Часто набѣгали облака и на сѣверномъ склонѣ при нашемъ походѣ оба раза шелъ дождь, впрочемъ очень мелкій, едва смачивавшій дорожку. На южномъ склонѣ горъ, вѣтры по мѣрѣ удаленія отъ нихъ становятся все слабѣе и на полъ-дорогѣ до Кусана уже вовсе неуловимы. Въ Персіи мнѣ объяснили, что страна, соседняя съ пройденною мною частью южной Турмении и имѣющая одинаковый съ нею климатъ, получила самое названіе *Бадхизъ*, именно отъ этого состоянія атмосферы: бадъ значитъ вѣтеръ; хастенъ (корень кызы) подниматься, вставать. Текинцы произносятъ это названіе нѣсколько иначе; у нихъ нѣтъ никакихъ письменныхъ памятникочъ и потому всѣ названія съ теченіемъ времени измѣняются; особенно испужены собственныя имена, взятая съ другихъ языковъ: такъ и Бадхизъ у нихъ обратился въ Бай-кызъ (богатая дѣвушка); въ своихъ письмахъ мухамъ и теперь пишутъ Мервъ, а нѣчто изъ текинцевъ ее называетъ оазиса—иначе какъ Маръ; также персы говорятъ Кизиль-робатъ, текинцы Кизиль-арватъ; прежде Пянджъ-де называютъ Пенде; Чемешъ-и-бидъ произносятъ Джевеневейдъ и т. д.

Текинцы и персы, съ которыми мнѣ приходилось говорить, называютъ горы между Хомбоу и Гери-рудомъ—Борхутъ, производя это имя отъ имени святаго дивана Борхутъ, жившаго здѣсь когда-то очень давно. Какъ и обо всемъ относящемся къ сколько нибудь отдаленному времени, текинцы знаютъ объ этомъ свитомъ очень мало: они не могутъ даже приблизительно опредѣлить времени когда онъ жилъ и чѣмъ замѣчательнъ; знаютъ только, что это былъ свитой человекъ, съ людьми онъ не знался; питался фисташками и

⁴⁾ См. выше.

молоком диких коз; животные его не боялись и не бѣгали отъ него. Вотъ все, что о святомъ Борхутѣ знали текинскіе муллы; персякъ обь немъ вовсе ничего не знаютъ, назваше же звали у текинцевъ.

Переночевавъ въ Хомбоу, мы спустились на равнину къ Кусанской дорогѣ; потомъ, повернувъ на юго-востокъ, пошли вдоль горъ Борхутъ до пересѣченія съ горянской дорогой и отсюда стали подниматься на перевалъ. Персы были вполнѣ правы, говоря, что дорога на Каруанъ-Ашанъ (что значитъ караванный проходъ) лучше идущей черезъ Хомбоу. Подъемъ съ юга и спускъ на сѣверную сторону почти нигдѣ не круче 0,02; перевалъ на 300 футъ ниже, чѣмъ у Хомбоу; горъ собственно нѣтъ нигдѣ; все бугры; Паропамизъ отдѣляется отъ Борхута пониженіемъ, по которому весьма легко проложить желѣзную дорогу, тѣмъ болѣе, что предгорія съ обѣихъ сторонъ дѣлаютъ всю мѣстность кругомъ болѣе возвышенною и слѣдовательно къ перевалу легко подойти; спускъ отъ Каруанъ-ашана къ Шебешу очень удобенъ, приходится пройти только черезъ невысокіе отроги (баиры) Паропамиза; къ Кусану же совершенно пологій. Родники есть съ обѣихъ сторонъ перевала; особенно обилень ручей, текущій на сѣверъ; онъ прекращается два раза, течетъ подъ гравіемъ и снова выступаетъ на поверхность, обогащается новыми родниками и выходитъ на равнину. У Каруанъ-ашана былъ прежде пограничный афганскій караулъ; сохранились еще башни.

Въ Каруанъ-ашанѣ дорога изъ Мерва на югъ раздѣлялась на три: 1) въ Гератъ, 2) въ Шекванъ и Горьянъ и 3) въ Кусанъ. Судя по развалинамъ поселеній и робатовъ, слѣдуетъ думать, что движеніе здѣсь было очень оживленное. Между Хомбоу и Каруанъ-ашаномъ есть еще нѣсколько проходовъ, которые, по словамъ туркменъ, хуже этого послѣдняго; ихъ весьма полезно осмотрѣть: неосторожно полагаться на мнѣніе текинцевъ о преимуществахъ того или другаго пути.

Въ 5 верстахъ отъ вершины перевала, уже въ долинѣ, мы прошли мимо развалинъ укрѣпленія; здѣсь брошенный кѣризь, сохранились слѣды полей; теперь сарыки и мервцы сдѣлали это мѣсто совершенно необитаемымъ; караваны не ходятъ и караула болѣе нѣтъ. Нѣсколько далѣе лежатъ развалины большого робата и видны слѣды обширнаго кладбища. Вода проводилась впрямую изъ описаннаго ручья по канавѣ и отсюда кѣризомъ къ робату. Въ 1 часъ дня мы пришли въ Гюрлянъ (20½ в. отъ вершины перевала и 61 в. отъ Шебеша). Здѣсь изъ окрестныхъ бугровъ и кѣрза вытекаетъ очень

богатый ручей; видны развалины калы и мельница, вообще слѣды большого поселенія; широкая эдипитическая долина была очень удобна для обработки; теперь ручей разлился, все мѣсто покрыто камышами. Послѣ остановки на 20 минутъ, чтобы напоить лошадей, мы продолжали путь въ Кѣризь-суме (34 версты отъ Гюрлана), куда и прибыли къ 7 часамъ вечера по совершенно ровной дорогѣ, идущей почти прямо на сѣверъ. Дорога идетъ по широкой долинѣ; русло протекающаго здѣсь ручья въ августѣ было почти сухое и по сторонамъ покрыто налетомъ соли; вода въ сохранившихся лужахъ совершенно соленая. Близъ Кѣризь-суме слѣдовъ поселеній не видно; у дороги вырыты 3 колодца; вода на глубинѣ двухъ аршинъ имѣется только въ одномъ изъ нихъ, остальные засорены. Къ водѣ сдѣланъ пологій спускъ; она совершенно прѣсная, но затхлая отъ застою. Корма кругомъ мало. Отсюда идетъ дорога въ Ахтари и Кизиль-коя къ Чемець-и-биду (по текински Джевеневайдъ) на Кущкѣ.

Въ 12 верстахъ отъ Кѣризь-суме развалины кирпичнаго караванъ-сарая Акъ-робатъ; при немъ нѣсколько колодезь съ прѣсною, но затхлою водою на глубинѣ 6 аршинъ. Корма мало.

Пунтъ этотъ очень важный; въ немъ сходятся дороги изъ Пенде, Мерва, Зуръ-абада, Герата и Кусана. Путь изъ Кѣризь-суме почти все время ровный, лишь на небольшомъ протяженіи пролегаетъ по пологимъ, невысокимъ глинянымъ буграмъ.

Приближаясь къ Акъ-робату, мы обратили въ бѣгство 4 чело-вѣкъ, подъѣзжавшихъ туда же со стороны Адамъ-ѣлянъ. Мы остановились у колодезь и одинъ изъ нашихъ людей, конечно соблю-дая при этомъ всѣ требованія предосторожности, похвѣлъ перегово-рить съ бѣгльцами, которые оказались мервцами; они просили позво-ленія явиться. Приняли, рассказали, что они калтаманы (разбой-ники), вышли изъ Мерва грабить сарыковъ; ѣдутъ не прямою до-рогой, а кружимъ путемъ на Шоръ-калу, Нязъ-абадъ, мимо Ста-раго Сарахса на Адамъ-ѣлянъ и затѣмъ чрезъ Акъ-робатъ къ Муръ-абу. На прямой дорогѣ всегда много отправившихся на грабенья къ Мерву сарыковъ; разбойники же обихъ племенъ предпочитаютъ не встрѣчать другъ друга и нападать на безоружныя случайныя жертвы. По словамъ текинцевъ, Пенде, это — единственное направле-ніе, куда мервцы еще дѣлаютъ набѣги, но судя по тому, что мнѣ говорили персы и что мнѣ самому пришлось впоследствии видѣть, это не правда: хоти рѣдко, но мервцы ходятъ и въ сторону персовъ и афганцевъ, прикрываясь при этомъ именемъ сарыковъ. Мы уѣхали, оставивъ разбойниковъ на колодцахъ.

Изъ Акъ-робата дорога къ Кунгрюэли (28 верстъ) идетъ по глинянымъ буграмъ; колесная дорога здѣсь не потребовала бы пивагихъ работъ, желѣзная—самыхъ незначительныхъ. На небольшомъ разстояніи на востокъ отъ дороги лежитъ соленое озеро Ерь-ойланъ—впадина глубиною до 20 саж.; дно покрыто солью, добываемою на западной половинѣ сарыками, на восточной мершцами; соль хорошаго качества, выламывается большими кусками; по восточную сторону озера идетъ дорога въ Копыч-куисы. Ерь-ойланъ значить провалъ земли; есть преданіе, что здѣсь когда-то была кривость, которая провалилась и на ея мѣстѣ явилось соленое озеро. На впадинахъ по дорогѣ во многихъ мѣстахъ бѣлый налетъ.

Въ Кунгрюэли, поджидал отставшихъ людей, мы расчистили одинъ колодезь; вода вовсе не соленая, а затхлая отъ застоя, какъ и слѣдовало предполагать: робата не построили бы у воды негодной для питья.

Перевалъ черезъ Каруанъ-ашанъ на столько лучше Хожбоу, что 8 верстъ отъ Кунгрюэли къ Акаръ-чипше, хотя не трудныя, но становятся худшимъ мѣстомъ на всей линіи; здѣсь дорога пересѣкается невысокой прядь, идущей отъ Зюлфагара, на востокъ; новосты встрѣчаются и на дорогѣ изъ Акъ-робата къ Ковны-куисы, хотя значительно меньшей высоты. Отъ Гюрэна до Пуль-и-хатуна вѣсною весьма много корма; теперь же его совсѣмъ не было; все выжжено. Текинцы говорятъ, что это происходитъ отъ неосторожности: закурить кальянъ, бросить огонь на траву, выгораютъ громадные пространства. Акаръ-чипше мы не узнали; камыши и трава кругомъ сгорѣли, родникъ засоренъ; вырытъ бассейны, въ которомъ стояла гниющая вода; вѣроятно, въ маѣ мѣсяцъ здѣсь пасли лошадей отряда Рухнудъ-дауле, такъ какъ по переднему берегу неосторожные солдаты еще при мнѣ выжили почти всю траву.

Изъ Акаръ-чипше по прежней дорогѣ прошли въ Адамъ-элянъ; здѣсь у колодца насъ догналъ одинъ изъ четырехъ калтамановъ, встрѣченныхъ въ Акъ-робатѣ; лошадь его захромала и онъ рѣшилъ вернуться съ нами; остальные три продолжали свою дорогу къ Пенде. Изъ Адамъ-эяна прошли по ровной дорогѣ къ развалинамъ моста Пуль-и-хатуны (30 верстъ). Стави здѣсь, мы послали за ячменемъ, а главное за мясомъ въ поселеніе салдровъ, расположенное въ 3—4 верстахъ отъ развалинъ. Въ 6 дней единственную пищу моихъ текинцевъ составляли хлѣбъ и фисташки; и же хлѣбъ, загнившій вслѣдствіе жары на третій день, замѣнялъ варенымъ рисомъ; запасъ мяса лѣтомъ дѣлать нельзя, куръ же въ Зуръ-абадѣ мы

не нашли. Выступая, мы надѣялись на охоту, но текинцы плохія стрѣлки: мы встрѣчали много жиряновъ (афганцевъ); было потрачено не мало патроновъ и ничего не убито. Кабановъ считать нельзя, такъ какъ лѣтомъ это очень вредная птица. Также лучше вовсе обходиться безъ мяса, чѣмъ прибывать къ консервамъ; въ большія жары организмъ ихъ совершенно не выноситъ. Съ припасами явилось въ лагерь и нѣсколько салдровъ, сообщившихъ подробности о посланной за нами изъ Зуръ-абада погонѣ. Я снялъ фотографію моста и, пользуясь низкою водою, точно измѣрилъ развалины. Все разстояніе между наружными пятами крайнихъ сводовъ 28¹/₂ саж. Изъ нихъ 4 была неровной толщины занимаютъ 9¹/₂ саж., а для пропуска воды служатъ пять пролетовъ въ общей сложности 19 саж. Первый отъ туркменскаго берега имѣетъ 4 саж., затѣмъ два по 5 саж., и наконецъ у персидскаго берега по 2¹/₂ саж. Разрушена часть арки средняго пятисаженнаго пролета. Ширина моста не много болѣе 2 саж. Мостъ сохранился довольно хорошо, трещинъ въ сводахъ нигдѣ не видно; въ случаѣ возобновленія средней арки онъ и теперь годится для вѣющаго движенія. Подмывовъ у бывовъ нигдѣ нѣтъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ облицовка ихъ на горизонтѣ высокой воды сорвана теченіемъ; исправленія здѣсь были бы вообще не трудны, такъ какъ отъ конца юлія до декабря мостъ почти на сушѣ: только подъ однимъ, двумя пролетами бываетъ по 2—3 вершка воды.

Вечеромъ на привалѣ меня встревожилъ калтаманъ, присоединившійся къ намъ; онъ все бродилъ по лагерю, какъ бы высматривая что-либо; это было тѣмъ болѣе подозрительно, что лошадь его, съ тѣхъ поръ какъ онъ съ нами ѣхалъ, не хромала; конечно могло быть, что она поправилась, но еще вѣроятнѣе было, что все сказанное ложь и что мерзекъ желаетъ ночью напасть ограбить или по крайней мѣрѣ угнать лошадей; товарищи его могли быть недалеко. Но мои текинцы объявили, что всѣ хорошо знаютъ разбойника и ручаются за него; въ виду этого я его не удалилъ, но приказалъ ночью лежать спокойно и не ходить по лагерю, предупредивъ, что пустое недоразумѣніе въ такомъ опасномъ мѣстѣ можетъ имѣть самыя серьезныя послѣдствія.

Утромъ на слѣдующій день оказалось, что я принималъ предосторожности не съ той стороны, гдѣ слѣдовало. Мой афганецъ Маммедъ-аламъ бѣжалъ, укравъ лучшую лошадь, ружье и нѣсколько мелкихъ вещей. Преслѣдовать мы не могли: побѣгъ произошелъ около 1 часа ночи, оставшіяся лошади всѣ были хуже и утомлены;

я предложил награду в 100 рублей за возвращение ружья и лошади. Сначала охотников между салрами набилось много, но когда узнали, что негодий всего скорострельное ружье, то все отказались. Сто рублей очень приличная сумма, но отнять ружье и лошадь без борьбы, конечно, было нельзя, а одно название „совозъ“ *) всегда оставить самого предприимчиваго турмена. Стали припоминать: оказалось, Маммед задумал бегство гораздо раньше; когда въ Мешхеде я у него потребовал отчетъ за даннхъ ему на покупки деньгахъ, онъ увидалъ, что много красть нельзя и что надежды его пользоваться во время путешествія не оправдываются, онъ сталъ ждать случая сдѣлать что можно; уже въ Акаръ-чичме онъ просилъ позволенія на ночь поставить лошадей на гору, подъ предлогомъ, что тамъ кормъ лучше. Въ Пуль-и-хатунѣ онъ объявилъ карауднымъ, что не будетъ спать всю ночь, что они могутъ ложиться, увезъ лошадь переводчика и усакавал на ней по дорогѣ къ Адамъ-еланъ, вбродно направляясь черезъ Хомбоу въ Афганистанъ.

Мы продолжали путь по восточному берегу Гери-руда; дорога ровная; желѣзная дорога можетъ быть проведена по берегу до пункта за три версты южнѣ Ширъ-тепе; здѣсь бугры удалены отъ воды на 50—100 саж. и рѣка имѣетъ пологіе берега. За три версты отъ Ширъ-тепе начинаются берега крутые и обрывистые и потому здѣсь надо подняться на слегка волнистую возвышенность до 5—6 саж. надъ водою и идти по ней до Наурузъ-абада, далѣе по такой-же возвышенности (10—15 саж. надъ водою) вдоль берега между рѣкою и существующею теперь выплою дорогую, по которой мы шли въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Мѣсто можетъ быть пройдено безъ затрудненій. Бугры кончаются и все дороги пойдутъ по равнинѣ отъ Даудетъ-абада. У этого пункта расположены плотины, направляющія воду въ теперешніе каналы къ Старому Сераху и видны остатки прежней плотины у каналовъ къ Шоръ-валѣ и далѣе.

Изъ Даудетъ-абада сначала вдоль берега Гери-руда, а потомъ по прежней дорогѣ мы прошли въ поселеніе мервцевъ и салмировъ у Старого Серакса.

Въ заключеніе описанія пройденныхъ по Южной Турменіи путей и приведу выводы изъ даннхъ, добытыхъ при обоихъ путешествіяхъ, относительно проведенія здѣсь желѣзной дороги.

*) Испорченное *сувозъ*, что значитъ по персидски игольчатый и прилагается ко всякъ скорострѣльнымъ ружьямъ.

Линію отъ Серакса на югъ всего выгодиѣ вести вдоль Гери-руда до Пуль-и-хатунъ; персидскій берегъ ронше турменскаго и мѣсто у Пуль-и-хатунъ очень удобно для постройки моста. Но если-бы почему либо встрѣтились къ этому препятствія, то и восточный берегъ вполне пригоденъ для проложенія линіи желѣзной дороги, какъ описано выше; главное преимущество этого направленія по тому или другому берегу — обиліе воды. Вероятъ за три сѣвернѣе развалитъ моста надо повернуть на Адамъ-еланъ, Акаръ-чичме, Акъ-робатъ, Гюрлэнъ, Шебенъ и Горіанъ. Необходимо при этомъ изучить еще перевалы между Каруанъ-ашаномъ и Хомбоу. Также важно осмотрѣть, нельзя-ли обойти упомянутый выше кражъ, идущій отъ Зюлфатара на востокъ между Кунгрюэли и Акаръ-чичме; кражъ начинается не прямо отъ Келетъ-коя, а въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него и, судя по осмотрѣнной части мѣстности и разспросамъ объ остальной, линія можетъ быть проведена отъ Пуль-и-хатунъ по восточную сторону Келетъ-коя къ Кариэ-Иліасу, а далѣе близъ Кизиль-булака къ Гюрлэну.

Въ виду недоразумѣній, бывшихъ въ Зуръ-абадѣ, я предпочелъ не ѣхать въ персидское укрѣпленіе Серахъ, и остановился на восточномъ берегу у туркменъ и близъ шалаша старшины Папушь-Пелвана. Здѣсь все было въ началѣ: пользуясь беззащитностью туркменъ, персы съ нихъ сначала взяли подать, а потомъ потребовали, чтобы жители имъ продали остальную пшеницу по низкой цѣнѣ и сами переселились къ Мешхеду или же уѣхали обратно въ Мервъ. Туркмены перевезли семейства въ Чача и ждали рѣшенія своей участи изъ Мешхеда. Персидскіе часовые стояли по полямъ и не позволяли жителямъ пользоваться собраннымъ ими хлѣбомъ. Просьбы о заступничествѣ и отклонилъ, не имѣя никакого права вмѣшиваться въ дѣла персовъ съ текинцами; старшины спрашивали, что имъ дѣлать: они прекратили разбой, конечно, не изъ страха персовъ, а вслѣдствіе ужаснаго наказанія, постигнаго ахалъцевъ; теперь же сами персы ихъ раздражаютъ притѣвленіями; при этихъ условіяхъ трудно удержать буйную часть населенія отъ возвращенія къ грабегамъ.

Пока я расположился у Папушь-Пелвана и писалъ письма въ Асхабадъ, комендантъ Серакса Сертибъ-Аббасъ-халъ узналъ о моемъ прѣвѣдѣ и тотчасъ прискакалъ съ большою свитою. Онъ меня поздравилъ съ благополучнымъ окончаніемъ втораго путешествія по столь опаснымъ мѣстамъ и сталъ упрекать, что я предпочелъ текинскій шалашъ дому стараго друга. Я ему объяснилъ все недо-

разумнѣя, бывшія у меня съ персидскими властями. Ханъ сказывалъ, что онъ уладилъ дѣло, относительно того, что я въ первый прѣздъ въ Шуль-и-хатунъ не сдѣлалъ визита принцу Рухнуд-Дауле. Принцъ былъ сначала очень обиженъ, но удовлетворился объясненіемъ, которое я тогда же просилъ сергиба передать, что въ путешествіи не имѣю плаща, въ которомъ-бы можно явиться столь высокому лицу, какъ братъ персидскаго шаха. Но это не должно быть препятствіемъ въ подобныхъ случаяхъ: русскій даже въ текинскомъ халатѣ болѣе дорогой гость, чѣмъ кто-бы то ни было въ шелкѣ и бархатѣ. Много смѣялся ханъ надъ зуръ-абадскимъ происшествіемъ; особенно забавенъ былъ эпизодъ преслѣдованія по той дорогѣ, гдѣ знали, что меня нѣтъ. Этотъ способъ выйти изъ затрудненія всѣ находили очень остроумнымъ.

Вечеромъ я сдѣлалъ визитъ хану и встрѣтилъ у него нѣсколько человѣкъ изъ Мосиль-абада; они мнѣ сообщили, что послѣ моей первой поѣздки мѣстность между Муртъ-абомъ и Гери-рудомъ опять полковникъ Стюартъ. Окончивъ работы въ Сеистанѣ, онъ прѣѣхалъ въ Мосиль-абадъ, откуда направился на Вешъ-робатъ, Гюрлянъ и Ислимъ-чишме и по этой-же дорогѣ вернулся обратно.

Нѣсколько позже, осенью 1882 года, еще одна дорога по Бадкху пройдена двумя русскими путешественниками: капитаномъ Гладышевымъ, опредѣлявшимъ астрономическіе пункты, и подпоручикомъ Хабаловымъ, производившимъ съемки. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Хабаловымъ, они прошли изъ Мосиль-абада въ Бенти-кэризъ и перешли по трудной дорогѣ черезъ горы Борхутъ у родника Яки-тутъ (западнѣе переваловъ Хомбоу и Паруанъ-алянъ); далѣе прошли въ Пизиль-булакъ (названный ихъ проводникомъ Туланъ-чишме), направляясь въ Акъ-робатъ; но проводникъ не сумѣлъ найти этого пункта и провѣлъ ихъ черезъ Адамъ-ельнъ въ Серахсъ; такимъ образомъ положеніе Акъ-робата до настоящаго времени не опредѣлено астрономически и нанесено на карту по моей маршрутной съемкѣ.

III.

Дорога изъ Серахса въ Мервъ.

Въ Серахсѣ мы прибыли 22-го августа. Здѣсь и собрались съюзы текинцевъ и объявилъ имъ, что намѣренъ вернуться въ Асхабадъ не прямо черезъ Атекъ, а кружнымъ путемъ черезъ Мервъ, Чарджуй и Хиву. Первое препятствіе и легко устранилъ: текинцы мало

кормили своихъ лошадей и онѣ такъ утомлены, что не могутъ идти далѣе, но въ Мервѣ у всякаго теле есть родственники и онѣ могутъ обмѣнить лошадей; придачу при обмѣнѣ я уплачу, но, конечно по возвращеніи въ Асхабадъ; такимъ образомъ, въ видѣ награды, мои слуги пріобрѣтали лучшихъ лошадей, для меня же въ Мервѣ являлось нѣсколько человѣкъ, денежно заинтересованныхъ въ моемъ благополучіи. Этими соображеніями никогда не слѣдуетъ пренебрегать въ дѣлахъ съ туркменами. Общашіе денегъ устранило затрудненіе и являлась необходимость выбирать, кто поѣдетъ далѣе и кто вернется въ Асхабадъ.

По разспроснымъ свѣдѣніямъ, впереди было много безводныхъ переходовъ; лошади же могутъ идти безъ воды не болѣе двухъ дней и слѣдовательно запасы ей придется брать съ собою, нанималъ для этого верблюдовъ. При этомъ каждый не необходимый человѣкъ — только затрудняетъ движеніе. Пять текинцевъ я отправилъ въ Асхабадъ, а съ пятью рѣшилъ ѣхать далѣе. Такимъ образомъ сначала 19, а потомъ 5 человѣкъ — вогъ отрядъ¹⁾, который, по словамъ Вамбери, сопровождалъ меня въ моихъ путешествіяхъ; при спокойномъ состояніи степи, это было вполне достаточное прикрытие.

Оставался еще одинъ вопросъ: къ обсужденію его и пригласилъ и старшихъ жившихъ у Серахса текинцевъ. Я хочу проѣхать въ Бухару, но пройду черезъ Мервъ только въ такомъ случаѣ, если меня тамъ приютятъ дружественно, какъ гостя. Всѣ единогласно заявили, что сомнѣваться въ этомъ нечего, что хана будутъ рады моему посѣщенію и сочтутъ за честь пріѣхать къ нимъ въ гости русскаго бояра (такъ называютъ русскихъ въ форменномъ платьѣ, а я первый являлся въ такомъ костюмѣ въ Мервѣ. Вывѣсивъ до меня тамъ лица путешествовали передѣлты). Я вѣрилъ этимъ заявленіямъ; они вполне согласовались съ собранными мною свѣдѣніями, которыми и считалъ необходимымъ провѣрить лишь въ виду разногласій, бывшихъ по этому поводу въ Асхабадѣ. Хотя караванъ съ краснымъ товаромъ куца Коншина, бывший въ январѣ и февралѣ 1881 г. въ Мервѣ, вернулся вполне благополучно, но все же были толки объ опасностяхъ, которымъ онъ будто-бы подвергался; даже толковали, что караванъ спасенъ отъ гибели лишь близостью русскихъ войскъ. Эти извѣстія были немедленно напечатаны съ приличными комментаріями въ англійскихъ газетахъ,

¹⁾ „Русскій отрядъ дѣйствительно достигалъ Серахса, но отрядъ этотъ дѣлалъ охрана Лессара“, говорилъ Вамбери корреспонденту газеты „Standard“

но возбуждали къ себѣ мало довѣрія въ людяхъ ближе знакомыхъ съ дѣломъ.

Никто не будетъ утверждать, что русскіе заслужили любовь мерцевъ. Что же дѣлать? Сила, сбѣсняющая разбой, не можетъ рассчитывать на симпатіи разбойниковъ; угрѣженіемъ могутъ служить благоговенія, въ которыми провинности имя Россіи среди сосѣдей мерцевъ. Но любовь и не требуется для безопасности. Штурмъ Геюкъ-теге еще слишкомъ недавнее дѣло, чтобы въ Мервѣ нашлось много людей, помышляющихъ о борьбѣ въ Россію; съ другой стороны мерцы, знакомясь съ русскими, видятъ, что съ ними не такъ плохо жить, какъ прежде думали, и потому едва ли скоро рѣшатся на враждебныя дѣйствія. Конечно, могутъ быть отдѣльные разбой, но едва ли жители оазиса поддержать человѣка, который нападетъ на русскаго.

Я не вѣрилъ опасностямъ, ожидавшимъ русскаго путешественника въ Мервѣ. Конечно, не надо придавать значенія пустымъ толкамъ; при зависти одного племени къ другому, если текинцы замѣтятъ безпокойство пробѣжающаго, то, чтобы доказать свою преданность и что-либо за это получить, онъ не пропуститъ случая заявить, что такой-то ханъ и такое-то племя замышляютъ недоброе; но если переговоры съ опаснымъ ханомъ или его людьми, то тѣ же обвиненія посылаются на перваго собесѣдника; понятно, на сколько всѣ эти заявленія заслуживаютъ довѣрія.

Изъ Серакса мы выступили 23-го августа на разсвѣтѣ, сопровождаемые людьми, которые должны были вернуться въ Аксабадъ; на дорогу каждый считалъ обязанностью надавать совѣтовъ, какъ дальѣ идти; особенно усердствовалъ проводившій Ана-Гельди-сердаръ, который не могъ явиться въ Мервѣ, боясь мести за совершенное тамъ убійство; онъ сообщилъ, что дорога къ Мерву очень опасна, бродятъ шайки сарыковъ; особенно осторожно надо идти между Шегитли и Дагъ-робатомъ въ пескахъ Куче-кумъ; здѣсь бугры и лѣсы позволяютъ устраивать засады; увидишь разбойника, только когда онъ схватитъ за горло, и т. д.

Дорога шла брошенными полями на сѣверъ вдоль сухаго аръка. Земли у Старога Серакса считаются одними изъ лучшихъ, когда либо принадлежавшихъ туркменамъ. Самыя плодородныя мѣста отъ Касабъ-кали къ Старому Сераху, Коушотъ-калі и Ниязъ-абаду; въ Наурузъ-абадѣ земля хорошая, но ея мало (на 15—20 дворовъ); по холмамъ же, которые на туркменскомъ берегу весьма близки къ рѣкѣ, отличная пастбища; салыры, жившіе у Старога Серакса, всегда по-

сылали свои стада къ Наурузъ-абаду и Шоръ-калѣ; въ этомъ послѣднемъ пунктѣ земля солоноватая и негодна къ обработкѣ; сюда былъ проведенъ изъ Гери-руда каналъ, дававшій солоноватую воду; проба посѣять хлѣбъ была весьма неудачна, едва собрали сѣмена; напротивъ скотоводство идетъ здѣсь весьма успѣшно. На 16-ой верстѣ отдѣляется дорога въ Кумъ-гузеръ и на 17-ой проходитъ у большаго бугра; какъ самый бугоръ, такъ и окрестности его покрыты битымъ кирпичемъ отъ бывшаго здѣсь прежде укрѣпленія и жилищъ. Мѣстность все понижается до развалин текинскаго укрѣпленія Ниязъ-абадъ (18 верстъ отъ Серакса). Колодезь здѣсь одинъ, обдѣланъ кирпичемъ; глубина до воды 9 аршинъ. Вода сильно солоноватая и имѣетъ затхлый вкусъ, впрочемъ лошади пьютъ ее охотно, люди же только при сильной жаждѣ. „На алманахъ эта вода считается хорошею“, понесли текинцы.

За Ниязъ-абадомъ мѣсто сначала ровное, потомъ дѣлается слегка волнистымъ и покрыто кустарникомъ; грунтъ на 10 верстахъ песчано-глинистый, не представляющій затрудненій для движенія. На 21 верстѣ дорога пересѣкается нѣсколькими оросительными каналами, выходящими изъ большаго аръка, когда-то проводившаго воду изъ Даулетъ-абада къ Шоръ-калѣ и дальѣ почти до Шегитли; здѣсь же видны слѣды прежнихъ полей. Грунтъ дороги до самой Шоръ-калы вездѣ твердый; справа виднѣются бугры песковъ, покрытие кустарникомъ.

Шоръ-кала (37¹/₂ верстъ отъ Ниязъ-абада) развалины обширнаго укрѣпленія и отдѣльно стоящихъ домовъ. Въ 4 часа мы подъѣхали къ двумъ колодцамъ, расположеннымъ недалеко отъ укрѣпленія, на двѣ канавы, проводившаго сюда воду изъ Даулетъ-абада вода соленая, нищѣ придаетъ горьковатый вкусъ; лошади пьютъ охотно. Яма, дающая воду, вырыта на двѣ углубленія въ арыкѣ. По совѣту текинскаго разбойника, сопровождающаго насъ изъ Адамъ-ѣлана, мы остановились на почлегъ въ сторонѣ отъ дороги, въ 200 саж. отъ колодезя на бугрѣ. Часовъ до двѣнадцати текинцы, боясь сарыковъ, сидѣли и разговаривали чтобы не заснуть; затѣмъ усталость взяла верхъ и мы пришлось раза два будить часовато.

Чтобы поспѣть въ Мервѣ къ ночи, пришлось встать очень рано; развели костры для чайниковъ; два текинца отправились поить лошадей, но тотчасъ же вернулись; у колодезя были люди; кто такіе и сколько — нельзя разсмотрѣть, но много; сейчасъ же спутали лошадей, приготовили ружья и духъ человекъ послалъ на реконспировку. Черезъ нѣсколько времени послышалось: ой! ау! — обик-

повенные возгласы текинцев для начала переговоров съ дальняго разстоянія: „кто вы такіе?“ спрашивали мои спутники; „а ты кто такой?“ быть отвѣтъ:— „теке, сичмазъ.“ Пошелъ экзаменъ: „а кого знаешь въ Мервѣ изъ племени?“ Отвѣчающій старался высказать возможно болѣе подробностей, доказывающихъ его дѣйствительную принадлежность къ племени сичмазъ. Потомъ то же сдѣлали люди у колодезья и когда обѣ стороны убѣдились, что сарыковъ вѣтъ, то облизались и мои люди узнали, что мервцы пришли недавно и подкрадывались къ нашему лагерю: они насъ приняли за персидскій караванъ и только ходившія часовой остановили ихъ намереніе кинуться на насъ; они обсуждали какъ поступить, когда у насъ развели костры; возможность нечаяннаго нападенія миновала, а открыто это сдѣлать 20 человекъ не рисковали бы.

Мы выступили, едва стало разсвѣтать. Грунтъ по прежнему песчано-глинистый, количество песку все увеличивалось; справа бугры выше и кустарникъ чаще; слѣва, напротивъ, рѣже и мѣстность покрыта болѣею частью лишь колочкою и сорными травами. На первомъ 5 верстахъ отъ Шоръ-калы каналъ изъ Даулетъ-абада идетъ вдоль дороги, затѣмъ сворачиваетъ къ пескамъ и болѣе мы его не видѣли; по словамъ текинцевъ, онъ шелъ почти до Шегитли, но въ настоящее время засыпанъ песками. На 18-ой верстѣ дорога вошла въ болѣе высокіе пески; бугры до 2 саж. высоты покрыты кустарникомъ; самая дорога извивается между ними по твердому грунту, не трудному для лошадей. Въ 2¹/₂ верстахъ не доѣзжая Шегитли отдѣляется дорога въ Коушюгъ-каду на Тедженъ. У этого раздѣленія дорогъ видно болѣе сотни отверстій полузасыпанныхъ колодезья, вырытыхъ въ 1860 г. персидскою арміею, шедшею на Мервъ; они лежатъ у самой дороги и по сторонамъ ея. Первыя здѣсь останавливались надолго. Колодезь Шегитли (28¹/₂ верстѣ отъ Шоръ-калы)— среди маленькаго тагира, окруженнаго неширокими грядами сыпучаго песка. Колодезь обдѣланъ саксауломъ, идетъ вблизи расширяясь; глубина 8 аршинъ; воды много, но въ настоящее время она мало разбрызгается и гниетъ; запахъ сѣрнистаго водорода, впрочемъ исчезающій при кипяченіи, текинцы объясняютъ тѣмъ, что сарыки испортили колодезь, бросивъ туда трупъ осла, съ тѣмъ чтобы затруднить преслѣдовавшимъ разбойникамъ. Вообще вода въ колодезяхъ Шегитли считается лучшею по всей дорогѣ. Нѣкоторые лошади пьютъ эту воду неохотно вслѣдствіе ея запаха; чтобы его заглушить, достаточно при водоюй поднести къ носу лошади кусочекъ зажженнаго войлока; не чувствуя непріятнаго запаха, лошади отъ

воды болѣе не отворачиваются и пьютъ ее охотнѣе, чѣмъ солоноватую воду въ Шоръ-калы.

Дорога отъ Серахса къ Шегитли все понижается; гдѣ-то около этихъ колодезья и находится самая низкая точка ея, до которой могла бы быть проведена вода изъ Гери-руда. Далѣе на сѣверъ идетъ подъемъ къ Мерву; Далъ-робатъ уже получалъ воду изъ Муръ-аба. Высота Мерва надъ уровнемъ моря совершенно неправильно показывается на прежнихъ картахъ въ 1900 футовъ; по нѣсколькимъ барометрическимъ наблюденіямъ, произведеннымъ въ разное время года, высота Мерва около 800'.

Шегитли—последняя вода до оазиса; верстахъ въ трехъ отсюда на сѣверъ песчаные бугры становятся выше, кустарникъ обращается въ деревца саксаула и гребенщика; грунтъ, впрочемъ, болѣею частью твердый; только изрѣдка пересѣкаютъ дорогу кражи сыпучаго песка шириною въ двѣ, три сажени; да мѣстами нанесены съ боковъ слои песка. По сторонамъ деревья какъ бы выровнялись, образую аллею, откуда это мѣсто и получило свое названіе; это и есть Куче-кумъ (куче улича, кумъ песокъ); длина его около 5 верстѣ. По разсказамъ текинцевъ, сарыки часто пользуются благопріятными условіями этой мѣстности для нападенія на мервскіе караваны. Далѣе мѣсто дѣлается ровнѣе, пески уменьшаются и попадаются неширокими отдѣльными грядами, кустарникъ исчезаетъ и замѣняется колочкою и сорными травами.

Далъ-робатъ (13¹/₂ верстѣ отъ Шегитли)—довольно хорошо сохранившіеся развалины большаго кирпичнаго робата, напоминающаго Вешъ-робатъ въ Персіи. Надписей нѣтъ, такъ какъ фронтонъ упалъ. По словамъ текинцевъ, робатъ и близъ лежащія поселенія получали воду изъ Муръ-аба каналомъ. Далѣе до оазиса мѣстность такая же, какъ отъ Куче-кума до робата. Въ 15 верстахъ отсюда мы пересѣкли первый каналъ; воды въ немъ впрочемъ не было. Здѣсь вездѣ почва глинистая, покрытая густою колочкою, составляющей прекраснѣйшій кормъ для верблюдовъ, которые сюда и выгоняются на пастбу. Сады Мерва уже видны и въ 5 верстахъ отъ перваго сухаго арыка мы подошли къ прѣсной водѣ: это двѣ колодца, глубиную 2 саж.; сначала идетъ широкая яма сажени полторы въ діаметрѣ, затѣмъ узкое отверстіе, выложенное камнемъ, въ которомъ и держится вода. Кругомъ колодца приспособленія для водоюй стады; на ночь скотъ угоняется въ укрѣпленія, изъ страха сарыковъ. Остановившись здѣсь на ночлегъ, мы должны были дожидаться возвращенія текинца, котораго я послалъ предупредить

хановъ о моемъ приѣздѣ; ночью посланный вернулся съ извѣстіемъ, что ханы очень рады посѣщенію и къ утру приишютъ людей мена встрѣтить и проводить въ Мервѣ.

IV.

Мервѣ.

Ханы въ Мервѣ смѣняются очень часто; въ августѣ 1882 г. положение дѣлъ было слѣдующее. Какъ извѣстно, мервцы дѣлятся на два большія племени, каждое съ двумя главными подраздѣленіями: отамыши состоятъ изъ племенъ бахши и сичмазъ; тохтамшы—изъ бекъ и векиль. Нынѣшніе наслѣдственные ханы въ обоихъ племенахъ люди безхарактерные, мало способные и не пользуются никакимъ авторитетомъ. Въ началѣ 1882 года, отамыши выбрали себѣ главою Майли, внука Ораза, бывшаго ханомъ надъ всѣмъ Мервомъ, и сына Берди-Ніаза и племянника Аманъ-Ніаза, двухъ послѣднихъ хановъ отамышей. Но Майли-ханъ оказался на столько слабъ и не уменъ, что никто его не признавалъ и въ іюль того же года бахши выбрали себѣ ханомъ Сары-батыри, человѣка не родовитаго, но очень умнаго и хитраго; въ октябрѣ Майли былъ снова выбранъ ханомъ; а въ декабрѣ все еще разъ перемѣнилось: у бахши ханомъ опять Сары-батыри, а у сичмазъ Бекъ-Муррадъ, довольно извѣстный разбойникъ, очень обижавшій О'Донована во время его пребыванія въ Мервѣ.

Еще хуже ханы у тохтамшей, — Ваба-ханъ, сынъ извѣстнаго побѣдителя персовъ въ 1860 г. Коушутъ-хана (племени бекъ), и Юсупъ-ханъ, сынъ не менѣе извѣстнаго защитника Геокъ-Теле въ 1879 году, Нуръ-Верди-хана (племени векиль); оба не пользуются никакимъ значеніемъ среди своихъ соплеменниковъ. У тохтамшей теперь глава Кара-дули-ханъ, человѣкъ не родовитый, но замѣчательно честолюбивый и энергичный. Впрочемъ и эти ханы имѣютъ весьма мало значенія. Чтобы поваять строй жизни мервцевъ, надо прежде всего принять во вниманіе, что это не есть народъ, соединяемый какими-либо ясно сознаваемыми общими интересами; это очень большая воровская шайка. Для нея, конечно, никакого правительства не нужно; достаточно два-три постановленія о дѣлѣхъ доблчи и нѣсколько условныхъ правилъ, какъ жить сосѣдямъ, не грабя другъ друга. Только большая плотина на Мургабѣ, распредѣляющая воду по всему оазису, дѣло для всѣхъ оди-

наково важное; когда высокія воды рѣки прорываютъ плотину, что случается каждыя 12—15 лѣтъ, то весь оазисъ переноситъ величайшія бѣдствія. Поэтому - то вопросъ о поддержаніи ея и есть единственный, въ который внесенъ нѣкоторый порядокъ; тутъ что рѣшатъ собравшіеся акъ-сакалы всѣхъ племенъ всегда приводится въ исполненіе. Во время опасности отъ внѣшняго врага какая-нибудь партія захватываетъ власть въ свои руки и, пользуясь общимъ страхомъ и непривычкою племенъ сплотиться для общаго дѣла, заставляетъ всѣхъ исполнять свою волю. Въ началѣ 1880 г. Махдумъ-гули-ханъ и Тикмъ-сердаръ раздѣляли по поселеніямъ Ахала, сопровождаемые шайкою приверженцовъ, и угрозами и убійствами заставляли всѣхъ принимать участіе въ дѣйствіяхъ противъ Россіи. Другихъ общихъ дѣлъ у текинцевъ нѣтъ; каждое подраздѣленіе племени заботится только о себѣ; при этомъ относительно пользования самою небольшою канавою постоянные споры и драки. Маслагатъ (совѣщаніе) хановъ и старшинъ никогда ничѣмъ не кончается: кричатъ, толкуютъ и разойдутся; кто хочетъ, исполняетъ то, что ему приказалъ ханъ; не хочетъ, поступаетъ какъ найдетъ для себя удобнѣе.

Люди враждебные или несочувствующіе предмету обсужденія на маслагатъ не являются вовсе, зная, что принятое рѣшеніе ни для кого не обязательно. Также производятся выборы въ ханы: кандидатъ зарѣжетъ нѣсколько барановъ и угощаетъ своихъ сторонниковъ; всѣ нежелающіе его признавать не являются на избраніе; нѣтъ все равно знаніе только номинальное и никакого значенія не имѣетъ: носить его — вопросъ самолюбія; текинцы оказываютъ нѣкоторые наружные признаки почтенія ханамъ, такъ какъ отвѣтомъ на это бываетъ угощеніе со стороны этихъ послѣднихъ; но говорить нечего, что никто бы не сталъ повиноваться хану, который бы попробовалъ проявить чѣмъ нибудь свою власть, наиримѣръ, собираемъ подати или т. п.

Лучшимъ доказательствомъ неспособности мервцевъ къ какому бы то ни было общему дѣлу служить неумѣніе ихъ смириться съ сарынами, которые, не смотря на свою малочисленность, держатъ въ страхѣ весь мервскій оазисъ и дѣлаютъ почти невозможнымъ торговое движеніе между нимъ и сосѣдними странами. Стоило бы текинцамъ собраться вмѣстѣ и Пенде перестало бы существовать. Въмѣсто этого каждое отдѣльное племя предпочитаетъ отправлять небольшія шайки по 4—5 человѣкъ, которыя подбираются въ окрестностямъ сарынскихъ поселеній, увозятъ оттуда женщинъ и

дѣтей и угощаютъ скотъ; въ Мервѣ близъ деревеньъ выставляются сторожевыя посты; объ общей системѣ защиты оазиса нѣтъ и рѣчи.

Выбранный ханъ остается таковымъ недолго: сейчасъ же является партія недовольныхъ, подготовляющая новаго кандидата, отъ котораго требуется лишь нѣкоторая ловкость, чтобы интриговать противъ соперника, а главное—достаточныя средства для угощенья своихъ сторонниковъ; если нѣтъ никого на примѣтъ, то снова выбираютъ одного изъ наслѣдственныхъ хановъ, такъ какъ они всѣ люди со средствами. „Кто же у васъ теперь ханъ?“ спрашивали и отамышей, привезшихъ мнѣ вѣсти о бывшемъ черворотѣ. — „Да оба“, отвѣчали они: „и Майлы-ханъ и Сары-батыръ“. Одинъ изъ моихъ людей презрительно замѣтилъ: „вѣрно дѣлать было нечего, что занялись избраніемъ новаго хана“. Долго спорили главы племени, у кого поставить для гостей кибитку; верхъ взяли Сары-батыръ, люди котораго и придутъ за нами. Каждый желалъ похвастать гостемъ, а главное завзять къ себѣ проѣзжающаго, чтобы кто-либо съ него заработать, такъ какъ всѣ знали, что русскіе за услуги хорошо платятъ.

Въ октябрь Майлы былъ снова избранъ ханомъ; по приглашенію его, я пріѣзжалъ во второй разъ въ Мервъ, присутствовалъ при его избраніи и имѣлъ случай лично убѣдиться въ справедливости собранныхъ первоначально изъ разспросовъ свѣдѣній, приведенныхъ выше.

25-го августа, въ 6 часовъ утра явились посланные Сары-батыря; по дорогѣ къ его поселенію, изъ деревеньъ сбѣгались люди, подскакивали всадники, съ жестулиладіей и обыкновенными перемѣнами интонаціи заводили съ моими спутниками шумные разговоры, впрочемъ не заключавшіе въ себѣ ничего враждебнаго: въ селеніяхъ, желая меня лучше разсмотрѣть, каждый зывалъ моихъ людей покурить чилимъ (такъ текинцы называютъ кальянъ). Посланные Сары-батыремъ люди просили извинить народъ; они знаютъ, что русскіе не любятъ, чтобы на нихъ собирались глядѣть, но всякому хочется увидѣть бояра.

Длина дороги, отъ колодезя, гдѣ мы ночевали, до поселенія Сары-батыря 6 верстъ, оттуда до Коушютъ-ханъ-галы также около 6-ти верстъ. Всего до этого послѣдняго пункта отъ Серахса считается 6 мензилей (верблюжьихъ переходовъ, приблизительно по 20—22 верста); по моимъ съемкамъ получилось почти то же, именно 130 верстъ.

Ханы меня встрѣтили у кибитки; пошли разспросы о здоровьѣ,

какъ прошли путь и т. п. Ханамъ передали мой вопросъ о пріемѣ, ожидающемъ меня въ Мервѣ, и они просили, чтобы я считалъ себя какъ дома, вѣдъ у текинцевъ одинъ братъ живетъ въ Ахалѣ, другой въ Мервѣ; развѣ есть разница между обѣими странами. Долго шелъ обменъ привѣтствій и любезностей, при чемъ было замѣтно, что Майлы-ханъ очень недоволенъ тѣмъ, что я достался Сары-батырю; одинъ за другимъ являлись разныя почтенныя лица въ праздничныхъ нарядахъ; почти всѣ они бывали въ Асхабадѣ и были очень заинтересованы тѣмъ, что тамъ дѣлается. Мервцы при прѣѣздахъ являютъ русскимъ властямъ и въ разговорѣ каждый старался похвастать предъ слушателями, что онъ былъ у генерала, у штабъ-аги (начальника штаба) и всѣ толковали о замѣченной обстановкѣ русскихъ домовъ. Постоянно слышалось: „какъ въ Асхабадѣ, какъ у генерала“. Разговоръ не могъ не коснуться политики: скоро-ли русскіе пойдутъ на Мервъ. Я имъ объяснилъ, что это зависитъ отъ самихъ мервцевъ: рядомъ съ такимъ государствомъ, какъ Россія, не можетъ существовать разбойничье гнѣздо, не дающее покоя сосѣдямъ; конецъ грабежамъ будетъ положенъ, чего бы ни стоило. Но если жители обратятся къ мирнымъ занятіямъ и будутъ жить въ дружбѣ съ сосѣдями, то, конечно, для Россіи нѣтъ надобности идти на Мервъ; управленіе Ахаломъ съ 50,000 населеніемъ стоитъ достаточно дорого, только необходимость можетъ заставить тратить еще деньги на вторую такую же провинцію. За Мервъ когда-то спорили хивинскій ханъ, бухарскій эмиръ и персы, но тогда войны велись для ограбленія побѣжденныхъ; по Ахалу текинцы видятъ, что русскіе дѣйствуютъ иначе; для чего же брать Мервъ? Впрочемъ надо сказать, что вопросъ о пріеходѣ русскихъ войскъ далеко не всегда внушаетъ страхомъ: съ атимъ сопряженъ наплывъ денегъ и много, много есть въ оазисѣ желающихъ, чтобы это совершилось поскорѣе.

Послѣ того, что мы слышали о богатствѣ Мерва, поражаетъ бѣдность, встрѣчаемая всюду и вездѣ въ дѣйствительности. Надо вспомнить сказанное выше по поводу избранія хановъ: текинецъ воръ и имѣетъ всѣ недостатки и пороки вора, но уравновѣшиваемые никакими хорошими качествами; онъ лѣнивъ и работаетъ лишь на столько, чтобы не умереть съ голоду; въ Мервѣ хорошая земля и вода есть; но обрабатывается преимущественно то, что требуетъ поменьше труда; клеверъ, засѣваемый разъ на нѣсколько лѣтъ и дающій много сборовъ каждый годъ, имѣется въ большемъ количествѣ, нежели нужно; за прокормъ лошади въ мѣсяцъ брали по

80 копѣекъ. Напротивъ, пшеницы мало и во скольконибудь урожайные года ее покупать въ Бухарѣ и Персїи.

Разбоями также большого богатства не знаютъ; кто изъ лучшихъ сердарей въ Мервѣ не испытывалъ превратностей судьбы: упадѣть въ плѣнъ или самъ, или его сынъ, или братъ, увезуть кого либо изъ дома разбойники другихъ племенъ или шайки, снаряженныя персидскими ханами—надо выкупать, а съ богатаго человѣка и выкупъ берутъ большой. „У него 700 барановъ“, сказали мнѣ про одного посѣтителя, желая пояснить, какой это богатый человѣкъ.

Торговля вѣтъ почти никакой; дороги какъ въ Бухару, такъ и въ Мешхедъ постоянно подвергаются нападеніямъ сарыковъ и эрсарей, да при бѣдности мервцевъ и потребностей у нихъ немного. Два раза въ недѣлю бываетъ большой базаръ; собственно купцовъ очень немного, публички же собирается на него по нѣсколькимъ тысячамъ человѣкъ, но за неимѣніемъ денегъ о покупкахъ мало кто думаетъ; базаръ замѣняетъ мѣсто прогулки и клубы: сходятся, толкуютъ, узнаютъ новости; крику и шуму всегда много. Если же надо что-либо купить, собираются 2—3 человѣка, берутъ свои произведенія—нѣсколько ковровъ или войлоковъ и ѣдутъ въ Бухару, Хиву или Мешхедъ, а въ послѣднее время также въ Асхабадъ, продаютъ привезенное и везутъ обратно зеленый чай, одинъ-два халата, да нѣсколько аршинъ кумачу. Вотъ и вся торговля. Въ Мервѣ большая рѣдкость ремесленникъ или мастеръ; шапки, шубы, грубый холстъ и ковры—вотъ все что дѣлается на мѣстѣ, остальное для своихъ потребностей покупается въ окрестныхъ странахъ.

Населеніе Мерва, по опредѣленію самихъ текинцевъ, не болѣе 200,000 человѣкъ; въ Персїи люди, наилучше знающие съ положеніемъ дѣлъ, утверждаютъ, что все населеніе лишь 125,000 и ни въ какомъ случаѣ не превосходитъ 150,000 душъ. Эта послѣдняя цифра наиболѣе заслуживаетъ довѣрія: вообще численность турменскихъ племенъ, опредѣленная въ разспросовъ, когда удавалось ее проверить, всегда оказывалась сильно преувеличенною. Достаточно привести примѣръ Ахала: населеніе его опредѣлялось въ 150,000 человѣкъ; принимая во вниманіе убыль во время войны и даже допуская, что часть жителей еще не вернулась на свои мѣста послѣ бѣгства въ 1881 г.—все же населеніе должно бы быть болѣе 100,000 человѣкъ, а между тѣмъ, по произведенному исчисленію, оно лишь около 40,000 и, слѣдовательно, до войны ни въ какомъ случаѣ не превосходило 75,000, да и количество воды въ Ахалѣ едва ли хватить на большую цифру.

Хорошія лошади въ оазисѣ большая рѣдкость; довольно трудно сказать что-либо положительное о пригодности текинскихъ породистыхъ лошадей для большихъ походовъ; у текинца лошадь, отъ недостатка корма, не можетъ идти болѣе 20—25 дней; впрочемъ, двѣ, три хорошо курумленныя текинскія лошади, которыхъ мнѣ случилось видѣть, уступали въ выносливости не только нашимъ кавкаскимъ лошадямъ, но и персидскимъ.

Вооружены мервцы очень плохо, вѣрнѣе народъ вовсе не вооруженъ. Порадочное ружье въ Мешхедѣ стоитъ около 40 рублей, такая деньги можетъ дать развѣ какойнибудь ханъ и дѣйствительно только у нихъ встрѣчается скорострѣльное оружіе. Но даже самыя простыя, плохія ружья большая рѣдкость; только въ разбойничьей партіи ими обыкновенно всѣ снабжены; напротивъ, почти во всякомъ караванѣ большинство сопровождающихъ его вооружено только пашками.

При своей лѣни текинецъ замѣчательно жаденъ къ деньгамъ и скупъ. Онъ не кормитъ свою лошадь, самъ почти ничего не ѣстъ; старается вездѣ обойтись угостеніемъ въ деревняхъ; всѣ его расходы—табакъ на нѣсколько копѣекъ и зеленый чай, который пьется безъ сахару и совершенно прозрачный. Цѣлые мѣсяцы ѣздить а съ текинцами, и никогда никто изъ нихъ не позволялъ себѣ затратить 10 копѣекъ иначе какъ на вещь, безъ которой безусловно нельзя обойтись. При значительныхъ безлюдныхъ переходахъ мнѣ приходилось самому осматривать у своихъ спутниковъ мѣшки, есть ли въ нихъ хоть немного корма для лошадей. Эта скупость только отчасти объясняется лѣнью текинца; конечно, при небольшихъ деньгахъ можно долго прожить ничего не дѣлая, но часто причина бываетъ другая: если начать доискиваться для чего копить деньги какойнибудь Магомметъ или Ходжа, то почти всегда узнаешь, что для того, чтобы купить вторю или третью жену; романтическія похиженія и приобрѣтеніе жень—вотъ что послѣ воровства болѣе всего занимаетъ текинца. „Если русскіе пойдутъ на Мервь, случалось мнѣ слышать отъ ахалцевъ, то мы пойдемъ съ ними. А жени, которыхъ мы отнимемъ у мервцевъ, будутъ наши или же послѣ заключенія мира придется ихъ вернуть? какъ по русскому закону?“ Этотъ вопросъ въ высшей степени интересуетъ текинцевъ, особенно въ виду теперешняго времени, столь тяжелого въ отношеніи добыванія жень. Прежде дѣло дѣлалось очень просто: надо жену, украсть персіанку или же споровился съ отцомъ понравившейся теинки, сколько онъ хочеть

за дочь пѣнныхъ персовъ или краденныхъ персидскихъ лошадей; добывалось все по условію и свадьбы устраивалась. Теперь ни персіянокъ, ни персіанъ, ни даже ихъ лошадей уже красть нельзя, надо платить чистыми деньгами. Молодой, красивый теке обходится это: онъ уговариваетъ дѣвуху бѣжать съ нимъ, а затѣмъ отцу не остается ничего болѣе какъ согласиться на уплату за дочь по частямъ. Непривычному или пожилому этотъ способъ рѣже удается и воть копить текинецъ деньги, пока не наберетъ 400—500 р., что составляетъ среднюю дѣну за жену.

Но если надѣть на себя брачныя узы не такъ легко, какъ было до прихода русскихъ, то романическія похождения болѣе кратковременнаго характера по сравнению въ большемъ ходу; строгости нравовъ у туркменъ особенной нѣтъ. Оба раза, когда я былъ въ Мервѣ, тотчасъ по пріѣздѣ мои текицы, подъ предлогомъ обмена лошадей, разбѣжались по поселеніямъ. Пріѣздъ ихъ съ русскими, новые черныя халаты, блестящія ружья, все ихъ дѣлало героями дня и, какъ оказалось послѣдствій, они имѣли у мервскихъ дамъ большой успѣхъ; впрочемъ, нѣкоторые изъ любезниковъ понесли заслуженное наказаніе: не считая другихъ несприятностей, потерялъ и кармачъ: два ревнивые мужа воспользовались положеніемъ дѣла, чтобы продать весьма дорого ничего не стоявшихъ лошадей.

Что касается гостепримства, то этимъ именемъ у туркменъ называется заиманіе къ себѣ гости съ дѣлюю съ него что-либо заработать. Туркмень туркмена долженъ принять и угостить. Поступить иначе нельзя, такъ какъ при разбоѣхъ набрать съ собой запасовъ на всю дорогу невозможно и потому сложился обычай, что туркмень въ дорогѣ пріѣзжаетъ къ соплеменнику, какъ къ себѣ въ домъ и прямо требуетъ угощенія, стараясь какъ можно болѣе получить; хозяинъ, напротивъ, старается какъ можно монѣе дать; требовательность одного и скудость другаго часто бываетъ причиною ссоръ и вообще всякій очень радъ, если свой же туркмень минуетъ его домъ. Русскій совсѣмъ не то: тутъ известно, что за все будетъ заплачено и очень дорого; чтобы завать къ себѣ такого гостя, даже впередъ договариваются съ проводниками. Само собою разумеется, во все пребываніе потомъ его стараются обмануть, гдѣ только возможно; довѣрять не слѣдуетъ; за вещами нужно хорошо смотрѣть: мелочи пропадаютъ постоянно и хозяинъ потомъ все приписываетъ коварству своихъ враговъ, которые, чтобы его осрамить, сдѣлали кражу у гостя; изъ вѣжливости приходится еще

уѣзжать хозяина, хотя въ дѣйствительности кража совершена его же людьми.

Но все это прощается охотно, такъ какъ мерцы въ послѣднее время, посѣщая Асхабадъ, научились немного принимать гостей, которымъ теперь предоставляется хотя относительное спокойствіе. Прежде дѣлный день и часть ночи посѣщенія не прекращались; и испытать это мученіе у саларовъ въ Зуръ-абадѣ. Здѣсь же хозяева спросили меня, желаю ли я, чтобы ко мнѣ пускали посѣтителей или нѣтъ? Конечно, я не пріѣхалъ въ Мервъ, чтобы прятаться и, напротивъ, очень радъ видѣть жителей. Свое любопытство все могли удовлетворить; когда являлись съ визитами ханы или почетные люди, тогда кто испывалъ помѣщался внутри кибитки; кругомъ стояла большая толпа, слушающая снаружи происходившіе разговоры, что нетрудно, такъ какъ текицы всегда страшно кричать; все старались заглянуть въ середину кибитки; наиболѣе нетерпѣливые продирывали войлоки, чтобы что-либо увидѣть.

Когда все это начинало надоедать, я говорилъ, что лягу спать или собираюсь писать; у туркменъ не считается невѣжливостью заявить своимъ посѣтителямъ, что пора уходить; все вставали съ разными пожеланіями и удалялись; къ двери приставлялся человекъ съ палкою, разгонявшій людей, по временамъ собравшихся у кибитки.

Первый же день пришелъ ко мнѣ уста (мастеръ), который дѣлаетъ деньги, весьма любезный и веселый человѣкъ; одѣтъ онъ былъ довольно бѣдно, въ рукахъ держалъ большой мѣшокъ, въ которомъ помѣщалась вся фабрика: тутъ были и инструменты, и куски металла, и готовыя деньги. „Въ Мервѣ нѣтъ падишаха, а потому мерцы сами себѣ дѣлаютъ деньги“, объяснилъ уста монетную систему мервскаго народа. Каждый имѣетъ право этимъ заниматься; но для этого требуется умѣніе и соперниковъ моему гостю во всемъ оазисѣ не было. Мервъ своей монеты не имѣетъ; до сихъ поръ ходили главнымъ образомъ серебряныя персидскія краны (равныя 1 франку), бухарскія теппи (25 к.) и русскія двугривенныя. Теперь предпочитаютъ наши кредитныя билеты; конечно, въ этихъ странахъ больше всего дѣнятся ихъ удобство для перевозки. Уста показалъ штампы и образцы своихъ произведеній; онъ дѣлаетъ русскія, хивинскія, бухарскія и персидскія деньги, все маловѣсныя.

Персидскіе краны новой чеканки неудобны для поддѣлки и ихъ

уста дѣлаетъ мало; хивинскія и бухарскія деньги по качеству серебра хороши, но недостаточнаго вѣса; въ Хивѣ и Бухарѣ на деньги изъ Мерва установили курсы, но, впрочемъ, принимаютъ ихъ не вездѣ и неохотно; въ Хивѣ болѣе всего въ ходу наши бумажки и особенно двугривенныя (абазы); своихъ денегъ хивинцы боятся, такъ какъ ихъ очень много поддѣльныхъ. Русскіе абазы уста началъ дѣлать лишь недавно; по виду они совершенно не уступаютъ настоящимъ, но хуже качествомъ. На одинъ пудъ персидскаго серебра прибавлено два пуда мѣди. Уста пользуется большимъ уваженіемъ; онъ знатокъ металловъ и человѣкъ нужной: къ нему все обращаются для оцѣнки вещей, а главнымъ образомъ при полученіи денегъ для отдѣленія настоящихъ монетъ отъ фальшивыхъ: послѣднихъ въ Азію, вѣроятно, болѣе чѣмъ первыхъ. Счетъ и сортированіе денегъ при сколько нибудь значительной покупке занимаетъ иногда цѣлые часы.

На обѣдъ мѣдъ приготовили цыговъ и фазановъ, которыхъ на абазы даютъ 3 или 4 штуки; все готовилось по-русски, т. е. на маслѣ, а не на бараньемъ салѣ. Къ обѣду предлагали водку; продается она недалеко отъ моей кибитки въ боченкахъ, сохранившихся съ тѣхъ поръ, какъ былъ разграбленъ караванъ со спиртомъ близъ Хивы; спиртъ вовсе не былъ вылитъ на песокъ, а весь проданъ и выпитъ. Узнавъ, что я не пью водки, меня стали уговаривать попробовать: „это такъ хорошо: немного выпить человѣкъ и становится веселымъ; если въ Мервѣ немного пить, то потому, что нѣтъ денегъ, а водку все очень любить“. Потомъ мѣдъ достали нѣсколько бутылокъ бухарскаго вина: оно было привезено изъ О'Донована, но онъ не пилъ такихъ слабыхъ вещей и вино осталось; оно успѣло отстояться и было очень порядочное. Въ Мервѣ вина совсѣмъ не пьютъ: здѣсь, какъ въ Персіи, пьютъ, чтобы напиваться и скупому текинцу совершенно не понятно, для чего выпить нѣсколько бутылокъ дорогогаго вина, когда одной бутылкой дешевой водки достигаются тѣ же результаты.

На третій день утромъ я отправился въ гости къ Кара-кулихану. Отъ селенія Сары-хана, гдѣ я стоялъ, все растояніе около 6 верстъ. Я ѣхалъ съ переводчикомъ и проводникомъ. Дорога шла между садовъ и полей. Муръ-абъ мы переѣхали въ бродъ; вода была по колѣна лошадямъ, ширина рѣки около 8 саж. Вблизи брода есть мостъ; онъ состоитъ изъ 3 пролетовъ около 2 саж. каждый; на связяхъ продольныя бревна, по которымъ наложень хворостъ и земля; высота надъ низкою водою около 6 аршинъ. Мостъ

узокъ (ширина около 2 арш.) и непроченъ; по немъ ѣздятъ лишь въ половодье; въ остальное время имъ пользуются только пѣшеходы. Почти тотчасъ за мостомъ лежитъ большаго крѣпости Коушютъ-ханъ-кала; на узкой полосѣ между ними базаръ, т. е. рядъ глиняныхъ стѣнокъ въ рядъ стойлъ, открытыхъ сверху; два ряда лавокъ составляютъ довольно правильную улицу; остальные разбросаны въ беспорядкѣ; земля для стѣнъ берется тутъ же, отчего весь базаръ изрытъ ямами. Недалеко отъ лавокъ валется одна изъ взятыхъ въ 1860 году у персовъ пушекъ; послѣдствій я видѣлъ еще нѣсколько изъ нихъ въ разныхъ мѣстахъ; всѣ старыя и могутъ быть опасны развѣ для тѣхъ, кто изъ нихъ будетъ стѣлать, осаждающимъ же онѣ только принесутъ пользу, такъ какъ неумѣющіе обращаться съ артиллеріею текинцы будутъ напрасно тратить много силъ и труда около нигуда годныхъ орудій.

Крѣпость Коушютъ-ханъ-кала названа по имени начавшаго постройку ея, Коушютъ-хана, побѣдителя персовъ въ 1860 году. Послѣ пораженія туркменъ во время хивинскаго похода, мервцы, боясь движенія русскіихъ войскъ на вѣгъ, приступили къ постройкѣ крѣпости и прекратили работъ тотчасъ, когда убѣдились, что страхъ ихъ напрасенъ. То же произошло и послѣ паденія Геовъ-тепе: не смотря на всѣ убѣжденія О'Донована, за оставшею пашихъ войскъ снова послѣдовало прекращеніе постройки стѣнъ. Вѣдники, которымъ приходится выносить всѣ труды по возведенію этой колоссальной постройки, дѣлаютъ это неохотно и повинуются только въ очень тревожныя минуты; и лишь только опасность нѣсколько отдалится, никто не станетъ работать. Крѣпость въ планѣ имѣетъ фигуру неправильнаго четырехугольника, двѣ большія стороны котораго имѣютъ около полуторы версты; третья меньшая около версты; съ южной стороны работа еще не начата. Стѣна весьма земляной профили (около 70 футъ въ основаніи и до 40 высоты), земля взята какъ изнутри, такъ и снаружи; образовавшійся ровъ неглубокой и текинцы не въ состояніи его углубить; вода показывается очень близко отъ поверхности; съ сѣверной стороны, которая ниже, ровъ заросъ камышемъ и мѣстами отягъ лужи грунтовой воды. Стѣны работали отдѣльными племенами и ихъ подраздѣленіями и сдѣланы кусками, которые до сихъ поръ большею частью стоятъ отдѣльно, не соединенные другъ съ другомъ. Внутри крѣпости есть огороды, поля и нѣсколько кибитокъ; тутъ живутъ торгующіе въ Мервѣ евреи.

Почти у самой крѣпости находится поселеніе Кара-кули-хана.

У него разговоры были тѣ же, что у Сары-батыры. Впрочемъ, было видно, что глава тохтамшей чѣмъ-то обиженъ. Началъ онъ съ равныхъ наговоровъ на отамшней: они меня приняли и сейчас же послали гонца извѣститъ англійскаго агента въ Мешхедъ о моемъ приѣздѣ. Я удивился: развѣ это можетъ интересоватъ Аббасъ-хана; если бы я это зналъ, то въ Мешхедѣ самъ бы сообщилъ ему о моей побѣдѣ.

Надежда моя отдалаться отъ тохтамшей простымъ визитомъ не сбылась. На прощаніе Кара-кули-ханъ объяснилъ переводчику причину своего неудовольствія; я провелъ у отамшней три дня и уѣзжаю изъ Мерва, не погостивъ у тохтамшей. Какая можетъ быть этому причина? Тохтамшии болѣе могущественное племя, не менѣе дружественны Россіи, за что же это оскорбленіе? Напрасно я объяснялъ, что по нашимъ обычаямъ визитъ замѣняетъ пребываніе въ гостяхъ. Ханъ только больше обижался: конечно, я поступилъ, какъ мнѣ угодно, но тохтамшии не заслужили этой обиды. Пришлось уступить, не теряя времени, я переѣхалъ къ Кара-кули-хану съ тѣмъ, чтобы во всякомъ случаѣ на слѣдующій день продолжать путь, обѣщая въ другой разъ подалее погостить у хана. Конечно, во всей этой исторіи немалую роль играла перспектива поставить мнѣ для дороги верблюдовъ и дать проводника, хотя сумма, которую при этомъ можно было заработать, была самая незначительная; но эта причина не единственная: вѣроятно Кара-кули-ханъ готовъ былъ даже самъ что-либо потратить и ничего не получить взамѣнъ, чтобы не дать возможности отамшамъ хвастать передъ нимъ гостемъ. Эта зависть одного къ другому есть одна изъ выдающихся сторонъ характера мервцевъ, какъ и всякой воровской шайки. Нельзя побить 10 минутъ среди тохтамшей, чтобы не услышать чего-либо противъ отамшней. То же въ дальнѣйшихъ подраздѣленіяхъ: бакши лгутъ на сичмазъ; каждый родъ на своего сосѣда. Постоянно слышишь: таево-то племя ведетъ переговоры съ англичанами, хочетъ начать войну съ Россіей, при чемъ сообщающій предлагаетъ услуги свои и своего рода или племена противъ остальныхъ мервцевъ. Конечно, при наступленіи какой-либо внѣшней опасности внутренніе раздоры въ шайкѣ всегда болѣе или менѣе забываются, но все же общности дѣйствій, бывшей въ Ахалѣ, здѣсь ждать нельзя.

Кара-кули-ханъ самъ живетъ въ кибиткѣ; для гостей же у него встроены весьма приличный домикъ,

Начались обыкновенные визиты; самымъ интереснымъ было по-

сѣщеніе Махдумъ-кули, сына Нуръ-Верды-хана, начальствовавшаго ахальцами въ 1870 г. Послѣ смерти отца своего въ началѣ 1880 г. Махдумъ-кули считался ханомъ ахальцевъ, хотя впрочемъ въ виду его молодости руководилъ сопротивленіемъ въ качествѣ главнокомандующаго Тикмз-сердаръ. Когда Георгъ-тепе палъ, Махдумъ-кули бѣжалъ въ Мерв и, обнадѣживаемый обѣщаніями О'Донована, не явился съ покорностью въѣхавъ съ остальными ханами; послѣ отъѣзда О'Донована изъ Мерва, Махдумъ-кули понялъ, что поступилъ неразумно, но было уже поздно: Тикмз-Сердаръ, вслѣдствіе полученнаго имъ чина, приобрѣлъ значеніе въ Ахалѣ и хану пришлось бы быть вторымъ лицомъ, такъ какъ онъ самъ понималъ, что рассчитывать ему на какія-либо отличія было нечего. Въ Мервѣ жизнь его была также неприятна. Ханомъ племени векиль былъ его младшій братъ Юсупъ. Махдумъ-кули въ Мервѣ не признавали вовсе и друзей онъ имѣлъ мало: его значенію, какъ старшаго сына Нуръ-Верды-хана, завидовали весьма многие. Мой приѣздъ въ Мервъ возбудилъ разныя толки; конечно, если я выѣхалъ изъ Серакса въ Бухару, то путь лежалъ черезъ Мервъ, но всѣ были убѣждены, что у меня есть еще какія-либо другія цѣли. „Ты мусульманинъ, говорили мервцы моему переводчику, — долженъ намъ помочъ; скажи правду, для чего боишься въ Мервѣ?“

У Махдумъ-кули явился надежда, что я привезу ему какія-либо предложенія со стороны русскихъ властей; его удивляло то полное равнодушіе, которое относительно его выказывали въ Асхабадѣ; онъ старался узнать, что его ждетъ, если онъ вернется; отбѣтъ всегда былъ одинъ: надобности въ его приѣздѣ нѣтъ, пусть вернется, если желаетъ, это зависитъ отъ него; послѣ умиротворенія края онъ русскихъ не грабилъ, а за участіе въ войнѣ въ Россіи не мститъ, слѣдовательно наказывать его не за что.

Ханъ ко мнѣ явился безъ свиты. Всѣ ждали чего-либо конфиденціального и тотчасъ по приходѣ хана бывшіе въ комнатѣ люди встали и вышли, что у туркменъ никогда не дѣлается. Мы остались только съ переводчикомъ. Ханъ былъ взволнованъ; послѣ обѣдѣна привѣтствій, онъ на меня все вопросительно смотрѣлъ; я повесть разговоръ о постороннихъ предметахъ; ханъ его не поддерживалъ и самъ ничего не говорилъ; оставивъ его выпить двѣ большія чашки чаю, я прервалъ царинное молчаніе и спросилъ, не имѣетъ-ли онъ чего-либо сказать. „Юкъ“ (нѣтъ), рѣшительно отвѣчалъ Махдумъ-кули. Переводчикъ налилъ ему еще чашку

чаю; ханъ ее пилъ очень медленно; считая свиданіе оконченнымъ. Я сталъ записывать показанія барометровъ, Махдумъ-кули поклонился и вышелъ.

Второй разъ видѣлъ я его уже въ Асхабадѣ, въ октябрѣ, передъ моею побѣдой въ Мервѣ на выборы Майлы-хана.

Въ присутствіи командующаго войсками области, Махдумъ-кули присянулъ присягу на вѣрность Бѣлому царю; съ ханомъ прибыло человѣкъ двадцать свиты; кромѣ того собрались ахальцы посматрѣть на событіе. Отдавъ онъ свою шапку и, все еще предполагая, что его накажутъ за позданіе возвращеніе, дрозаніемъ отъ волненія голосомъ повторялъ за муллою слова присяги. Когда генераль Рербергъ объявилъ ему полное забвеніе прошлаго, то ханъ просилъ лишь, чтобы на него было обращено вниманіе, когда онъ заслужитъ этого, доказавъ свою преданность. Махдумъ-кули не пользуется большимъ значеніемъ въ Ахалѣ и потому возвращеніе его не могло имѣть вліянія на спокойствіе края, а было лишь интересно какъ указаніе, что даже самые упорные текинцы приходятъ къ убѣжденію въ безповоротности порядка, водворившагося послѣ 12 января 1881 г. Это убѣжденіе теперь очень сильно.

V.

Дорога изъ Мерва въ Бухару.

Отъѣздъ свой я назначилъ на слѣдующее утро (28 августа). Впередъ были посланы два верблюда, одинъ съ ячменемъ и частью моего вьюка, другой съ мѣшками на 12 ведеръ воды для безводныхъ переходовъ; съ верблюдами пошелъ и одинъ персъ, который воспользовался нашимъ пробѣгомъ, чтобы справиться по дѣламъ въ Бухару. Люди Кара-кули-хана проводили насъ нѣсколько верствъ. Я, не стѣняясь, производилъ съемку; мѣшны, чтобы дѣлать ее надобно скрытно, чтобы никто не видѣлъ, совершенно неосновательно: мервцы не понимаютъ картинъ или рисунка, а тѣмъ болѣе плана; напрасно имъ старались выяснитъ значеніе картъ, они и теперь остаются при своихъ прежнихъ убѣжденіяхъ. „Да, вотъ вы вездѣ, гдѣ ѣдите, говорили мнѣ текинцы, все рисуете и записываете, а приходится ѣхать во второй разъ по старой дорогѣ, все же надо чтобы проводникъ тебѣ ѣхалъ впереди и указывалъ путь.“ Вообще на съемку смотреть какъ на странность френги, ни къ чему не ведущую, и когда я ставилъ бусеоль на треножникъ, никогда никто не противился этому, а всякій старался указать интересные предметы.

Мы шли черезъ поля, арыки, мимо поселеній и разваливъ укрѣпленій, которыхъ здѣсь на первыхъ 40 верстахъ отъ Коушютъ-ханъ-калы много. Уже версты черезъ восемь начали попадаться отдѣльными небольшими грады песковъ, иногда поросшія кустарникомъ, иногда безъ растительности.

На 17 верстѣ прошли мимо Нагымъ-калы; еще 4 версты далѣе перешагнули черезъ большой каналъ и въ половинѣ одиннадцатаго стали на привалъ у послѣдней отъ Мерва (Коушютъ-ханъ-калы) воды. Здѣсь были люди только въ 4 шаламахъ, остальные уже ушли; они приходятъ сюда только для обработки земли, такъ какъ плодородная мѣста разбросаны часто далеко отъ центра оазиса, куда къ зимѣ въ возвращаются. Этотъ день мы шли не по большой дорогѣ, ибо по ней вѣтъ воды и запасъ пришлось бы дѣлать въ Мервѣ; ранѣе лѣтомъ, кромѣ воды, гдѣ мы останавливались, есть еще арыкъ близъ Кишмана, гдѣ наша дорога соединяется съ плавною; въ августѣ же сборы посѣвовъ были кончены и арыкъ былъ сухой. Вообще можно считать, что послѣдняя вода изъ Мургаба—въ 40 верстахъ отъ Коушютъ-ханъ-калы. Грунтъ вездѣ плотный глинистый; весьма рѣдки грады песка 5—6 саж. шириною; кое-гдѣ его немного нанесло на дорогу, но не настолько, чтобы затруднить ходъ лошади. Сдѣлавъ запасъ воды, мы вступили въ два часа и шли до пяти все по такой же мѣстности; полей встрѣчалось меньше; бугры и развалины укрѣпленій также часты; здѣсь поселеній нѣтъ; встрѣчались лишь мервскія стада. На ночлегъ мы стали у мѣста Кишманъ; здѣсь развалины нѣсколькихъ укрѣпленій и отдѣльныхъ кирпичныхъ домовъ, разбросанныхъ на весьма большой площади; развалины очень древнія; многое уже обратилось въ бугры, поросшіе травой. Только отъ одной калы, судя по воротамъ и способу постройки, не текинской, сохранились довольно хорошо стѣны и часть весьма высокой башни, видной издалека. Башня была построена изъ глины и обложена снаружы со всѣхъ сторонъ; теперь эта наружная обдѣлка обваливается большими глыбами. Верблюдовъ мы выпустили въ 9 часовъ вечера съ тѣмъ, чтобы на привалѣ напоить немного лошадей; какъ жогажъ, такъ и персъ не имѣли другаго оружія кромѣ пашекъ и шли всю ночь, рискуя каждую минуту наткнуться на сарыновъ.

Отъ Кишмана грунтъ дороги плотный; бугры песка не выше 1—2 саж.; кустарникъ невысокій.

Здѣсь мы шли уже по большой дорогѣ, которая, судя по количеству тропинокъ, много посѣщается; по ней идти всѣ большіе ка-

раваны из Мерва на восток; прямая дорога в Хиву всё безводная и пролегалает через пески и по ним редко кто ъздит, не смотря на полную их безопасность от набѣгов эрсарей и сарыковъ. Чѣмъ далѣе отъ Кишмана, тѣмъ чаще попадались пески; особенно послѣднія 5 верст до колодезь; здѣсь пески уже преобладаютъ. Во всякомъ случаѣ можно считать, что до Сираба дорога въ благоприятныхъ условияхъ; здѣсь даже колесное движение было бы не затруднительно.

Подѣзжая къ колодцу, отрядъ нашъ былъ очень не великъ; утромъ одинъ изъ моихъ текинцевъ заболѣлъ лихорадкою; припадокъ былъ на столько силенъ, что больной не могъ ѣхать; пришлось его оставить въ кустахъ около дороги и при немъ еще одного человѣка; со мною ѣхали три текинца, вооруженные бердаками и переводчикъ—магазинною; даншпй намъ изъ Мерва проводникъ былъ такъ старъ и на такой старой лошади, что совершенно не могъ идти въ счетъ, и при томъ онъ былъ вооруженъ только шашкою.

Колодцы Сирабъ (96 верст отъ Коушутъ-ханъ-калы) лежать среди небольшого круглаго озера; вода соленая, впрочемъ животные пьютъ ее охотно, люди же только въ случаѣ очень сильной жажды; колодцы очень обильны и не выбираются; самые большіе караваны не встрѣчаютъ недостатка въ водѣ.

Съ бугровъ окружающихъ такиръ мы увидѣли много барановъ и верблюдовъ. „Баруанъ, каруанъ“, закричали текинцы, очень обрадованные встрѣтить у колодезь караванъ, а не сарыковъ или эрсарей. Караванъ, напротивъ, не зналъ, кто приближается и при въздѣ мы увидѣли 3 человѣкъ въ засадѣ, которые направили на насъ ружья; думая, что видъ моего костюма ихъ успокоитъ, я проѣхалъ впередъ; они не стрѣляли, но и не опустили ружей, а слѣдили за моимъ движеніемъ, все приближаясь; слова моего текинца не помогли и только нашъ мервскій проводникъ Нуръ-Али-серадаръ успокоилъ ихъ. Когда дѣло разъяснилось, люди изъ засады вѣсѣлъ съ нами подошли къ колодцу. Переводчикъ посмѣялся надъ нами: „васъ 60 человѣкъ, а испугались пяти; развѣ не стыдно“.—Сарыки кругомъ, былъ отвѣтъ; а текинца сразу не отличишь отъ сарыка, русскаго же они никогда не видали и потому костюмъ мой имъ ничего не объяснилъ. Оказалось, люди были правы. Я расположился шагахъ въ 150 отъ колодца на возможно незагрязненномъ мѣстѣ. Мы еще не успѣли спать вьюковъ съ лошадей, какъ въ лагерь каравана стали радоваться крики и всё схватились за ору-

жіе; при грубости и дикости мервцевъ нападеніе съ ихъ стороны въ пустынь, гдѣ нѣтъ разсудительныхъ людей, чтобы ихъ удержать, вполнѣ возможно и мы также схватились за оружіе, но тутъ увидѣли, что люди бѣгутъ не въ нашу сторону, а прямо по дорогѣ въ Чарджуй. На буграхъ, саженихъ въ 150 отъ насъ, показались всадники; раздались крики: „Сарыкъ, сарыкъ!“ Всадники кинулись на пасущихся верблюдовъ, начали обрѣзывать и сбрасывать съ нихъ сѣдла и погнали животныхъ въ пески; раздались выстрѣлы, но турменскія ружья за 150 саж. вещь совершенно безвредная. Ко мнѣ подбѣжали люди изъ каравана: „У насъ угнали верблюдовъ, мы всё гнѣше; разрѣшите нашимъ людямъ отбить“.—Сколько сарыковъ? — „Тридцать, сорокъ“.

У насъ всего три берданки и одна магазинка; за нами шли верблюды съ вешами; лошади были крайне утомлены, а впереди оставалось 120 верстъ песковъ, изъ нихъ 90 безъ воды; наконецъ одинъ раненый стѣснилъ бы дальнѣйшее движеніе. Я отказалъ.

Бѣгутъ другіе: „человѣка уграла.“ Отказывать далѣе было нельзя; соблазненные обѣщаніемъ награды мои текинцы стали говорить, что ихъ купленія въ Мервѣ лошади годятся для погони; переводчикъ въпросилъ у нашего слугника перса свѣжую лошадь и вотъ вчетверомъ отправились за разбойниками. Я остался съ мервцами; довольные моимъ разрѣшеніемъ, они перенесли мои вещи къ себѣ въ лагерь и стали меня угощать какими-то отвратительными лепешками, отъ которыхъ и поспѣшилъ отказаться. Собесѣдники мои кромѣ Мерва видѣли только дороги въ пустынь; это были совершенные дикари; они громко выражали свое удивленіе по поводу моего моего поступка и каждой видѣнной вещи; шила, ножъ и даже столовая соль, которую они приняли за сахаръ, ихъ приводили въ совершенное недоумѣніе; объясненія безъ переводчика велись съ большимъ трудомъ. Часа черезъ два вернулись наши люди; они надѣялись, стрѣляя съ разстоянія, на которомъ текинскія ружья недействительны, заставить сарыковъ бѣжать и бросить верблюдовъ; если бы это было сдѣлано подъ самыми лагеремъ, то можно бы ждаты успѣха, но сарыки успѣли отойти довольно далеко, пока текинцы появи своихъ лошадей, и когда они нагнали бѣгущихъ и по второму залпу одного изъ нихъ сбили съ лошади, унавагаго сарыки тотчасъ подобрали и затѣмъ раздѣлились: нѣсколько человѣкъ погнали верблюдовъ, остальные засѣли въ оврагѣ; преимущество сворострѣльнаго оружія не имѣло болѣе значенія и нашимъ людямъ оставалось только вернуться; при этомъ ихъ вовсе не пре-

слѣдовали. Аламань всегда бьгають въ томъ же родѣ какъ этотъ; разбойники спрячутся и ждутъ удобной минуты отогнать верблюдовъ или напасть на спящихъ; разъ это сдѣлано и они ушли на нѣкоторое разстояніе, серьезной погоны не будетъ; если бы охранители каравана были не пѣшие, а всадники, то все же они не пошли бы на огонь, также какъ разбойники не рискнули бы угнать верблюдовъ съ такого разстоянія, гдѣ они могутъ подвергнуться опасности. Только трусость персовъ могла составить текинцамъ репутацию храбрецовъ. Если же при этомъ такъ много пѣшихъ мерцевъ въ Персіи и Пенде, то это объясняется непремѣннымъ качествомъ всякаго труса—полною безпечностью, пока не наступитъ опасность.

На вопросъ, можетъ-ли шайка встрѣтиться еще разъ, мерцы отвѣтили отрицательно. Караванъ пришелъ на колодцы утромъ; слѣдовательно лошади разбойниковъ поены развѣ почью, затѣмъ они спрятались; теперь бѣгутъ къ водѣ. Да при этомъ украдено 8 верблюдовъ, каждый стоитъ около 60 руб.; 500 рублей довольно на 40 человѣкъ, аламанъ удачный и люди войдутъ домой. Впрочемъ, это сарыки и они погнали добычу въ Юлатанъ; если же это ереари, то они выйдутъ на нашу дорогу на Шоръ и мы можемъ ихъ встрѣтить въ Адиль-куи. Ограбленный караванъ состоялъ изъ 1.800 барановъ, которыхъ гнали изъ Мерва для продажи въ Вухару; верблюды и ишаки везли запасъ воды; при караванѣ было до 50 человѣкъ, вооруженныхъ самымъ фантастическимъ оружіемъ: шапками, ножами, старыми пистолетами, весьма пригодными для колледжи, но никакъ не для обороны. Кромѣ того, хозяева каравана, для охраны его, наняли за плату, по 6 руб. каждому, 12 пѣшихъ, вооруженныхъ старыми ружьями. Мы видѣли, какъ они исполняли свое назначеніе, даже караульщики при пашпихахъ верблюдахъ спали. Вечеромъ мерцы подобрали сѣдла и выгѣтъ со всякимъ грузомъ, безъ котораго можно было обойтись, закопали въ пескахъ въ сторонѣ отъ дороги, затѣмъ долго совѣщались и пришли, путемъ совершенно непонятныхъ разсужденій, къ убѣжденію въ необходимости остаться въ Сирабѣ еще одинъ день. Нашъ большой текинецъ и его спутникъ прибыли только, когда стемнѣло. Являлся вопросъ какъ намъ идти далѣе; несмотря на всѣ просьбы продолжать путь съ караваномъ, я отказался; во-первыхъ, при медленномъ движеніи могло не хватить припасовъ, а во-вторыхъ, караваны движутся преимущественно почью, а это совершенно не входило въ мои рассчеты: меня интересовало видѣть дорогу, а хотя ночи и

были лунныя, но это недостаточно для съема. Нападенія намъ бояться было нечего, мы могли отстрѣляться и отъ большаго числа людей; затруднить только вожакъ верблюдовъ, которому приходилось двигаться одному, но онъ, послѣ нѣ котораго колебанія, сказалъ: Аллахъ великъ, и къ 11 часамъ ночи выступилъ впередъ; перъ предпочелъ идти съ нами. На ночь были приняты всѣ предосторожности, какъ всегда по минованіи опасности. Вечеромъ мы много толковали по какой дорогѣ идти: въ Вухару изъ Мерва вѣдетъ много дорогъ; въ Сирабѣ раздѣляются двѣ: южная черезъ Тюръ-куи (3 мезила или вербловыхъ перехода по 20—22 версты), въ Чарджуй (2 мезила) и сѣверная черезъ Адиль-куи въ Бокъ-узунъ на Аму-Дарьѣ, верста 25 ниже Чарджау. На Тюръ-куи идти было опасно, такъ какъ, по слухамъ, онъ засыпанъ сарыками и уже давно все движеніе направлено на Адиль-куи. Также брошена и дорога въ Чарджуй черезъ Рапатекъ, когда-то считавшаяся лучшею изъ всѣхъ. Вообще въ этихъ мѣстахъ рѣдко одна и та же дорога существуетъ продолжительное время; разбойники, чтобы затруднить погоню, бросаютъ трупъ въ колодезь или вовсе засыпаютъ его; гдѣ нибудь выроятъ другой и всѣ идутъ по новой дорогѣ, несмотря на сопряженное съ этимъ удлиненіе пути. Въ Хиву направленіе черезъ Бокъ-узунъ весьма выгодно; напротивъ, для идущихъ въ Вухару этотъ поворотъ равносильнъ удлиненію дороги на 25 версты.

Утромъ мы выступили на разсвѣтѣ, оставивъ караванъ у колодезя. Два раза прошли по твердому грунту сажень по дѣлети и затѣмъ начались пески безъ всякихъ перерывовъ; холмы очень невысокіе, но песокъ утомительный для лошадей, особенно при разстояніи между колодцами въ 90 верстъ и болѣе.

Дорога много посвѣщается, но слѣды быстро заматаются вѣтромъ; указательными знаками служатъ кости верблюдовъ, которыхъ по всему пути весьма много; люди сопровождающіе караваны, разбиваютъ черепа, позвонки и другія кости по кустамъ; по нимъ издалека видна дорога; кромѣ того, во многихъ мѣстахъ, на возвышенностяхъ, съ тою же цѣлью сложены пирамиды изъ вѣтвей и корней саксауда. Въ 27 верстахъ отъ Сираба находится небольшое обнаженное отъ песковъ мѣсто, называемое Шоръ; затѣмъ пески становятся выше и труднѣе для движенія; стали попадаться гряды совершенно сыпучія. На почлегѣ мы остановились въ сторонѣ отъ дороги, гдѣ кустами росла трава, отъ которой наши голодные лошади не отказывались.

31-го августа еще до сѣта выпустили верблюдовъ и затѣмъ выступили сами въ неизвѣстности какъ дойдемъ; проводникъ утверждалъ, что осталось до колодезь не менѣе двухъ мензелей, а лошади отъ выхода изъ Сираба получили два раза по полведра воды. Пески по дорогѣ становились все труднѣе, мѣста безъ кустарника и совершенно сыпучія — все чаще; въ 72 верстахъ отъ Сираба вступили въ длинную впадину, съ болѣе твердымъ грунтомъ, деревья повывше чѣмъ въ пескахъ, впадина всего сажени на три ниже окружающихъ холмовъ; по словамъ текинцевъ, это старое русло Аму-Дары, часть такъ называемаго Чарджуйскаго русла. Проводникъ сообщилъ: „здѣсь когда-то текла Аму-Дары, говорятъ люди; впрочемъ, это было очень давно; теперь уже не живетъ никто изъ видѣвшихся здѣсь течение воды“. Другой проводникъ указалъ русло нѣсколько далѣе. Трудно понять, почему эти впадины принимаются за русла, онѣ встрѣчаются по всѣмъ дорогамъ, въ степи по разнымъ направленіямъ, на разныхъ горизонтахъ; впрочемъ часто онѣ очень узкія сравнительно съ долиною и потому на планѣ въ маленькомъ масштабѣ напоминаютъ изображенія рѣкъ. Въ природѣ это просто твердыя глиняныя поверхности, не покрытыя пескомъ, внутри степи онѣ болѣею частью лишены всякой растительности; близъ Аму-Дары, вслѣдствіе большого количества влаги, растительность почти вездѣ есть, болѣе или менѣе богатая, въ зависимости отъ свойствъ грунта. Эти впадины иногда отдѣльныя, иногда идутъ одна за другою, прерываюсь болѣе или менѣе значительными песчаными пространствами; движеніе по обнаженному грунту весьма удобно и потому дорога часто дѣлаетъ большіе изгибы, чтобы воспользоваться рядомъ такихъ впадинъ. Та, которую мы шли, была долиною около пяти верствъ. Тотчасъ за нею на 4 верстахъ тянутся совершенно сыпучіе барханы; затѣмъ снова идутъ пески, поросшіе кустарникомъ, и опять впадина долиною около 3 верствъ, которую второй проводникъ считаетъ за старое русло Аму-дары. Здѣсь паслись лошади; бывшіе при нихъ хивинцы и бухарцы, увидѣвъ русскую форму, приняли насъ безъ всякой тревоги. Лошади принадлежали каравану, шедшему въ Мешхедъ и стоявшему на колодецѣ Адиль, который находился около 150 саж. въ сторонѣ отъ русла.

Колодезь Адиль (90 верствъ отъ Сираба) совершенно прѣсной и весьма обильный; вода не выбирается вовсе; глубина до воды 7 аршинъ. Вырять онъ племянникомъ старшины селенія Баратгызъ, по имени котораго и названъ. Травы у колодезь совершенно нѣтъ,

мѣсто страшно загрязнено; каждый караванъ знаетъ, что ему стоять лишъ нѣсколько часовъ и о послѣдующихъ не думаетъ; по этой причинѣ мы послѣдшіи уйти подалѣе отъ колодезь; выступивъ въ 4 часа, мы шли до заката солнца по довольно труднымъ пескамъ.

Всю ночь дулъ сѣверо-западный вѣтеръ; насъ сильно занесло пескомъ и когда мы выступили на разсвѣтъ, то тотчасъ почти сблизись съ дороги. Проводникъ старъ и ничего не видѣлъ; отыскали дорогу мои люди. Послѣ двухчасоваго перехода въ пескахъ вышли на узкій шоръ долиною около 8 верствъ. По мнѣнію верблюдоводовъ-татаръ, здѣсь также когда-то протекала Аму-дары; шоръ почти безъ растительности, мѣстами бѣлый палетъ. Мѣстами на шорѣ стояли отдѣльные барханы, передвигавшіеся по немъ. Здѣсь мы уже находились верстахъ въ пятнадцать отъ селенія Баратгызъ; дорога вполне безопасна; встрѣчаются отдѣльные люди, которые въ пескахъ выжигаютъ изъ саксаула уголь и вносятъ его на продажу въ Чарджуй. Послѣ полторачасоваго перехода по барханамъ, такимъ же какъ описаны выше, мы увидѣли сады береговыхъ поселеній и черезъ часъ, выйдя изъ песковъ, подошли къ селенію Баратгызъ (45 верствъ отъ Адиль-куи) и затѣмъ къ Вонънъ-узунъ на Аму-дарыѣ.

Я повторю кратцѣмъ сказанное выше о послѣднемъ участкѣ дороги: она весьма удобная на первыхъ 91 верствѣ отъ Мерва до колодца Сирабъ; весною и лѣтомъ здѣсь есть вода по срединѣ пути; въ остальное время на 26 верствѣ отъ начала.

Отъ Сираба на 125 верствѣ дорога очень плохая: за исключеніемъ нѣсколькихъ такировъ, въ сложности около 15 верствъ, она все время идетъ песками болѣе или менѣе закрѣпленными растительностью и прерываемыми совершенно сыпучими грядками, а въ двухъ мѣстахъ (всего на 13 верстахъ) барханамъ, т. е. находится въ худшихъ условіяхъ, какія только бывають въ пустынѣ. Дорога годится только для вьючнаго движенія; колесное встрѣтило бы слишкомъ большія затрудненія, хотя, конечно, нельзя признать совершенно невозможнымъ протачить здѣсь легкія пушки. Благопріятныя условія — это расположеніе самыхъ трудныхъ мѣстъ не на безводныхъ переходахъ, а вблизи Аму-дары и прѣснаго колодца Адиль. Южнѣе описанной дороги есть еще нѣсколько другихъ, не посѣщаемыхъ теперь вслѣдствіе опасности отъ сарыковъ и ерсарей; по словамъ проводниковъ, онѣ лучше пройденной нами.

VI.

Дорога въ Хиву и отсюда въ Ахаль.

Отъ Бокънъ-узунъ въ Хазаръ-аспъ 280 верстъ; мы ихъ прошли въ пять дней, двигаюсь все время по южному берегу рѣки; дорога болѣею частью пролегаетъ близъ нея и отходитъ въ сторону только въ крутыхъ колѣнахъ для спрямления пути. Главныя переправы съ одного берега на другой на этомъ протяженіи—въ Чарджубъ, Кавахлы и Хазаръ-аспъ. Дорога вездѣ весьма удобная; по ней свободно могутъ двигаться арба; лишь въ двухъ, трехъ мѣстахъ къ берегу подходятъ небольшія гряды сыпучаго песка. Есть также и здѣсь, въ мѣстахъ, гдѣ дорога отходитъ отъ рѣки, длинные узкіе шоры, подобныя тѣмъ, которые южнѣе называли старыми руслами.

Изъ Бокънъ-узунъ идущіе въ Бухару поднимаются къ Чарджубу, идущіе же въ Хиву возвращаются почти до самаго Барагиза, откуда идетъ дорога въ этомъ направленіи.

На 20 верстахъ отъ Барагиза есть поселеніи, затѣмъ въ 10 верстахъ нѣсколько палашей замедельцевъ, приходящихъ сюда на лѣто. Далѣе жителей нѣтъ до бухарскаго укрѣпленія Кавахлы; въ этомъ послѣднемъ пунктѣ имѣется порядочный базаръ, единственный на всемъ пути. Отсюда берегъ снова не заселенъ до Хазаръ-аспа; только вблизи этого города кочуютъ ата-туркмены.

По всей дорогѣ кормъ для лошадей прекраснѣйшій и въ изобиліи; трава и камышъ всюду; наши лошади на этихъ переходахъ поправились послѣ утомленія и лишенія на участкѣ отъ Мерва до Бокънъ-узунъ. Утверждаютъ, что въ густыхъ камышахъ, растущихъ по берегу Аму-Дарьи, водятся въ большомъ количествѣ тигры; вслѣдствіе этого лошадей для пастбы на ночь приходилось привязывать въ камышахъ на длинныхъ веревкахъ какъ можно ближе къ лагерю. Тигровъ мы, конечно, не видѣли и на сколько справедливы толки мѣстныхъ жителей—сказать трудно.

Вдоль дороги много развалинъ укрѣпленій и караванъ-сараевъ, много брошенныхъ арковъ и часто видны слѣды полей. Всѣ разрушенія и обращеніе края въ пустыню результатъ хозяйничанья въ степи текинцевъ; теперь есть надежда, что берегъ снова будетъ скоро заселенъ.

Развалины крѣпостей всѣ, очевидно, не древнія. Онѣ были расположены подалѣе отъ рѣки, тамъ, гдѣ на берегу была широкая

полоса, годная для обработкы; вода проводилась каналами; поэтому расцѣпъ найти ее въ настоящее время близъ укрѣпленій почти всегда ошибоченъ.

На югъ отъ Кавахлы по дорогѣ мы почти никого не встрѣчали; все еще по старой привычкѣ предпочитается сѣверный берегъ.

Отъ Кавахлы на сѣверъ уже часто встрѣчаются караваны и даже одиночные люди. Верстахъ въ десяти недобрая Хазаръ-аспа начинаются хивинскія поселенія.

Изъ Хивы въ Ахаль я вернулся по большой караванной дорогѣ черезъ Шахъ-Сенемъ, Бала-Ишемъ, Казы и Дурругъ. Современное состояніе этого пути будетъ описано въ связи съ описаніемъ остальныхъ дорогъ въ Кара-умахъ, изслѣдованныхъ мною въ апрѣлѣ и маѣ 1883 г. ¹⁾

ДѢЙСТВІЯ ОБЩЕСТВА.

Журналъ засѣданій Отдѣленія Статистики. — 1 ноября 1883 г.

Засѣданіе происходило подъ предѣлительствомъ И. И. Вильсона, предѣлительствующаго въ Отдѣленіи.

Д. чл. Ю. Э. Янсонъ *представилъ* Отдѣленію изданный подъ его наблюдениемъ С.-Петербургскою Городскою Думою трудъ: С.-Петербургъ по переписи 15 декабря 1881 года т. I, ч. I. Въ этой части заключаются данныя, о населеніи столицы съ распределеніемъ по возрастамъ, сословіямъ, грамотности, семейному состоянію и пр., а въ концѣ книги приложенъ рядъ диаграммъ, иллюстрирующихъ съ статистической стороны наиболее типичныя черты столичнаго населенія.

Предѣлительствующій *предложилъ* дѣйствительнымъ членамъ избрать комитетъ по присужденію почетныхъ наградъ Обществу за статистическіе труды. По произведенной баллотировкѣ избранными оказались слѣдующія лица: С. Я. Канушинъ, В. И. Ковалевскій, Л. И. Майровъ, А. И. Штейнъ и Ю. Э. Янсонъ.

Д. чл. Ю. Э. Янсонъ *отдалъ сообщеніе* по вопросу о регистраціи данныхъ движенія населенія и о необходимости изданныхъ измѣненій въ этой регистраціи. Въ настоящее время дѣйствующія узаконенія по этой части, помѣщенныя въ IX томѣ Св. Законовъ, не обеспечиваютъ въ достаточной мѣрѣ вѣрность и своевременность метрическихъ записей, служащихъ у насъ основными источниками статистики движенія населенія, вслѣдствіе чего въ этой важной отрасли статистики являются многіе недостатки,

¹⁾ Подробная карта мѣстностей, изслѣдованныхъ г. Лессаромъ изготовляется и будетъ приложена къ этому тому Извѣстій; до появленія ея, поспѣеишь описаннаго выше путешествія можетъ служить приложенная маршрутная карта путей между Муръ-абомъ и Гери-рудомъ и изъ Серахъ въ Мервъ.

МАРШРУТЫ ПУТЕЙ,
 ПРОБАВЛЯЮЩИХСЯ ИЗ ПЕРВОГО КИТАЙСКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО
 ЮЖНОЙ ТУРКМЕНИИ
 (МЕЖДУ МУРГАПОЛИМ И ГЕР-РАДОМЪ И ВЪЗЪ СЕРАХА ВЪ МЕРВЪ)

МАСШТАБЪ
 1:100,000
 10 20 30 40 50 60 70 80 90 100

	Дорога		Водоотводный канал
	Рельсы и телеграфы		Ирригационный канал
	Грунтовые дороги и тропы		Сенокосы
	Ирригационные каналы, оросительные		Сенокосы
	Рельсы		Сенокосы
	Дорога		Сенокосы

